

АДЕПТ БУРДЬЕ НА КАВКАЗЕ (ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ)

Г.М. Дерлугьян
Северо-Западный университет
(г. Чикаго, США)

Глава 1.

ПОЛЕ

Самое удивительное вознаграждение в ремесле социолога – возможность войти в жизнь других людей и приобрести опыт на основе всех накопленных ими знаний.

Pierre Bourdieu and Loïc Wacquant,
An Invitation to Reflexive Sociology.
(Chicago, 1992)

Прежде чем перейти к историко-теоретической реконструкции связей, ведущих из прошлого в настоящее и будущее (что и является главным методом данной книги), следовало бы приобрести практическое чувство сложной и, возможно, даже экзотичной среды, которую нам предстоит исследовать¹. Практическое восприятие составит нам то, что пронизательный австриец Шумпетер называл «видением» поля и немало ценил как «доаналитический акт познания, поставляющий сырьевой материал для аналитического рассмотрения»². В этой вводной главе я постараюсь передать первые впечатления и наблюдения, которые обычно возникали у людей, посещавших в 1990-е годы места вроде Чечни и Кабардино-Балкарии. Эта глава станет социологическим подражанием тому, что естественным путем приходит к опытным журналистам-международникам,

¹ Спасибо Бенедикту Андерсону и Петеру Катценштайну, моим наставникам в Корнелльском университете в 1993-94 гг., настоявшим, чтобы, помимо сбора формализованных чисто научных данных, я им писал письма-отчеты о поездках на Кавказ.

² См. Richard Swedberg, *Schumpeter: A Biography*, Princeton: Princeton University Press, 1991, p. 181.

в особенности, когда им предоставляется достаточный простор для выражения. Имеется в виду не повседневная новостная заметка, а более крупные итоговые материалы, которые предполагают обретение значительной глубины и композиционной свободы при написании и последующем редактировании. Именно из такого процесса возникают лучшие журналистские книги или длинные повествовательно-аналитические статьи, подобные тем, которыми славится элитарный еженедельник «Нью-Йоркер». Журналисты основываются на практическом знании реалий, возникающем из опыта многолетнего непосредственно нахождения в определенном районе мира. Высшее мастерство журналиста состоит в умении перевести свое глубокое интуитивное знание необычных реалий в понятные своему читателю образы, ситуативные сценки и поясняющие сравнения, которые позволяют аудитории войти в логику событий и человеческих характеров.

Будучи социологом, а не журналистом, я соотношу полевые наблюдения с теоретическими концепциями, почерпнутыми из современной социологической науки, и строю свою интуицию (без которой никуда не денешься и в науке) более сознательно и рефлексивно, на профессиональном знании исследовательских методов. По ходу дела попробуем выдвинуть некоторые предварительные гипотезы, увязывающие эмпирические наблюдения, собранные на поверхности, с более глубинными структурными процессами исторических изменений, которые могут быть реконструированы лишь теоретически.

Американец или европеец, впервые очутившийся на Кавказе (а точно также, надо признать, будет себя чувствовать и большинство русских), оказывается посреди хаотического потока ярких и порою слишком сильных впечатлений. Поначалу это просто ошеломляет. В качестве нормальной, предсказуемой реакции мозг пытается заузить поток информации, поставить заслон мельтешению все новых впечатлений, прикрыться какими-нибудь привычными стереотипами и схемами насчет иноязычного разноголосья. Замечу, что одним из самых распространенных способов защиты от избытка впечатлений как раз и выступает переэкзотизация чужой жизненной реальности. За непривычными одеждой, речью, поведением, прочими внешними этническими и классовыми признаками мы нередко отказываемся разглядеть знакомые человеческие типажи – таксист-«водила», старушка, женщина с ребенком, молодой щеголь, уличный жулик, группка зевак, интеллигентного вида прохожий, полицейский-«мент», чиновник, торговка – людей со вполне обычными житейскими заботами, комплексами, слабостями, предпочтениями. Кто-то из них нам может быть полезен, кого-то лучше бы избегать, большинство просто обтекает нас в потоке жизни.

Приведенные в данной главе впечатления представлены в виде серии отдельных «фотоснимков», запечатленных мгновений из повседневности Северокавказского региона, которые нам предстоит исторически контекстуализировать и подвергнуть аналитическому разбору в последующих главах. А пока бу-

дем просто наблюдать и записывать – хотя и это «простое» занятие может оказаться не столь простым, как кажется. Следует сознательно обращать внимание на вещи и явления, которые могут быть сочтены слишком обыденными и общеизвестными, чтобы удостоиться письменного упоминания. Например, путешественник родом из страны, где рис является основой национальной кухни, в своих записках наверняка пропустит то обстоятельство, что местные жители также едят рис. Упоминание о «хлебе насущном» обитателей других стран появится лишь в том случае, если в пищу идут необычные для нашего путешественника продукты – скажем, жареные бананы, либо выпекаемые в печи-тондыре лепешки из пшеничной муки, просыная или кукурузная каша-мамалыга, или такое американское диво, как неделями не черствеющий нарезанный хлеб в пластиковой упаковке. Историки и этнографы, конечно, профессионально подготовлены замечать подобные преломления действительности в письменных источниках. Но это далеко не единственное из грозящих нам заблуждений.

Иногда наблюдаемое явление может быть искажено нашими собственными ожиданиями определенных результатов. (Методологи позитивистского толка на своем жаргоне именуют это «сбором данных по зависимой переменной».) Например, иностранный ученый, приехавший изучать роль ислама в политике на Кавказе, может настолько сконцентрироваться на предмете своего исследования, что не заметит важные вариации и взаимосвязи в более широких рамках социальной среды и исторического контекста. Разумеется, физики или химики, чья область исследований предоставляет роскошь работы в лабораторных условиях, преднамеренно и тщательно изолируют предмет эксперимента от интерференций окружающей среды – с тем, чтобы рассмотреть вещество в клинически чистой и концентрированной форме. В соответствии с подобным сверхнаучным подходом, старательный исследователь, взявшись за изучение нынешнего движения исламского возрождения, может потратить все свое экспедиционное время на посещение мечетей-новостроек и беседы с их муфтиями и активистами, а эксперт по партизанской войне потратит уйму сил и вероятно пойдет на изрядный риск, чтобы пообщаться с боевиками и их политическим руководством. Разумеется, в данном случае мечети и боевики есть наиболее концентрированные проявления избранной проблематики. Такого рода проблематику, конечно, можно заподозрить в юношеском мачизме на грани поиска приключений, чем, надо признать, грешит немало начинающих журналистов, которые видят ценность информации в самой ее недоступности. Тем не менее, ничуть не меньшую сфокусированность на искусственно изолируемой теме и респондентах легко обнаружить и во многих гендерных исследованиях, которые не без интеллектуального апломба начинают и заканчивают абстрактно-идеологической категорией женщин. Это вовсе не означает, что гендер не важен – о чем ниже. Однако какое социальное явление может существовать в изоляции от своей исторической системы? Стоит исследователю воспринять подобный научный педантизм, как она или он оказывается на краю ловушки идеоло-

гического штампа. Тогда в фокусе исследования вместо людей со свойственными им внутренними противоречиями, грузом прошлого, текстурой социальных взаимосвязей, и зачастую парадоксальным сочетанием нескольких с трудом сопрягаемых социальных ипостасей возникают яркие, но совершенно плакатные образы, олицетворяющие те или иные идеологемы: Бойца, Исламиста, Демократа, Женщины.

Примером может служить приводимое ниже описание моей первой встречи с Мусой Шанибовым. Если бы не моя случайная обмолвка, резко повернувшая ход разговора, Шанибов мог бы быть занесен в полевой отчет лишь в качестве пламенного идеолога и вождя горского национализма, гордо носящего свою традиционную каракулеву папаху. Однако в таком случае могла бы ускользнуть от нашего внимания вся предыдущая, глубоко советская жизнь этого незаурядно одетого человека, точнее, его обыденное для брежневского периода существование в карьерном застое и провинциальной ограниченности возможностей, в то же время наполненное дружескими контактами, музыкой, чтением книг, включая ту классику критической социологии, которая была доступна в тогдашнем Нальчике, и нереализованными мечтами об общественных преобразованиях.

Для пояснения метода данной книги также необходимо с самого начала честно оговорить, что я здесь выступаю не только ученым-социологом, но еще и местным «папуасом» (как все мы есть «туземцы» в каком-то родном уголке мира). Я родился и вырос в Краснодаре, одном из наиболее крупных, многонациональных, хотя одновременно и более русских городов Северного Кавказа. По мере взросления я неизбежно приобретал интуитивное практическое знание местных реалий. Однако данная социализация так и не дошла до уровня «естественного» безотчетного габитуса*. Сразу после десятого класса, в шестнадцатилетнем возрасте я уехал на учебу в Москву, где в МГУ изучал африканские языки и культуры. Затем несколько лет работал переводчиком португальского в Мозамбике, где впервые оказался на войне, а как социолог профессионально сформировался уже в Америке после 1990 г.. Честно говоря, самому не верится, что эта книга написана на изначально мне совершенно иностранном английском языке. Когда я учился в седьмом классе, наша полная собственного значения завуч-«англичанка» без обиняков предложила моим расстроенным родителям перевести их сына, не проявлявшего способностей к языкам, в менее престижную школу для «нацменов», что в Краснодаре означало адыгейцев, греков, ассирийцев и армян. Завуч щедро пожелала мне подучиться нормальному русскому – хотя это мой родной язык, конечно, от рождения я «гыкал» как заправский кубанец. Мой отец-армянин и мама-казачка говорили между собой только по-русски, хотя и неизбежно с мало ими осознаваемыми особенностями местного говора. Впрочем, моя бабушка Еля – Елена Мироновна Тарасенко – до конца своей долгой и очень нелегкой жизни так и не заговорила на норма-

тивном русском. От нее в основном я и унаследовал навык «балакать» по-стациональному.

Для социологических целей оказалось неожиданно полезным, что при работе на Северном Кавказе во мне сочетались способность образованного чужестранца подмечать свежим взором местные особенности (например, манеры или блюда национальной кухни) и усвоенное с молодых ногтей знание данной социальной среды (скажем, почему именно эти блюда подаются на стол в данном случае). Это означает, что в отличие от антропологов, страноведов, или журналистов-международников, в данном случае мне не требовалось годами вживаться в иноэтническую среду, потому что я и без того в ней вырос. В этой книге я исследую свою собственную родину. Пьер Бурдьё называл это «удачной двойственностью» наблюдателя. Он и сам использовал подобное преимущество при изучении провинциальной жизни в юго-западных областях Франции, в горах Беарна, откуда Бурдьё был родом³.

Однако знание местных условий также налагает свои собственные ограничения. Например, в обществе с сильными патриархальными традициями я, будучи мужчиной, зачастую не имел возможности задавать вопросы женщинам. Причем такой возможности может и не представиться. Как гласит местная поговорка, гость на Кавказе – пленник хозяев. Представьте-ка, каково сидеть за торжественным столом с хозяином дома (вполне быть может таким же преподавателем университета), тогда как его старший сын молча и с почтением внимает беседе старших, либо того пуще, аспиранты стоят почтительно у стены, как того требуют традиции местного церемониала, будто бы мы пирующие князья, а они – наши молодые оруженосцы, чьей обязанностью является наполнять бокалы, если не кавказский рог-ритон. Женщины появляются из кухни лишь на минуту, чтобы подать новые блюда: мясо с зеленью, домашние соленья, лепешки с сыром, традиционные местные пельмени или галушки в чесночном соусе. Женщины радушно улыбаются, но при главе семейства и госте не проронят ни слова. Как американский социолог, я подозреваю, что они могли бы представить свой, быть может, совершенно неожиданный взгляд на те же проблемы современных исламских движений или на партизанскую войну. Однако для того, чтобы поговорить с ними, следует ждать менее жесткой в плане ритуальной обязательности обстановки.

Такого рода случаи могли представиться порой совершенно неожиданно. Как-то посреди торжественного обеда на квартире у Шанибовых в резко запахнувшие двери вдруг хлынули спецбойцы в масках и бронежилетах, наставившие на нас короткоствольные автоматы. Из-за их спин вышел полнеющий милиционер с папочкой подмышкой. Он представился местным участковым, навестившим нас с проверкой паспортного режима. Так я получил подтверждение, что за квартирой Шанибова ведется постоянное наблюдение – меня с иностранного вида спутниками заметили входящими в подъезд. Надо признать, что

³ Pierre Bourdieu, *The Logic of Practice*, Cambridge: Polity Press, 1990, p. 16, и личная переписка в 1997 г.

накануне в окрестностях города был замечен и в очередной раз ушел от преследования Шамиль Басаев, некогда воевавший в Абхазии под началом Шанибова, так что интерес милиции к его гостям не назовешь совсем уж праздным. Хозяин вскочил из-за стола и пустился протестовать на эмоциональной смеси русского и кабардинского языков. Он грозил пожаловаться министру внутренних дел республики, взывал к совести и разуму, стыдил невозмутимого участкового-кабардинца за столь грубое попрание обычаев черкесского гостеприимства. Величественно обходя группу вторжения, из кухни появилась хозяйка дома, благородного вида матрона, неожиданно решительно бросившая своему мужу по-русски: «Шанибов, помолчи! Сколько мы уже мук приняли из-за твоего характера...» Вождь горских народов действительно умолк, обстановка несколько разрядилась, а я не без облегчения достал паспорт и сел писать объяснительную на имя начальника ГУВД г. Нальчика. Из-за спины матери возникла дочь, которая с удивительной прирожденной грацией черкешенки несла серебряный поднос с запотевшими хрустальными бокалами «Нарзана». Последовала поразительно сложная многовекторная пантомима, уже ради которой стоило пережить милицейский рейд. Любезно поднося мне бокал охлаждающей минеральной воды, дочь Шанибова ласково и ободряюще улыбнулась мне одними глазами, одновременно предупреждая щеря красивые ровные зубки в направлении отца: «Папа, спокойно!» И при этом она острым локотком, как бы походя, прошла в сантиметре от крупного носа участкового, которому никакого бокала не досталось. Так я уразумел кое-что весьма существенное и ритуально сокрытое о характере гендерной иерархии в советско-национальном семействе Шанибовых. Впрочем, это будет первое и последнее описание семейного быта нашего героя в этой книге. Данный эпизод уже дал нам достаточный эскиз социологического представления, и незачем более вторгаться в личную жизнь Шанибовых.

Одним из методов преодоления вышеуказанного затруднения на гендерном уровне является сознательная проверка и компенсация собственных наблюдений описаниями и анализом журналисток-женщин, таких как Галина Ковальская, Санобар Шерматова, Анна Политковская или прекрасно владеющая русским языком француженка Анн Нива, талант и смелость которых заслуживают глубочайшего уважения⁴. Очень многое мне также удалось почерпнуть из письменных материалов и разговоров с коллегами-женщинами, такими как уроженки Абхазии Рита Мамасхлиси-Кузнецова и Мзия Гочуа, карабахская армянка Нона Шахназарян, и изумительно предприимчивая дагестанка Галина Хизриева

---

⁴ Галина Ковальская, погибшая в 2003 г. при падении вертолета, была, по моему твердому убеждению, одним из лучших российских журналистов. Ее статьи публиковались такими изданиями как «Итоги» (до 2001 г.), а затем «Московскими новостями» и «Еженедельным Журналом». Что до убитой в 2006 г. Анны Политковской, издательство Университета Чикаго некогда оказало мне честь, попросив написать научное предисловие к сборнику ее заметок. См. Anna Politkovskaya, *A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya*, Chicago: Chicago University Press, 2004.

– они, в отличие от меня, могли задавать вопросы, о которых бы никто не стал говорить с мужчиной. Одним из самых важных информантов, способной не только на тонкие наблюдения, но и последовательное их изложение в первичном обобщении, всегда служила моя мудрая старшая сестра.

Важность и неочевидность гендерных соображений в кавказском контексте может быть продемонстрирована, казалось, простым вопросом: как наиболее последовательно придерживающиеся традиций семьи, в которых господствует отец, относятся к уходящему воевать в горы сыну? Вот отрывок из описания общей модели отношения, полученный от знатока местных реалий: Предполагается, что матери не могут вмешиваться напрямую в обсуждение таких сугубо мужских дел, однако в действительности именно за ними остается последнее слово. Мать может молча появиться из кухни с вещами сына, аккуратно уложенными для долгого пути, а может и громко огласить свой запрет, и в таком случае он сможет уйти только через ее труп⁵. Разумеется, не исключено, что это романтизированная версия происходящего. Однако даже фрагментарные данные о происхождении боевиков, воевавших не только в Чечне, но и в Нагорном Карабахе и Абхазии, свидетельствуют о непропорционально большом числе выходцев из семей, насчитывавших трех и более сыновей. В целом завершившаяся в 1950-1960-х индустриализация страны сделала подобные многодетные семьи сравнительно редким явлением в советских республиках. Лишь в определенных социальных и этнических группах (например, среди чеченцев сельских районов) все еще поддерживался высокий уровень рождаемости. Разумеется, среди воевавших можно было увидеть и единственных сыновей, однако в основном это были идеалистически настроенные студенты из городов.

Очевидно, что в охваченных войной регионах старшие в семьях женщины оказываются вовлеченными в сложнейшие, невысказываемые переговорные процессы в рамках собственных семей и сетевых сообществ (соседей, родственно-клановых связей, конфессиональных групп), где определяются вопросы статуса семьи. Будет ли отсутствие добровольца в имеющей нескольких сыновей семье рассматриваться как постыдная непатриотичность? Но можно ли позволить единственному сыну уйти на войну? Важное обстоятельство для рассматриваемого здесь патриархального уклада: чем больше сыновей, тем выше у женщины положение в обществе. Самоотверженная мать героя патриотической войны достигает наивысшего возможного положения в обществе и, таким образом, вносит значительный вклад в укрепление статуса, как своей семьи, так и рода в целом. Данная гипотеза, очевидно приложимая также к палестинцам, иракцам и афганцам, потребует кропотливой проверки женщинами-исследователями в соответствующих регионах. Скорее всего, именно так недавние межэтнические войны укрепили, начинавший было распадаться, патриархальный тип распределения гендерных ролей. Однако на остальных направлениях во-

⁵ Беседа с «Ч.», февраль 1995 г.

просы гендерного порядка остаются весьма неоднозначными, что я далее попытаюсь показать на примере материалов своих наблюдений по статусу женщин в чеченском обществе периода войн. Отчасти это обусловлено всеобъемлющим воздействием на народы Кавказа советских моделей социальной мобильности и обязательного образования. Но ничуть не менее это социальный репертуар выработанных кавказскими женщинами разнообразных гендерных стратегий, служащих для преодоления суровых бытовых тягот, невзгод и многочисленных угроз выживанию.

Непосредственной задачей данной главы является предоставить читателю элементарно практичное этнографическое описание все еще сравнительно малоизученного региона, который вдобавок еще и по-литературному густо овеян флером романтичности либо, наоборот, стал восприниматься в пост-советские времена через грубо упрощающую призму бытовых негативных стереотипов. В самом деле, Кавказ постоянно рисуется весьма цветисто – как иностранцами и приезжими, так и местными обитателями, в особенности когда последние пытаются произвести впечатление на первых⁶. На Западе литературная традиция романтизации Кавказа восходит ко временам дворянских путешественников викторианской эпохи. Ряды странствующих джентльменов XIX в. (в основном англичан и немцев) состояли из географов, офицеров, шпионов, дипломатов, искателей приключений, вплоть до самого Александра Дюма-отца, путешествовавшего по Российской империи в конце 1850-х. Их описания населяющих регион народов (будь то горцы или мои казацкие предки по материнской линии) неизменно сводились к стереотипу благородных дикарей, живущих по своим суровым законам среди первозданной природы⁷.

Русская литература создала собственную внушительную мифологию Кавказа, идущую от Пушкина, Лермонтова и Толстого к Солженицыну и Фазилю Искандеру⁸. В конце XX в. традиции романтизации с новой силой возродились в речах националистов Кавказа, а также в симпатизирующих чеченцам и другим кавказским народам художественных произведениях (например, номинированном на «Оскар» фильме «Кавказский пленник», впервые сделавшем знаменитым Сергея Бодрова). Наиболее сильно романтикой пронизано освещение чеченских войн западными СМИ⁹. В этой главе, да и во всей книге я попытаюсь,

⁶ Разумеется, антропологам это явление хорошо известно. См. например, Marshall Sahlins, «Cosmologies of Capitalism: the Trans-Pacific Sector of 'The World System'» in Nicholas B. Dirks, Geoff Eley, and Sherry B. Ortner (eds), *Culture/Power/History*, Princeton: Princeton University Press, 1994.

⁷ Невероятные ситуации, биографические подробности и романтическая атмосфера этих путешествий, относящихся к географии восходящего империализма Запада, мастерски представлены в работе Neal Ascherson, *The Black Sea*, London: Johnatan Cape, 1995.

⁸ Литературное исследование данной традиции см. у Susan Layton, *Russian Literature and Empire: Conquest of Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, New York: Cambridge University Press, 1994.

⁹ В конце 1994 г., когда российские войска начали продвижение вглубь Чечни, популярный еженедельник «Аргументы и Факты» опубликовал результаты социологического опроса жителей больших российских городов об источниках их информации и их мнении о чеченцах. Выяснилось, что лишь 7% опрошенных когда-либо лично встречались с чеченцами (причем тогда у большинства остались положительные воспоминания). Около 40% получали информацию из телевидения и газет, и приблизительно столько же назвали в качестве источника своих впечатлений стихи Лермонтова и повести Толстого, являвшиеся составной частью школьной программы.

по крайней мере, повернуть вспять эту тенденцию романтизирования, выставляя против плакатных стереотипов более стереоскопичную и контекстуализированную картинку в усложненной текстуре. Это не означает, что картинка выйдет красивее, но, надеюсь, она окажется ближе к реалиям Кавказа, которые мне довелось наблюдать и пережить.

Чечня, Площадь Свободы

В январе 1997 г. вместе с антропологом Игорем Кузнецовым мы как-то провели добрую половину дня, наблюдая митинг на площади Свободы в Грозном – лежавшей в руинах столице Чечни. Моей основной задачей было наблюдение социальных взаимодействий и, по Эрвину Гоффману, саморепрезентаций и повседневных микро-ритуалов, возникавших на митингах в ходе предвыборной президентской кампании. Пространство огромной площади было четко разделено на выступающих политиков; маленькие группки их активных сторонников, собиравшиеся вокруг импровизированных трибун на платформах грузовиков; значительно более многочисленную группу в несколько тысяч человек, которые могли за несколько минут из внимательных слушателей обратиться в равнодушных скучающих наблюдателей; и, наконец, десятки иностранных корреспондентов, занявших вместе со своей загадочно-внушительной профессиональной теле- и фототехникой позиции по внешнему периметру митинга.

Как выяснилось позднее, это был период лишь временного перемирия. Несколькими неделями ранее российские войска были выведены из Чечни, где в августе 1996 г. они неожиданно потерпели ряд ошеломительных поражений. Было заключено перемирие, а также достигнуто соглашение о проведении президентских и парламентских выборов в Чечне при участии международных наблюдателей. На краткий миг показалось, что это было многообещающее начало новой, мирной эпохи и де-факто независимости Чечни – перспектива, заставившая съехаться две сотни журналистов со всего мира.

В действительности в день нашего приезда в Грозном было холодно и сыро; кругом лежала липкая густая грязь. Несмотря на героические меры по расчистке главных улиц, предпринимаемые новым градоначальником и его командой добровольцев (которым пока только обещали заплатить), шагать нам приходилось по оставшейся от недавних боев хрустящей мешанине из битого стекла, штукатурки, кирпича и стреляных гильз. Сменявшие друг друга у микрофонов чеченские активисты среднего звена часами повторяли стандартные патриотические лозунги того времени. Большинству пришедших на митинг происходящее уже порядком наскучило. Часть из них сбилась в маленькие кучки; в некоторых из них шли жаркие споры, прочие лишь наблюдали за происходящим или просто курили. Однако, несмотря на все это, площадь однозначно была местом основных событий – тем, что Рэндалл Коллинз мог бы назвать

Заметим, что взрослые чеченцы, которые учились по той же школьной программе, хорошо осведомлены о своем литературном имидже и, как правило, им гордятся.

центром эмоционального внимания¹⁰. Несмотря на плохую погоду и малоинтересных выступающих, люди не могли покинуть площадь. В воздухе витала всеобщая потребность держаться вместе, обсуждать государственные дела и быть свидетелем тому, как делается история.

Вероятно, наилучшим подтверждением данного переживания было присутствие на площади плотно сбитых стаяк болтающих друг с дружкой девочек-подростков; почти все они носили модные кожаные плащи турецкой выделки и держали разноцветные пластиковые пакеты магазинов беспощинной торговли Абу-Даби или Кипра. Выглядели они скорее так, будто направлялись на шопинг или дискотеку, а не присутствовали на политическом митинге. Эти вполне обычные городские девочки, пожалуй, даже превосходили числом более необычно одетых людей – тех, кто пришел в камуфляжной военной форме, традиционных черкесках или папахах, либо предписываемых исламскими нормами шаях на головах у женщин – однако никто, конечно, не замечал слишком обыденного присутствия этих школьниц или студенток.

Разумеется, собравшиеся журналисты не могли упустить мальчика лет пяти-шести, одетого в новехонькое подобие полевого камуфляжа и вооруженного игрушечным автоматом, которого гордые родители торжественно водили по площади. Щелкали затворы фотокамер, сверкали блицы, сияющие родители чуть нарочито позировали, прохожие улыбались и некоторые сюсюкали малышу; атмосфера происходящего имела карнавальнй оттенок – вероятно, из-за ангельского личика ребенка и искренней гордости, расправившей родителей. Позднее я не раз встречал в российской, чеченской и западной прессе снимки этого самого мальчика, сопровождаемые совершенно разными подписями: «Чечня: борьба до конца», «Нация жива!» или же «Бандиты сызмальства», «К джихаду готовы».

В остальном журналисты также выглядели крайне скучающими и обсуждали между собой возможность подыскать место с более активным или живописным действием. Нам с Игорем оставалось лишь бродить по окрестностям площади (избегая руин со множеством неразорвавшихся боеприпасов) и подмечать подробности.

Первым, что привлекло наше внимание, были уличные указатели. Надпись на фанерке, прикрепленной к покалеченному и насквозь простреленному фонарному столбу, гласила: «Штаб Исламского батальона переехал по адресу ул. Розы Люксембург, 12». Вот такое ироническое сочетание восходящей политической силы и легендарного, ныне никому не понятного имени из социалистического прошлого. Другие наименования были абсолютно неожиданным воплощением недавних политических мер правительства Ичкерии: Проспект Михаила Горбачева и Площадь Никиты Хрущева. Где, в каком еще городе, можно было обнаружить площадь, носящую имя Хрущева?! Конечно, это он в 1957 г.

¹⁰ Randall Collins, «Social Movements and the Focus of Emotional Attention,» in Jeff Goodwin, James Jasper and Francesca Poletta (eds), *Passionate Politics: Emotions and Social Movements*, Chicago: University of Chicago Press, 2001, pp. 27-44.

отменил сталинский секретный указ о ссылке чеченцев и ингушей и не стал препятствовать их возвращению на родину предков. Эти уличные названия были проявлением публичной благодарности двум добродетельным российским правителям, двум потерпевшим поражение поборникам демократических преобразований¹¹.

Важнее всего, это не было исключительно официальной попыткой разглядеть положительные стороны в советской эпохе. Во многих обыкновенных чеченских семьях мы слышали с воодушевлением рассказываемые нам стандартные истории: о русском солдате или железнодорожнике, бросившем буханку хлеба в товарный вагон депортируемым чеченцам; о раскулаченном старом казачке, сосланном в Казахстан еще перед Отечественной войной, который отдал свою бурку чеченским детям в первую холодную зиму; о доброй женщине из поволжских немцев, делившей молоко от своей единственной коровы. Подобные рассказы (возможно, и сильно приукрашенные) должны были подчеркнуть, что чеченцы никогда не забывают добра – как, впрочем, и зла. Главное, подобные истории о доброте делали для самих чеченцев психологически возможным мирное соседство с русскими сегодня и в будущем.

Во время нашей поездки столица Чечни более не именовалась Грозный – во всяком случае, официальными лицами. Несколькими днями ранее указом исполняющего обязанности президента Зелимхана Яндарбиева Грозный был переименован в Джохар-кала (город Джохара) в честь первого президента генерала Дудаева, годом ранее убитого российской управляемой ракетой. Имя Грозный было не только русским, но и однозначно колониальным. Оно было дано в 1818 г. городу его основателем, Кавказским Наместником генералом Ермоловым, печально известным беспощадными карательными мерами по усмирению горцев.

Смена имени была, однако, явственно направленным на повышение собственного рейтинга Яндарбиева. После революции 1991 г. этот бывший советский поэт стал идеологом, стоявшим за президентом Дудаевым. Большинство чеченцев не особенно принимало Яндарбиева всерьез – что проку в интеллигенте, оказавшемся в тени харизматичного авторитарного лидера? Однако Яндарбиев явно обладал свойственным провинциальным поэтам повышенным самолюбием, и густо украсил стены и столбы Грозного-Джохар-калы своими предвыборными плакатами. Все в его образе дышало несколько выпреним символизмом: недавно отращенная длинная борода с проседью, вероятно, символизировала мудрость и набожность; высокая каракулевая папаха должна была свидетельствовать о верности кавказским традициям, камуфляжная куртка указывала на бытность воином, тогда как видневшиеся из-под нее белая сорочка и

---

¹¹ Позднее я рассказал Сергею Никитовичу Хрущеву, который давно живет в Америке, о названной в честь его отца площади – что было для него неожиданностью. Подобным же образом, и М.С. Горбачев лишь смутно слышал о носившем его имя проспекте в Чечне. Чеченским националистам не удалось донести до целевой аудитории свое послание. Показательнее, что и журналисты не сумели заметить данный факт, не соответствовавший общепринятому штампу восстания чеченцев против русских.

галстук являлись признаками принадлежности к городскому интеллектуализму. Надпись на плакате подытоживала: «Политик. Поэт. Патриот¹²».

Собственно, и сам генерал Дудаев при жизни также не всегда воспринимался всерьез – во многом благодаря бесконечным громогласным заявлениям, находившимся в очевидном противоречии с реалиями хаоса и развала, последовавшего за крахом СССР и провозглашением Чечней независимости. Это противоречие еще более усугубилось в ходе недавней войны, в которой Дудаев не отличился полководческими способностями. На самом деле сопротивление российским войскам в декабре 1994 г. было организовано совместными усилиями Аслана Масхадова, рассудительно профессионального полковника-артиллериста, в прошлую бытность названного лучшим офицером Советской группы войск в Венгрии, и Шамиля Басаева – бывшего студента, отчисленного из Московского института землеустройства за неуспеваемость, но оказавшегося блестящим самоучкой в партизанских действиях, хотя и мало в чем другом. На президентских выборах 1997 г. герои войны Масхадов и Басаев выступали явными фаворитами и соперниками. Однако Джохар Дудаев оставался мученическим символом проекта национальной независимости Чечни образца 1991 г. Теперь, в зимние дни 1997 г., несмотря на мрачную погоду столь полные воодушевления от недавних побед и надежд на второй запуск чеченской независимости, главным наследником Дудаева стремился выступить временный президент Зелимхан Яндарбиев. Поэту независимости, однако, предстояло побороться за пост с такими полководцами недавней войны, как Масхадов и Басаев. Именно в этом политическом контексте Яндарбиев пытался теперь придать символическую имени первого президента названию чеченской столицы. Может быть, поэтому никто, за исключением крайних националистов и наборщиков официальной периодики, пока не употреблял названия Джохар-кала. Переименования всегда есть форма политической борьбы, пускай и символической.

Более того, сама Чечня уже была не Чечней, а в своеобразной попытке достичь компромисса носила имя «Чеченская Республика Ичкерия», что было типично националистическим измышлением традиции. Слово «Ичкерия» не чеченского корня. Это в действительности два слова на кумыкском, одном из языков Дагестана, унаследованном от некогда господствовавших в степи тюрков-половцев. «Ич кери» приблизительно означает «вон там», по ту сторону какой-нибудь горы. Почти тысячу лет господствовавшие среди народов степи тюркские языки – кумыкский и татарский – служили, подобно суахили в Восточной Африке или французскому среди аристократий Европы, общей *lingua franca* на многонациональном Северном Кавказе. Когда ввиду геополитических перемен Великая Степь Евразии перестала быть пограничьем, на смену тюркским наречиям в качестве языка межнационального общения пришел русский. Однако в конце XVIII в. кумыкский все еще оставался общеупотребительным

¹² 13 февраля 2004 г. Зелимхан Яндарбиев был убит в результате подрыва машины в Катаре, где он жил в эмиграции после того, как приютившие его талибы лишились власти в Афганистане. Полиция Катара вскоре арестовала сотрудников российских спецслужб, обвиняемых в осуществлении покушения.

на Кавказе, и именно тогда российские военные картографы восприняли от своих местных проводников топоним «ич кери». В 1810-1830-х «Ичкерия» означала горную юго-восточную часть собственно Чечни, а затем постепенно вышло из употребления. Пришедшее ему на смену наименование «Чечня» обязано своим существованием также типично колониальной картографической практике. По названию первого приграничного села Чеченаул имя «чеченцев» получила языковая группа местных жителей, которые причинили немало беспокойства расширяющейся Российской империи.

Разделив участь многих полузабытых слов, Ичкерия со временем приобрела немного поэтического оттенка, еще более усиливавшегося мелодическим звучанием для слуха, привыкшего к звучанию индоевропейских и тюркских (но не гортанных кавказских) языков. Это название сохранилось в основном благодаря стихам Лермонтова – русского отклика на бунтарский гений Байрона. Показателем разницы между породившими этих двух поэтов империями может служить их судьба – если Байрон сам искал смертельно опасных приключений в войне за свободу Эллады, то поручик столичного гвардейского полка Лермонтов был сослан на Кавказ за написание получившей широкую известность поэмы на трагическую смерть Пушкина в 1837 г. (вполне обычное наказание для своевольных и политически неблагонадежных офицеров в правление приверженца строжайшей дисциплины Николая I).

Минули эпохи. В ноябре 1990 г., когда перестройка вступала в свою последнюю пасмурную зиму, Второй съезд чеченского народа решил вновь предпринять усилия по обретению независимости (заметим, Первый съезд состоялся в 1918 г., в разгар Гражданской войны). При подготовке ко второму съезду выяснилось, что у Чечни нет собственного исконного имени. Единственным наследством было самоназвание народа – нохчи, т.е. просто «люди, народ» – равно как и этнонимы тюрк, банту, или Deutsch изначально имели в соответствующих языках значение именно «люди», т.е. свои, люди понятного языка (отсюда и славяне или словене – скорее всего от «слово», люди понятного языка). Отсутствие совпадающего с областью расселения данного народа политически независимого образования вполне закономерно стало причиной отсутствия названия всей страны. Однако на дворе был 1990 год, и все русифицированные советские названия (как и дискредитировавшие себя политические институты советского федерализма) отвергались без колебаний: Белоруссия стала Беларусью, Молдавия – Молдовой, Татария – Татарстаном, Якутия – Сахой, Калмыкия – Хальмг Тангч.

Спеша подобрать подходящее имя для своей страны, первопроходцы нового чеченского национализма устремились в разных направлениях. Предлагаемые названия – Нохчи-Мохк (буквально: Страна чеченцев) или Нохчи-чьо (Чечен-ия), быть может, вполне соответствовали грамматике и богатой согласными фонетике северокавказских языков, однако звучали слишком ново, как-то странно и искусственно. Они так и не прижились. В провинциальной по сущно-

сти Чечено-Ингушской АССР ни один ученый или писатель не обладал достаточным институциональным и моральным авторитетом, чтобы настоять на своем варианте.

Гордиев узел был разрублен бравым генералом Дудаевым – чеченцем, большую часть своей жизни проведшим в гарнизонных городках по всему Советскому Союзу. Это мало способствовало совершенному знанию родного языка, однако Дудаев был горячим поклонником Лермонтова и во время офицерских застолий, бывало, пространно и с чувством наизусть декламировал его стихи об отважных чеченских молодцах, во весь опор несущихся на сечу. Возражения, что Лермонтов был типичным европейским романтиком, описывавшим чеченцев как великолепных кровожадных дикарей, совершенно не смущали Дудаева и отметались как излишне педантские, вернее, как любил выражаться генерал, крохоборские. Имя «Ичкерия» дышало славой, историей, объединением нации. Кроме того, такое слово писалось и произносилось куда легче, чем Нохчи-чьо – а это, нельзя не признать, немаловажное обстоятельство в задаче нанести на мировую карту новое государство.

Архитеррорист

В центре дорожной развязки среди типично советских многоэтажных «Черемушек» стояла возведенная еще в советские времена железная стела, ныне испещренная следами от пуль и осколков и покрытая ржавчиной. Горьким ироничным напоминанием о временах (пусть даже и неоднозначных) прежнего процветания были большие потускневшие буквы типично советского лозунга: «Народы планеты! Берегите мир!» Совсем недавно стела была обклеена предвыборными портретами бородатого и украшенного ичкерийскими орденами Шамиля Басаева, сопровождаемыми лозунгами и даже целыми манифестами, к моему изумлению, адресованными русским. Басаев, оказывается, просил прощения за захват Буденновска и призывал к примирению!

Басаевская биография помогает понять, откуда после стольких лет советизации могли взяться на Кавказе нео-исламистские боевики. Насколько известно, он родился в 1965 г. в горном селе Ведено – том самом, где столетием ранее располагалась ставка легендарного имама Шамиля, самого успешного и известного из вождей газавата позапрошлого века¹³. Разумеется, имя Шамиль перекликалось с легендарным имамом, а Ведено было тем местом, где почти каждый камень увязывался с местной легендой, обычно восхвалявшей подвиг героя, принявшего там свой последний бой. Однако Басаев вырос в советские времена, когда Ведено стало большим совхозом, и его первой (и единственной) мирной работой была должность «техника-животновода». Мечтая, как и многие сельские парни, о куда большем, после службы в армии он уехал в Москву

¹³ *Газават* есть более узкий синоним *джихаду* (дословн. преодоление). Термин газават получил распространение в период борьбы мусульман с крестоносцами и означает набеговую войну, ведущуюся правоверными рыцарями-гази.

учиться сельхоз специальности, очевидно просто, чтобы поступить куда-нибудь, где давали скидку выходцам из села. Учебу он вскоре бросил, то ли разочаровавшись в избранной скромной карьере, то ли оказавшись совсем плохо приспособленным к учебе. Басаев позднее с усмешкой рассказывал, что провалил его на экзамене по математике сам Константин Боровой, впоследствии известный предприниматель и либеральный активист, в советские времена подрабатывавший почасовиком в непрестижных ВУЗах, поскольку его как еврея не пускали на работу в оборонной промышленности. Боровой, впрочем, такого чеченского студента припомнить не мог. Есть и третье объяснение. В последние годы перестройки немало студентов уходило в предпринимательство, которое тогда, как многим казалось, давало фантастические перспективы в сравнении с прозябанием на должности инженера или агронома. Если это и так, бизнесмена из Басаева тогда не вышло.

Люди, знавшие этого архитеррориста в молодости, говорили, что его отчисление из института стало для многих неожиданностью. Шамиль всегда отличался если не прилежанием, то честолюбием, упорством, и способностью руководить сверстниками. «У Шамиля всегда все было четко», – говорили они. На вопрос, кем бы он мог стать, если бы советский строй сохранился и продолжал задавать жизненные возможности, мне отвечали, что Шамиль бы непременно стал начальником чего-нибудь, скажем, родного совхоза или заводского цеха – если только (смешок, переходящий во вздох), учитывая его порывистый характер и авантюризм, до того не сел бы в тюрьму за какое-нибудь хулиганство. Как тут не вспомнить, что некогда и Осам бин Ладен по специальности был инженером-дорожником, его первый заместитель по Аль-Каиде Айман аль-Завахири был врачом, а более половины террористов 11 сентября были студентами различных технических специальностей и вовсе не исламскими богословами¹⁴. Семейное происхождение и биографии многих современных исламистов напоминают скорее личные данные эсеровских боевиков из царской России.

Возможно самым важным, что вынес из непродолжительной учебы в институте молодой Шамиль Басаев, было его знакомство с кубинскими студентами, подарившими ему портрет Эрнесто Че Гевары. Говорят, что Басаев всегда носил карточку Че в нагрудном кармане своей полевой формы¹⁵. Во время попытки переворота ГКЧП в августе 1991 г. Басаев был в рядах защитников московского Белого Дома и демократической России. По другой версии, он пришел защищать не демократию, а чеченца Хасбулатова, однако это скорее одно из типичных преувеличений этнической составляющей в поведении чеченцев. Басаев той поры был, судя по большинству добросовестных свидетельств, захвачен эмоциями перестроечной борьбы с тоталитаризмом, как и большинство советской молодежи – стоит ли тому удивляться? Кроме того, до августа 1991 г.

¹⁴ Mark Sageman, *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

¹⁵ Подробнее см. Georgi Derluguian, «Che Guevaras in Turbans», *New Left Review*, 1/237 (September-October 1999)

векторы перестроечной демократии и чеченского национализма полностью совпадали.

Уже двумя месяцами спустя эти векторы разошлись. Так же резко сместился эмоциональный фокус и характер басаевской борьбы. Он угнал в Турцию пассажирский самолет, летевший из Москвы в Грозный, в знак протеста против «предательского» отказа «псевдодемократа» Ельцина признать независимость Чечни. Первый террористический эпизод в биографии Басаева разрешился мирным путем всего за несколько часов. Турецкие власти отпустили Басаева вместе с угнанным им самолетом в самостийную Чечню, где он мгновенно приобрел репутацию радикальнейшего националиста. От прочих радикальных националистов, каких тогда появилась уйма, Басаев отличался тем, что он-то оказался, к сожалению, радикалом действия, а не слова. Некоторое время он воевал на стороне азербайджанцев в Нагорном Карабахе, вместе с которыми в основном терпел поражения от армян, однако успел набраться военного опыта. Именно поэтому в августе того же 1992 года Шамиль Басаев возглавил чеченский добровольческий батальон в Абхазии.

Среди прочих добровольческих подразделений, воевавших против грузин в Абхазии, басаевский отряд прославился в первую очередь дисциплиной (у Басаева всегда царили порядок, отчетность и, в отличие от русских казаков, сухой закон), а также смелостью и воинской смекалкой. Перед атакой на грузинские позиции дерзкие, но довольно малочисленные чеченцы дико завывали волками и затем ошеломляюще стремительно бросались вперед, провоцируя панику. Однажды подобная психическая атака едва не стоила Басаеву жизни – грузинские пулеметчики не убежали и открыли огонь с заранее оборудованных позиций.

Наконец, уже в Абхазии Басаев заработал и, несомненно, сознательно культивировал «волчью» репутацию расчетливого и жестокого воителя, готового на самые радикальные меры, вплоть до террористических, чтобы добиться победы. На самом деле нет проверенных свидетельств, что бойцы чеченского отряда после взятия Гагры играли в футбол отрезанными грузинскими головами. Скорее всего, это типичная для такого рода войн мрачная страшилка. Однако факт, что сам Басаев ничуть не стеснялся подобных слухов и действительно предлагал абхазам для устрашения выставить вдоль линии фронта головы, отрезанные у трупов грузинских солдат. Впрочем, и это скорее могло быть проявлением чеченской бравады и черного юмора. Так Басаев «подкалывал» своих абхазских воинских побратимов, ожидая, что те сдрейфят и тем самым признают статусное превосходство чеченцев в «крутости».

Чеченцы, точнее чеченские сельские парни джигитского возраста, наверное, в самом деле самые большие забияки и хвастуны на Кавказе (хотя конкуренция тут, конечно, велика). К этому их подталкивает острая статусная соревновательность, вообще свойственная кавказцам, но особенно горцам из народностей, которые в XVIII-XIX вв. изгнали своих феодальных князей и уста-

новили воинскую демократию¹⁶. Не вдаваясь в социально-эволюционные дебаты, здесь лишь вкратце заметим, что аналогии между антикняжескими восстаниями горских племен и изгнанием этрусских царей из древнего Рима носят далеко не случайный характер. Науке еще предстоит освоить этот удивительный историко-сравнительный материал. Есть серьезные основания полагать, что на Кавказе в то время возникли воинско-земледельческие сообщества с организацией, вполне сопоставимой с античной. Впрочем, это была воинская демократия скорее брутально спартанского, нежели рафинировано-афинского типа. Беда и слава чеченских джигитов в том, что, как и спартанцы двумя тысячелетиями ранее, они периодически загоняют себя в положение, когда оказываются вынуждены доказывать свое риторическое бахвальство дерзкими до полного безрассудства делами.

Согласно данным вашингтонских экспертов по контртерроризму, в 1994 г. Басаев провел несколько месяцев в Афганистане, где побывал в лагерях боевой подготовки аль-Каиды. Учитывая его способности и навыки войн в Карабахе и Абхазии, можно предположить, что обмен опытом оказался взаимно полезным. Летом 1995 г. диверсионное подразделение с Басаевым во главе взяло в заложники около двух тысяч человек в южнорусском городке Буденновск, и, захватив местную больницу, потребовало прекратить боевые действия в Чечне. Басаев заявил, что поскольку у чеченской стороны нет самолетов и ракет, чтобы ответить на уничтожение российскими военными мирного населения Чечни, то он и его боевики решили стать «живыми ракетами» и перенести войну вглубь России...

Однако зимой 1997 года полный надежд на президентство Шамиль Басаев обещал поехать в Буденновск, чтобы просить прощения.

Рынок символов

На краю площади Свободы, возле руин того, что, судя по закругленной форме больших оконных глазниц, ранее было универмагом сталинской послевоенной постройки, местные торговцы развернули импровизированный рынок. На собранных на скорую руку прилавках из кирпича и досок можно было увидеть полный спектр пользовавшихся спросом товаров и услуг. Предприимчивый владелец спутниковой тарелки обогащался за счет предоставления услуг международной телефонной связи (проводная связь, как, впрочем, и вся остальная городская инфраструктура, по большому счету более не существовала). Пара-тройка столиков специализировалась на торговле патриотическими товарами: чеченскими флагами разных размеров, зелеными бархатными беретами бойцов сопротивления, календарями и плакатами с изображением средневековых крепостей и других исторических памятников Чечни, а также портрета-

---

¹⁶ См. Агларов М.А. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX века*. Москва: “Наука”, 1988.

ми национальных героев – шейха Мансура (легендарного вождя восстания в конце XVIII в.), имама Шамиля и первого президента Чечни Джохара Дудаева. Можно было также приобрести фото волка – нового национального символа – как правило, с заносчивой надписью «Подумай дважды, стоит ли связываться со мной», и даже коврики ручной работы со стилизованным изображением волчицы и лозунгами типа «Бог, Свобода, Ичкерия!» Большинство чеченцев не замечало, что от образа волка пахло язычеством, и что на лозунгах слово «Бог» писалось не «Аллах», а традиционно по-чеченски «Дэла» – еще одно наследие от исторически недавних времен многобожества (сосуществовавшего в Чечне с исламом вплоть до XVIII в.)¹⁷.

Бывший до войны директором Института истории Чечни Вахит Акаев подтвердил, что происхождение волчицы как национального символа Чечни остается загадкой. С перестройкой на читателя хлынул поток публикаций на тему национального прошлого – и вот тогда престарелый историк-любитель, провозглашенный «народным академиком», популяризовал волчицу как мифологическую покровительницу древних чеченцев. После смерти самодеятельного историка Вахит Акаев отправил нескольких аспирантов разобрать архив покойного, однако ни одного оригинального документа о волчице там найдено не было. Однако символ уже как-то прижился, вероятно, оттого, что был довольно удачно геральдически стилизован в круглой кокарде, завоевавшей сердца чеченцев, и затем появился на новом национальном флаге¹⁸.

Участвовавший в разработке флага Лёма Усманов утверждает, что изначальный эскиз предполагал чисто национальный и светский символизм: тонкая красная полоса означала пролитую во многих войнах кровь чеченского народа; более широкая белая полоса означала надежду чеченского народа; темно-зеленое поле знаменовало плодородность родной земли¹⁹. Трудно поверить, что Усманов не осознавал возможности восприятия зеленого поля как символа ислама. И, тем не менее, Лёма, в самом деле, являет собой типичный пример советского интеллигента-перестроечника: честного бессребреника, страстно преданного идее и довольно наивного на фоне беспринципной и корыстной политики посткоммунистического периода.

Вскоре после чеченской революции в ноябре 1991 г. весьма тогда известный в Чечено-Ингушетии оппозиционер и борец с партократией Лёма Усманов был близок к победе на выборах мэра Грозного. Но, как бывает сразу после революций, с исчезновением прежней власти персонаж народного трибуна-общественника уже начал стремительно устаревать. Новому президенту Дудаеву, судя по всему, показалось куда полезнее заручиться поддержкой лица более влиятельного и полезного. Так градоначальником стал Беслан Гантамиров – бывший милиционер, в конце восьмидесятых ушедший в бизнес после отчисле-

¹⁷ Рассмотрение чеченского язычества см. у Anna Zelkina, *In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian advance in the North Caucasus*, London, Hurst and Co, 2000.

¹⁸ Личный разговор с Вахитом Акаевым, Москва, июнь 1999 г.

¹⁹ Личный разговор с Лёмой Усмановым, Эванстон, октябрь 1999 г.

ния из Московского юридического института, насколько известно, за обычную неуспеваемость. В 1990 г. Гантамиров вернулся в Чечено-Ингушетию богатым человеком и окружил себя группировкой вооруженных последователей из так называемой «Партии Исламского Пути». Они и стали штурмовым отрядом чеченской революции 1991 г., сделавшись после ее победы «муниципальной полицией» Грозного – как только их предводитель стал новым мэром столицы.

Спустя два года, в 1993 г. мэр Гантамиров в союзе с частью нового парламента Ичкерии вступил в вооруженный конфликт с президентом Дудаевым. По мнению местных жителей, причиной конфликта стали планы ре-национализации успешно «прихватизированного» Гантамировым экспорта нефти – президент Дудаев отчаянно нуждался в средствах на строительство армии и государства. Это был типичный для едва ли не всех бывших республик СССР конфликт между новыми президентами и постсоветскими парламентами, которые теряли значение с выстраиванием президентских вертикалей власти, а также между правителями стран и претендующими на самостоятельность мэрами крупнейших городов. В дудаевской Чечне этот конфликт произошел раньше и более открыто, со стрельбой на главных улицах. Дудаев тогда победил, не в последнюю очередь благодаря вернувшемуся из Абхазии отряду Шамиля Басаева. Гантамирову пришлось бежать из Грозного в родное село, которое превратилось в эдакую сепаратистскую мини-вотчину внутри непризнанной дудаевской Ичкерии. В 1994 году, при весьма небрежно скрываемой поддержке российских спецслужб, Гантамиров повел собственную армию «контрас» на Грозный, чтобы свергнуть Дудаева. Неудача похода была столь же жестокой, как и неожиданной. Именно тогда, действуя в растерянности и досаде, московские покровители Гантамирова из кремлевской администрации убедили президента Ельцина наказать своенравного мятежного генерала Дудаева вторжением силами регулярной армии.

Гантамировское вооруженное формирование стало одной из первых групп, придавших значение исламского символизма зеленому полю чеченского флага. Учитывая присущий Гантамирову цинизм наемника, его обращение к религии выглядело не более чем идеологической маской, однако его кураторы в Москве (вероятно, с учетом приобретенного в Афганистане опыта спецопераций) одобрили подобный шаг. Гантамировцы стали воевать под новым чеченским флагом, но без ичкерийской геральдической волчицы. Вместо языческой зверя-праматери стали рисовать исламский полумесяц на зеленом поле.

В данном случае наглядно видно, как религия в Чечне политизировалась с нескольких направлений, притом не только с Ближнего Востока. Раз возникнув, динамика политизации религии стала самовоспроизводящейся, поскольку данная стратегия оказалась эффективнее чисто светского национализма и прочих идеологических практик. Как созданные в 1980-х при поддержке ЦРУ в Афганистане и странах Ближнего Востока новые движения фундаменталистов и сети их тайных ячеек давно вышли из-под контроля спецслужб и приобрели

динамику самостоятельного политического развития, точно также и разрозненная, запутанная и жестокая политическая борьба в Чечне в девяностые годы дала непредвиденно мощный импульс подъему религиозных настроений в обществе. Выражаясь языком социологии, религиозное возрожденчество добавило новый слой каузальности (причинности) к постсоветским процессам переорганизации общества. Однако религия не становится социальной силой сама по себе. Было бы словесным фетишизмом утверждать, будто она является самодвижимым явлением. Скорее, ислам стал средством политической и моральной легитимности, каналом доступа к ресурсам ближневосточных политических кругов, а также источником пропаганды, позволившей постепенно вытеснить дискредитировавший себя национализм. Религия в Чечне стала не «фактором», а целым полем острой конкуренции, переходящей в настоящие сражения по мере того, как различные вожди и их вооруженные формирования стали заявлять о приверженности именно их «истинному» исламу.

Видео развал

После прилавка с патриотикой мы перешли к изучению видеокассет на соседнем столике. Выбор дешевых пиратских копий (приблизительно по доллару за штуку) скверного качества являл собой обычный ходовой набор низшего сегмента постсоветского видеорынка. Иными словами, это были доступные по форме развлекательные фильмы основных киножанров: мексиканские сериалы, примитивные американские мультики, индийские мелодрамы, несколько ностальгических картин советской эры, гонконгские фильмы с мастерами боевых искусств и голливудские боевики со Шварценеггером, Сталлоне и Ван Даммом (неудивительно, что многие чеченские боевики походили скорее на Рэмбо, нежели на своих легендарных предков). Возглавлял в то время список хитов видеорынка фильм «Отважное сердце». Работавшая в то время в Гарварде шотландка по происхождению Фиона Хилл рассказывала, что все тот же Басаев по его собственному признанию будто бы 14 раз смотрел этот боевик и вообще обожал шотландцев как горцев и братьев чеченцев по вековой борьбе против имперского – русского и английского – господства²⁰. Как выясняется, Басаев мечтал умереть с призывом «Свобода!» на устах, подобно сыгранному Мелом Гибсоном герою кинофильма²¹. В самом деле, в арабской киноиндустрии пока

²⁰ Личный разговор с Фионой Хилл, Эванстон, декабрь 1999 г.

²¹ В соседней Ингушетии рассказанную Фионой Хилл историю прокомментировали следующим образом: «Да, похоже на наших братьев-чеченцев. Но сами мы, ингуши, предпочитаем идеи другого шотландца – Адама Смита». Ингушский упор на рыночный прагматизм вопреки чеченской бравате шел с самого верха возглавляемого генералом Русланом Аушевым режима просвещенного военного деспотизма. Действия этого профессионального солдата, геройски прошедшего через войну в Афганистане, теперь были направлены на сохранение мира в крошечной, бедной ресурсами Ингушетии, потерпевшей болезненное поражение в недавней войне с соседней Северной Осетией и подозреваемой Москвой в пособничестве чеченским сепаратистам. По не менее прагматическим причинам политическое маневрирование генерала Аушева не могло соответствовать рецептам Адама Смита. Относительная стабильность в Ингушетии финансировалась крайне непрозрачными налоговыми

не овладели гибсоновским рецептом коктейля из исторической развлекательной мелодрамы, компьютеризованного гиперреализма и сверх-кровавого энергичного действия. Там, впрочем, возникли свои варианты сверх-кровавого действия, снятого непрофессионально и безыскусно, зато пафосно и невыносимо назидательно.

Потребовалось какое-то время, чтобы отыскать видеофильмы собственного чеченского производства. Мальчик, посланный на их поиски к другому торговцу, прибежал, наконец, с восемью кассетами. Вывезти их из Чечни оказалось довольно опасным и неприятным приключением, поэтому отдельное спасибо бойцам Воронежского ОМОНа, отпустившим нас с умеренными финансовыми потерями и даже в конце-концов поверившим в наши с Игорем Кузнецовым заверения об историко-архивной ценности подобного рода материалов. Позднее просмотр показал, что видеопленки в основном содержали любительскую съемку различных чеченских митингов, заявления различных полевых командиров, которые были записаны в условиях военного подполья или в горных лагерях, неотредактированный материал съемок боев с российскими войсками, а также записанные со спутниковых тарелок новостные выпуски из Чечни (в основном, ITN, BBC, CNN и российского НТВ). Во время войны чеченцы жадно ловили новости о событиях в собственной стране из иностранных (зачастую единственных доступных) источников, и остро переживали, чтобы их борьба и страдания были увидены миром.

Одна из кассет содержала исламистскую пропаганду джихада. Первый длинный отрывок представлял съемку засады на российскую бронетанковую колонну. Подразделением в засаде руководил амир (воевода, командир) Хаттаб – исламистский интернационалист из Саудовской Аравии, который ранее воевал в Афганистане²². Комментарий на арабском за кадром вел сам Хаттаб. В переводе одной из моих студенток американско-арабского происхождения, выяснилось, что комментарии Хаттаба были столь же безыскусны, как и видеоряд. Этот примитивизм, однако, создавал по-своему достоверное и страшноватое зрелище. Камера дрожала в руках у оператора, съемка была невыносимо затянута (минут двадцать где-то вдаль по горной дороге все ехали и ехали, грохоча, крохотные танки и бронетранспортеры), за кадром раздавалось тяжелое дыхание, хруст веток, выстрелы, крики, и затем протяжным, эмоционально-напряженным речитативом, как будто распевая Коран, арабская речь: «Посмотрите, сколько уничтожено танков! Аллах даровал нам победу. Сколько врагов повержено! Аллах велик!»

Особенно любопытно, что заснятыми оказались эпизоды общения Хаттаба с чеченцами. Арабский командир говорил с ними не на арабском и не на чечен-

---

льготами, которые Москва в тот период предоставляла как плату за лояльность Ингушетии (сопоставить с системой льгот), так и попросту ввиду недостатка средств в центральном бюджете.

²² Смерть Хаттаба относится к весне 2002 г. Умер он, возможно, от старых ран, хотя в российских газетах того времени распространялись слухи, что он был отравлен письмом, переданным российским двойным агентом или же иорданской разведкой, столь средневековым методом избавлявшейся от своих врагов.

ском, а на простом русском языке. Собственно, на каком еще общем языке могли они изъясняться? Русский поневоле остается языком межнационального общения даже среди антироссийских повстанцев, особенно когда речь заходит о танках, пулеметах, вертолетах и прочей современной технике. Хаттаб вероятно знал русский со времен, когда участвовал в гражданской войне в Таджикистане в 1992-93 гг.

Вторая часть той же «хаттабовской» кассеты являла собой уже более профессионально смонтированный сборник кадров, снятых во время различных боев: чеченский пулеметчик ведет огонь по вертолету в небе; цепочка боевиков на горной тропе; сожженные танки и горящие дома. Видеоряд сопровождался бравадно-помпезными и одновременно как-то невсклад слащавыми маршами явно ближневосточного происхождения, что однозначно не совпадало с чеченскими более «лезгиночными» вкусами. Вкупе с комментариями Хаттаба на арабском, кассета оставляла впечатление нацеленного на зарубежного зрителя материала. Вероятнее всего, где-то она служила исламистской пропагандой всемирного джихада.

Я собрался было расплатиться с чисто выбритым продавцом-мужчиной лет сорока – бритье в те дни становилось признаком не только современной городской культуры, но и определенной оппозиции по отношению к поднимающейся волне исламизации. Этот продавец вдруг попытался удержать одну из кассет и сунуть ее под стол. Несмотря на его протесты и заверения, что эта кассета вовсе не его, и что он никогда не стал бы держать подобное в своем доме, именно поэтому я настоял на своем праве купить и ее. Кадры были, в самом деле, ужасающими: суд и расстрел обвиненного в сотрудничестве с российскими властями учителя-чеченца, а также перерезание кинжалом глоток пленных русских солдат. Когда в годы недавней войны эта пленка начала ходить по Чечне, многие городские чеченцы были потрясены и возмущены подобной дикостью, тогда как российская военная пропаганда указывала на эти кадры в качестве доказательства звериной сущности противника.

В самые первые дни войны, по многим свидетельствам, чеченские командиры обращались с пленными федералами почти как с гостями – скорее всего потому, что пока не возникло иной модели поведения по отношению к той самой армии, в которой недавно служили многие чеченцы (включая бывшего сержанта Басаева, майора ГАИ Арсанова, полковника-артиллериста Масхадова и генерал-майора ВВС Дудаева). Есть и вполне правдоподобные рассказы о рыцарском отношении российских офицеров к раненым боевикам, но также только в самом начале войны. Как показывает британский социолог Майкл Манн, обобщивший в мрачном, но тем более полезном труде массив эмпирических данных о геноцидах и военных преступлениях XX в., во всех случаях злодеяния начинали происходить лишь по мере раскручивания процесса эскалации насилия, состоящего из обмена все большими жестокостями (нередко преувеличенными молвой). Люди не становятся

убийцами в одночасье. Для этого требуется эмоциональная брутализация, мотивируемая страхом за себя, мстью за своих, и дегуманизацией образа противника, к которому перестают применяться человеческие нормы. В данном случае считалось, что горло перерезали не желторотым призывникам, и без того пострадавшим от военной «дедовщины», а матерым солдатам-контрактникам, которые «приехали убивать за деньги». Как бы то ни было, в отличие от горожан (многие из которых едва ли могли знать, как перерезать горло барану или корове), куда более близкие навыкам стародавнего быта малообразованные сельские жители Чечни, особенно безработная молодежь, которая после 1991 г. едва ли вообще ходила в школу, и которая при этом вынесла на себе основную тяжесть боев, расценили эти кадры как вполне оправданные и необходимые акты возмездия. С исчезновением государственного закона в Чечне возрождалась вера в крайнее средство кровной мести.

Выборы

Однако сразу после вывода федеральных войск в Чечне января 1997 года в отношении России преобладали примиренческие настроения, выражаемые как посредством местных газет, так и предвыборных пропагандистских листовок. Наиболее примиренческий характер, как уже упоминалось, носили агитлистовки Шамиля Басаева, ввиду очевидной перспективы обретения государственной власти старавшегося избавиться от репутации террориста. Двумя месяцами позже новоизбранный президент Аслан Масхадов, безуспешно пытавшийся избежать раскола и в первую очередь успокоить набравшего на выборах более четверти голосов Басаева, назначит его главой кабинета министров. Однако малообразованный и импульсивный Басаев окажется непригоден к роли государственного деятеля, тем более управленца в условиях разрушенной Чечни, по-прежнему окруженной Россией. После серии провалов Басаев в крайне разгневанном состоянии подал в отставку и примкнул к радикальной оппозиции. До этого момента крайние националисты и сторонники исламистского возрождения находились лишь на окраине политической жизни Чечни. На президентских выборах 1997 г. их кандидаты, включая Яндарбиева, едва набрали 10% всех голосов, что достоверно отражало взгляды тогдашнего чеченского общества. В отличие от выборов в большинстве постсоветских стран (обыденно сопровождающихся апатией, манипуляциями и подтасовками), выборы в Чечне были грамотно организованы, а избиратели голосовали с энтузиазмом.

Героем дня был бегло говоривший по-русски дипломат из Швейцарии Тим Гульдманн, в качестве посредника ОБСЕ проведший большую часть войны в самой Чечне²³. Он принадлежал к новому поколению государственных

²³ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) является институционализированным результатом Хельсинкских соглашений 1975 г., подписанных главами всех тогда существовавших стран Европы и Северной Америки на пике разрядки в годы «холодной войны». В ходе этнических войн 1990-х ОБСЕ стала ка-

служащих Швейцарии, вдохновленному европейской идеологией международной юридической защиты прав человека. Неожиданно для оказавшегося в самой гуще яростной войны дипломата из нейтральной страны, Гульдманн оказался на изумление дотошным и активным переговорщиком. После окончания войны именно он смог организовать в Европе сбор средств и оборудования для проведения выборов в Чечне, а также прибытие групп наблюдателей, необходимых для обеспечения легитимности нового президента и парламента. Своей активностью Гульдманн нажил немало врагов со всех сторон и трижды объявлялся *persona non grata* по трем различным причинам. Во-первых, в годы войны созданное Москвой чеченское правительство бывшего первого секретаря Доку Завгаева было оскорблено своим непризнанием в качестве самостоятельной и полномочной стороны; во-вторых, Гульдманн рассорился с российским парламентом, вернее, с его великодержавным большинством; наконец, когда в предчувствии своего неминуемого поражения на выборах временный президент Зелимхан Яндарбиев в отчаянии обратился к радикально исламистскому аргументу о том, что без наблюдения Запада выборы в Чечне прошли бы не в пример лучше. Однако большинство чеченцев весьма ценили роль Гульдманна и были благодарны за его усилия – не потому, что он помог им выбрать конкретного лидера (59% проголосовало за отставного командира и умеренного политика Аслана Масхадова, и этот процент был бы больше, если бы беженцы за пределами Чечни имели бы возможность принять участие в выборах), а в основном потому, что активное присутствие дипломата из Швейцарии было воспринято как подтверждение вовлеченности Европы в построение будущего Чечни. Гульдманн служил символическим заслоном иному, более исламскому варианту будущего.

Гендер и ислам

В центре новостей из Чечни находились сплошь мужчины самого мужественного вида и боевого возраста – короче, всевозможные бородачи с автоматами. На самом деле там было куда больше заурядных пожилых мужчин уставшего и не очень здорового вида, множество неожиданно веселой детворы и более всего женщин, молодых, зрелых и немолодых, подчас с удивительно благородными и добрыми лицами, несмотря на бедственный быт и ужасы военного времени. В какой-то момент глаз привыкал к Рэмбо-образным лихим парням, пронесившимся на внедорожниках, и к многочисленным охранникам перед входами во всевозможные штабы и офисы, с расслабленной ленцой поигрывающим оружием. И тогда становилось видно, что земля чеченская буквально держится на женщинах, что они-то в этих нечеловеческих условиях и составляют структуры жизнеобеспечения.

Там начинался какой-то другой чеченский мир, о котором мне как мужчине судить труднее. Но кое-что все же прорывалось на поверхность. Собственные, для внутреннего потребления чеченские газеты и телепередачи зимы 1997 г. отводили непонятно много комментариев тому, что довольно выпренок и иносказательно именовалось «проблемами возрождения древних национальных традиций». Потребовалось вчитаться повнимательнее, чтобы понять о чем идет речь. Оказалось, о полигамии и умыкании девушек с целью заключения брака. Из разногласия не всегда внятных мнений постепенно становилось ясно, что это было вовсе не радостным возвратом к исконно горским обычаям, запрещенным коммунистами, а проявлением острейшей нестабильности общества.

Сторонники многоженства, среди которых оказалось на удивление много явно неплохо образованных женщин среднего возраста, утверждали, что в обществе, лишившемся прежних механизмов социальной защиты, особенно при столь высоком проценте незамужних девушек и вдов, освященный религиозным законом полигамный брак предоставлял женщине более стабильный и почетный способ выживания, нежели распространившееся в годы войны негласное сожителство. Неизменно приводился дополнительный аргумент патриотического характера – женщины должны рожать больше детей, чтобы народ восполнил демографические потери после разрушительной войны. В самом деле, есть немало данных о том, что, несмотря на разруху, в Чечне наблюдается мощный рост рождаемости – по крайней мере, в сельских районах. Аргумент сводился к тому, что после такого количества потерь среди чеченских мужчин, наилучшим способом обеспечить законнорожденность детей было бы многоженство.

Вполне предсказуемо, духовенство поддержало подобную точку зрения. Более того, поколением ранее уже имел место убедительный прецедент. В годы сталинской коллективизации и особенно после депортации 1944 г. чеченцев и ингушей в Среднюю Азию, традиционные исламские нормы поведения были пересмотрены с учетом большого числа вдов. В те крайне трудные годы возникали новые подпольные мечети, прихожанами которых были исключительно женщины (этот исторический эпизод остается крайне мало изучен). Еще больше женщин ушло тогда в тайные суфийские кружки, которые давали им духовную и социальную поддержку за пределами их вынужденно неполных семей.

В то же время противники полигамии, среди которых также было много образованных и красноречивых женщин среднего возраста, громко возражали против подобного «возврата к варварству». По их словам, многоженство никогда не было чеченской традицией, а скорее относилось к «персидским шахам и турецким султанам». В прошлом полигамия хоть и имела место, однако была крайне редким явлением в основном ввиду экономических факторов. Крестьяне Северного Кавказа всегда были бедны и скромны в быту. Даже среди князей немногие могли построить себе дворцы. Но главное, гаремы в горском обще-

стве были лишены своего основного социально-статусного значения. Если уж на то пошло, наиболее ценным предметом и показателем социального статуса горца были его конь и оружие, а не обширный гарем жен и наложниц.

Относительно брака способом умыкания выступавшая по ингушскому телевидению учительница сформулировала убедительное (оттого еще более печальное) заключение по данной социальной проблеме. Хотя умыкания случались и в прежние времена, как правило, они совершались с негласного согласия невесты и иногда даже родителей. Подобное джигитство на самом деле прикрывало стыд от бедности и предназначалось для избежания непосильных расходов на выкуп и свадебные торжества. Девушка могла таким образом соединиться с понравившимся ей парнем, даже если тот еще не заработал где-то на шабашке в Казахстане достаточно денег на обзаведение домом и хозяйством. После налаживания семейного быта и рождения первенца происходило торжественно церемониальное примирение с родителями и братьями молодой жены.

Но новая волна похищений конца 1990-х гг. была прямым беззаконием и насилием. Девушек захватывали грубо и нагло, на улице по дороге из магазина или школы, даже порою под угрозой оружия, практически как заложников ради выкупа или обмена. Девушек везли куда-то в тайное место и тут же насиловали, после чего они как «подпорченный товар» автоматически должны были стать собственностью того, кого вовсе не избирали. Корень проблемы, по мнению учительницы, заключался в растущем культурном и поведенческом разрыве между полами и поколениями. Многие девочки прилежно и хорошо учились в школе, приобретали городские манеры, желали бы продолжить образование и затем найти современную работу. Их едва ли привлекала традиционная патриархальная перспектива сделаться годам к восемнадцати многодетной матерью и молчаливой младшей домохозяйкой в подчинении у властной свекрови (которой, конечно, некогда пришлось самой пройти через все это).

Тем временем ни общественная среда, ни сверстники большинства горских парней не способствовали столь же прилежной учебе. Корпеть над учебниками и радовать педагогов, виделось им, как-то не по-джигитски. В итоге, молодые парни не знали ни рамок и ритуалов традиционного ухаживания, ни норм современного городского поведения (как, например, пригласить девушку потанцевать или подарить ей цветы), ни элементарной законности. Ингушская учительница завершила свое печальное выступление риторическим вопросом: «Что же нам теперь делать с целым поколением необразованных хамов?»

Объяснение ингушской учительницы совершенно согласуется с выводами из обширного опыта социологов, изучавших различные этнические гетто в США. Установка на образование и прививаемую им современную самодисциплину возникает среди мальчишек и удерживается только там, где вырисовывается жизненная перспектива стать кем-то значимым в результате приобретения подобного рода навыков и соответствующих видов символического капитала – врачом, адвокатом, инженером-конструктором, предпринимателем. Там, где та-

кая перспектива едва ли видится, поскольку в окружении отсутствуют ролевые примеры взрослых мужчин, добившихся профессионального успеха, начинают действовать противоположные установки на молодеческую развязность, показное рискованное поведение и прочие статусные признаки подростковой «крутизны» – что известный афро-американский социолог Элайджа Андерсон назвал «кодексом улицы»²⁴. В лучшем случае это приводит к карьерам, основанным на таланте и успехе в физических, более дворовых видах спорта, как футбол и баскетбол.

Будучи представителем советской, прогрессивно-светской системы образования, ингушская учительница не пошла далее в своих рассуждениях. Тем солиднее показался следующий гость программы, молодежавый, но уже степенно держащийся бородатый мужчина, представленный как преподаватель недавно основанного Исламского университета. Он отметил, что нормы шариатского права могут помочь в разрешении данной проблемы. Он обвинил во всем именно советское безбожие, которое и произвело молодых варваров. В шариатском праве, как рассуждал преподаватель ислама, четко прописаны и обязанности мужчины, и права женщины, не говоря уже об освященной религией высокой духовности семейных отношений. Его выступление отличалось спокойствием и уверенностью, знанием подробностей традиций исламского права. На фоне горечи и растерянности учительницы, слова исламиста звучали, надо признать, гораздо более убедительно и обнадеживающе.

Как уже упоминалось, за исключением нескольких более технических видов труда, в которых господствовали мужчины (помимо владения оружием это эксплуатация нелегальных нефтяных скважин и аппаратов спутниковой связи, продажа видеокассет, автомобильный извоз и ремонт, плюс забой скота), женщины преобладали во всех уцелевших после войны сферах экономической деятельности в Чечне. Это в основном было связано с сельским и надомным трудом и, конечно, уличной торговлей. Большинство торговцев в Грозном составляли женщины в теплых шерстяных платках, каких-то зипунах и резиновых калошах или сапогах, продававшие жвачку, аспирин, авторучки, жареные семечки, сигареты, домашние пирожки, импортные бананы и прохладительные напитки.

Алкоголя нигде не было видно, хотя у некоторых пиво и водка были припрятаны под прилавком. Повсюду висели сделанные второпях большие надписи как ни странно на русском языке, очевидно, все еще ассоциировавшемся с официальной сферой указов: «Не гневи Аллаха, брось пить!» Запрет на алкоголь был проявлением исламского возрождения, своим существованием обязанного вызванной к жизни войной необходимостью внутреннего сплочения и жесткой дисциплины. Сухой закон считался также актом культурного сопро-

---

²⁴ *Elija Anderson, Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City*. New York: Norton, 1999.

тивления – в противоположность поведению нередко подвыпивших русских солдат. Однако процесс религиозной морализации шел далеко не бесспорно.

Накануне поездки в Грозный, на одной из советского вида центральных улочек Назрани мы зашли пообедать в маленькое, безупречно чистое, просто неправдоподобно вылизанное кафе, украшенное заботливо накрахмаленными занавесками, гирляндами неестественно ярких пластмассовых цветов и здоровенным никелированным электросамоваром на буфетной стойке. Средних лет оживленно щебечущая хозяйка кафе («Ой, мальчики, зовите меня тетей Асей, а то моего ингушского имени вам все равно не выговорить») была одета столь же опрятно, но и с такими же неестественно ярко окрашенными волосами, выбивавшимися из-под белой кружевной наколки на голове. Пока мы заказывали манты и чай, в кафе вошел сердитый длиннородый старик в овчинном тулупе и папахе. Размахивая палкой, он гневным тоном обратился к владелице кафе на ингушском. Но та ответила еще более эмоциональной тирадой, сопровождаемой жестами в нашем направлении. После ухода явно непростительного посетителя, возбужденная недавней перепалкой тетя Ася объяснила нам причину конфликта: «Да это мулла приходил, требовал закрыть кафе на время Рамазана. Пост сейчас у мусульман. А я ему говорю, у меня, вон, клиенты не только мусульмане. Куда я кафе закрою? Я же вдова, понимаете? Мне надо кормить двоих детей и брата-инвалида».

О неочевидности горских кланов

Найти водителя с машиной оказалось делом весьма сложным, поскольку высадившийся в те дни десант международных наблюдателей и корреспондентов ведущих мировых агентств успел произвести на жителей Назрани и Грозного глубокое впечатление. Все эти важные иностранцы очень спешили и имели неосторожное обыкновение расплачиваться стодолларовыми купюрами из объемистых пачек. Местные стали быстро приспосабливаться к внезапно возникшим новым рыночным возможностям, используя их самым разным образом. Наиболее образованные предлагали услуги переводчика, советника или журналиста-стрингера; владельцы хороших автомашин стали шоферами (с оплатой, превосходившей расценки лимузинных служб на Манхэттене); цены на аренду сколь-нибудь целого жилья с удобствами взлетели до умопомрачительных высот. Вскоре, однако, выяснилось, что козырной картой на этом рынке оказался автомат Калашникова, и целые отряды телохранителей приступили к охране зарубежных журналистов и их клади, действуя наперегонки со стремительно плодившимися похитителями заложников и простыми грабителями. Не имея и близко бюджета CNN, оставалось предпочесть метод мимикрии: в поле носить достаточно неприметную одежду и в основном разъезжать, как и большинство местных, на маршрутках. И, тем не менее, легковые машины были не в пример удобнее, а их водители могли нам помочь как переводчики.

Наш водитель был за умеренную плату нанят в соседней Ингушетии. До 1991 г. это была составная часть Чечено-Ингушской АССР, а два коренных языка родственны в достаточной степени, позволяющей называемымся вайнахами (дословно, нашими) народам понимать друг друга. Поездка в Грозный была организована нашим новообретенным ингушским другом и коллегой, который как раз к моменту распада СССР успел получить диплом историка в Чечено-Ингушском университете (впрочем, как он искренне признался, учился он в надежде сделать партийную карьеру). С началом войны этот молодежавый столичного вида мужчина был вынужден переехать к сельским родственникам в дом, где уже жило двадцать человек, половина из которых были беженцами из зоны другого, осетино-ингушского конфликта. Этот образованный, ироничный и довольно амбициозный горожанин сильно тяготился однообразным, расплывчатым требованиями традиций бытом ингушского села. Для моих социологических исследований он стал ценнейшим источником информации, способным одинаково глубоко, хотя и эмоционально неоднозначно понимать обе стороны социального раздела между современным городом и кавказским селом. Наш приятель принадлежал к категории особо ценных информантов, что он быстро уразумел и воспринимал с неподдельно веселым энтузиазмом. Проезжие журналисты, с которыми ему доводилось общаться по работе, интересовались только политическими раскладами и не слишком располагали поговорить по душам о жизни в глуши и грязи, где командовали и захватывали себе все блага неотесанные парни с автоматами и где приходилось прятаться от стариков, чтобы выкурить сигаретку посреди постного месяца Рамазана.

Рано утром мы вместе отправились на стоянку такси близ местного рынка. После ряда переговоров с водителями, наш ингушский друг представил нам скромного пожилого мужчину, к которому он обращался по-свойски «дядя Мухарбек» и прошептал нам по-русски: «Вообще-то я с ним в жизни не встречался, но мы тут немного поговорили и выяснили, что мы одноклассники. Так что в случае чего... Боже упаси, конечно... ну, вы сами понимаете... он вроде бы несет за вас ответственность как за гостей нашего рода. В такие дурные времена, как сейчас, если честно, родственные традиции уже не та гарантия, что считается, но это все же лучше, чем ничего».

Традиционные патрилинейные кланы, в Чечне и Ингушетии обозначаемые арабским словом тейп (таифа – род, группа), в годы недавних потрясений и войн стали предметом многочисленных спекуляций. Романтически настроенные националисты вновь обратились к идее основанного на традиционном родовом правлении «третьего пути» перехода к современной демократии. Мыслящие ориенталистскими категориями сотрудники российских спецслужб и некоторые претендующие на посвященность журналисты выстраивали подробные схемы сфер влияния кланов. Предполагалось, что это может выявить скрытые пружины политических процессов на Северном Кавказе. В свою очередь, я предложу основанное на двух социологических концепциях практическое

толкование того, как работают тейпы²⁵. Во-первых, они являются хранилищем коллективных репутаций, используемых в рамках своей этнической общины в качестве социального капитала. Во-вторых, тейпы служат сетями доверия, которые регулярно оказываются востребованными и задействованными во взаимодействиях вне рамок семейной взаимности.

Однако сети доверия могут оказаться разрушенными в силу многих причин, особенно в трудные времена. Кроме того, социальный капитал трудно измерить, поскольку он не переводится в денежное исчисление. Жители Северного Кавказа обычно ведут долгие беседы о делах своих дальних родственников, отпускают колкие шутки в адрес достоинств того или иного рода, или же (по мнению иностранцев) пускаются в безудержную похвальбу. В действительности, эти ритуалы являются средством установить относительную ценность социального капитала, связываемого с именем того или иного рода. Выпускники Гарвардского, Йельского или Нортвестернского университетов привычно пускаются в аналогичные микро-социальные ритуалы, причем делают это почти ровно в тех же целях. Сети алумниев-выпускников элитных колледжей, так же как и социальные сети горских родов, предоставляют более-менее реальную надежду и пути-цепочки достижения практических целей – поиска работы, партнера по бизнесу, или соответствующей социальному статусу невесты. Подобным же образом родовые сети позволяют оценить доселе ничем не проявившего себя молодого человека, оценить его как потенциального зятя, либо завербовать его в бригаду отходников, отправляющихся на шабашку, или же в отряд боевиков.

Там, где нет эффективной полиции, чтобы заставить выполнять условия соглашений и отсутствует накопленный бюрократическим механизмом архив личных дел и аттестатов, позволяющий оценить достоинства обращающегося, репутация рода остается мерилем решения и позволяет построить доверие. В большинстве случаев коллективная репутация действительно срабатывает, поскольку в плотной социальной среде местных контактов люди стараются не навредить чести своего рода каким-либо проступком, за который им придется отвечать в первую очередь перед собственными родственниками. Однако функция репутации далека от совершенства, поскольку существуют соперничающие формы социального капитала и различные типы сетей доверия, где клановое родство может отступать на второй план, особенно когда этого требует организационная логика более формальной среды. В советские времена это была бюрократия, где своих нередко наивных однотейповцев начинали чураться, чтобы сделать карьеру, а в более недавние времена таковыми стали исламистские братства и отряды боевиков. Немаловажным отличием родов от племен является

---

²⁵ Тимоти Эрл был крайне добр, оказав мне помощь в уяснении социальных механизмов и функций родов. См. Timothy Earle, *How Chiefs Come to Power: The political Economy in Prehistory*, Stanford: Stanford University Press, 1997. В моей работе я совместил социологическое видение Эрла с идеей Бурдые о социальном капитале и некоторыми концепциями обществоведения о доверии, например, Diego Gambetta (ed), *Trust: Making and Breaking Cooperation Relations*, Oxford: Blackwell, 1988.

ся отсутствие у первых формального руководства или вождя – они представляют собой расширенные семьи, которые можно непосредственно наблюдать разве что на самых важных свадьбах и похоронах.

Выданная нам родом гарантия безопасности стала представляться еще более прозрачной, когда мы узнали, что у дяди Мухарбека его предыдущую, почти новую машину отобрали чеченские боевики. (Из-за громких похищений российских журналистов и военных оставался в тени тот факт, что абсолютное большинство и заложников, и жертв ограблений в межвоенной Чечне были местного происхождения – попросту потому, что за ними не надо было далеко ходить, что типично для обыденной преступности во всем мире.) Дядю Мухарбека остановили по дороге на рынок в Дагестан: «Вот так запросто, остановили на шоссе какие-то ребята с автоматами и по-нашему же мне сказали, что моя машина реквизирована на нужды национальной борьбы, ха-ха! И что? Да ничего, пришлось возвращаться домой на попутках. Могли бы и убить, но я никого из этих абреков не узнал, так что кровной мести они не боялись».

Дядя Мухарбек приобрел ту машину на сбережения лучших советских 70-80-х годов, когда работал на нефтяных месторождениях в Сибири. Еще раньше, в казахстанской ссылке сталинских времен, он научился бегло говорить по-русски и водить машину, а женой его стала украинка из раскулаченной семьи, сосланной в Среднюю Азию еще в тридцатых. Она научилась говорить на ингушском, однако на мой вопрос, перешла ли она в ислам, Мухарбек обыденно ответил: «Кому это важно в деревне, где все знают друг друга? Когда нужна помощь, моя жена всегда рядом с другими женщинами, например, на свадьбах и похоронах, но она не читает молитвы. Это молодежь сейчас ударилась в религиозность. В советские времена мусульманин – немусульманин, это было не очень важно».

Пропагандист

Над ведущим к площади Свободы широким проспектом висел «фирменно» выполненный и, наверное, очень дорогой рекламный биллборд с лаконичным призывом на русском: «Исламский порядок: Мовлади Удугов». Прежде малоизвестный местный журналист и министр информации при сепаратистском режиме Дудаева в ходе недавней войны стал гроссмейстером чеченской пропаганды «на зарубеж». Его эффективность была угрюмо признана даже влиятельным российским генералом, заявившим, что один Удугов стоит танкового полка. Призыв к исламскому порядку был хорошим примером его эффективности как пропагандиста: эти навевающие воспоминания два слова увязывали чеченскую мечту о более защищенной, нормальной послевоенной жизни с коллективной самоидентификацией, ярко проявившейся в ходе сопротивления неверным «федералам». Удугов утверждал, что лишь исламское правление могло принести порядок в Чечню, народ которой слишком анархичен, чтобы подчиняться кому-

либо кроме Бога. Это было самым самым продуманным и ярким выражением исламистского проекта в межвоенной Чечне. Тем не менее, несколькими иностранцам удалось заметить удивительно большое число чеченцев, с нескрываемым пренебрежением относившихся к Удугову²⁶. В образованных кругах его называли неофашистом или «нашим Геббельсиком», а среди простого народа можно было часто услышать, что Удугов просто «нехороший человек».

Объяснение отчасти может быть найдено в социальной травме его юности. Столь важное в глубоко патриархальной Чечне семейное происхождение Удугова окутано некоей неловкой тайной, намекающей на незаконнорожденность. Юный Удугов, судя по рассказам знавших его в ту пору людей, остро страдал от того, что был лишен доли социального капитала своей семьи и в жизни мог полагаться лишь на самого себя. Однако в отличие от сентиментальных романов, в реальной жизни сиротская доля не обязательно означает вынужденную скромность, сострадательность или становление сильного характера через лишения и страдания. Бывшие однокурсники Удугова вспоминали, что он слыл гордым и замкнутым одиночкой, никогда не пил и не встречался с девушками. Взамен, юный Мовлади был страстным спорщиком и мог ночи напролет вести дискуссии на разнообразные интеллектуальные темы – от философии до современных фильмов и диссидентства. На его книжной полке почетное место занимали биографии Цезаря, Наполеона и Черчилля. С приходом горбачевской перестройки Удугов стал писать на русском статьи для «неформальной» прессы на стандартные радикальные темы того времени: борьба с бюрократизмом, демократизация, идеалы подлинного социализма, экологии, сохранения национальной культуры.

Позднее, в девяностых, когда Удугов стал щедро спонсируемым исламистским идеологом и ведущим провокационно знаменитого сайта www.kavkaz.org, он все еще продолжал писать на тяжеловесном провинциальном русском языке, носившем узнаваемый отпечаток советского пропагандизма и тяготевшем к помпезности. Многослойность различных влияний на этого несомненно талантливого самоучку выражалось в зачастую едва не пародийном смешении в одном абзаце цитат из Грамши (кумира неомарксистов семидесятых-восьмидесятых) о гегемонии, из позднеперестроечного кумира Фон Хайека о свободе, затем из ознаменовавших начало девяностых «столкновения цивилизаций» Хантингтона, и все эти интеллектуальные вехи конца XX столетия венчала более или менее приличествующая цитата из Корана.

Восстановление порядка в послевоенной Чечне было мечтой всех и каждого, однако все больше людей на разоренной войной земле начинали верить в то, что процесс возвращения к общественному порядку требует чего-то значительно большего, чем в состоянии обеспечить обычное государство – быть может, возвращения к суровой традиционной вере предков. Постоянно приходи-

---

²⁶ Этот факт не избежал внимания наблюдательных Карлотты Голл и Томаса де Вааля. См. стр 36 в их *Chechnya: Calamity in the Caucasus*, New York: NYU Press, 1998.

лось слышать, что чеченцы с оружием в руках не станут слушаться никакого начальника и даже старейшину. Только Бога.

И, тем не менее, искусно прикрепленное к лозунгу Исламского порядка имя Удугова почти повсеместно встречало скептический прием. В ходе предвыборной кампании 1997 г. Басаев, не скрываясь, отпустил шутку о том, как должно быть мило Удугов и его две жены выпили на троих шампанского в новогоднюю ночь. Самому Басаеву не было надобности изображать набожного человека или воина – он и без того вырос в легендарном горном селе Ведено с его крепкими традиционными устоями и куда более всякого другого чеченца отличился в ходе недавней войны. В то время личной стратегией Басаева было создание неожиданно более мирного и европеизированного образа в надежде быть принятым в качестве нормального политика собственными согражданами и, особенно, на международной арене. Однако Удугов, который провел всю войну в интервью и беседах с журналистами, слишком ясно понимал, чего за граница ждет от чеченцев. Для не пользовавшегося популярностью у себя на родине политика единственной надеждой оставалась поддержка из-за рубежа, в основном, с Ближнего Востока. В конце того же 1997 г. разгневанный Басаев оставил политику национального восстановления и вернулся к партизанскому образу жизни. Все это оправдывалось нормами радикальной исламистской идеологии и поддерживалось ближневосточными советниками и спонсорами. Пропагандистские навыки Удугова и здесь подтвердили свою незаменимость.

Изувеченная карьера

Время от времени по площади прокатывались волны оживления, обычно вызываемые раздачей быстро заканчивавшихся агитлистовок, либо группами активистов, которые начинали скандировать лозунги, или, за отсутствием более реальных поводов к поддержанию внимания аудитории, хотя бы слухами о скором прибытии какого-то знаменитого полевого командира, возможно даже самих фаворитов в президентской гонке Аслана Масхадова или Шамиля Басаева, или же впечатляющего оратора и фотогеничного Ахмеда Закаева (при советской власти бывшего актером в грозненском драмтеатре). Однако вместо них появился скандальный «ультра» Салман Радуев.

Enfant terrible чеченского сопротивления был наряжен в причудливую форму, украшенную блестящими пуговицами с эмблемами – по его словам – самого Чингисхана, носил напоминавший головной убор Саддама Хусейна черный берет, арабский мужской платок куфию в шашечках вокруг шеи и закрывавшие большую часть изуродованного пулей лица огромные темные очки. Ходили слухи, что после этого ранения в голову Радуев тронулся умом, или, по крайней мере, пристрастился к болеутоляющим; впрочем, многим другим его действия и до ранения также казались не вполне рациональными. Прошлое Радуева требует определенных усилий по раскрытию сложных переплетенных структур за

фасадом современного образа непримиримого националиста и самопровозглашенного террориста.

Родившийся в 1967 г. Радуев в начале карьерного пути был перспективным комсомольским кадром²⁷. При подготовке диссертации по экономике он в течение года стажировался в братской Болгарии, где изучал опыт внутреннего ценового стимулирования с целью повышения производительности труда в агропромышленных комплексах. Подобный путь предполагал дальнейшее продвижение технократической карьеры в системе советского планового управления (конечно, если бы эта структура продолжила свое существование), или будущее руководителя в новом частном секторе или даже в международном бизнесе. Однако с распадом СССР события приняли совершенно иной оборот, и после 1991 г. Чечня стала мятежной территорией.

Когда в декабре 1994 г. президент Ельцин направил войска на «восстановление конституционного порядка», Радуев воспользовался своим статусом образованного человека, задатками руководителя и, как считается, также семейными связями, чтобы выдвинуться в командиры среднего уровня в чеченском вооруженном сопротивлении. Спустя год, в течение которого Радуев ничем особенно не отличился, он вызвался возглавить дерзкий рейд на территорию соседнего Дагестана. Целью было уничтожить на земле эскадрилью российских боевых вертолетов, сильно досаждавших чеченским боевикам, которые не имели достаточных средств для борьбы с авиацией. Акция потерпела неудачу, и застигнутый на рассвете в предместье дагестанского городка отряд Радуева забаррикадировался в местной больнице, взяв в заложники медицинский персонал и больных, не придумав ничего лучшего, чем повторить прием басаевского рейда в Буденновске шесть месяцами ранее. На сей раз Кремль твердо настаивал на уничтожении террористов, однако вновь потерпел неудачу из-за все той же несогласованности в действиях российских силовых структур. Каким-то странным чудом Радуеву удалось вывести сквозь кольцо всевозможных спецподразделений не только ядро отряда, но и несколько заложников – и вырваться обратно в Чечню²⁸.

В шумихе разразившегося скандала, потока взаимных обвинений и череды отставок российских генералов от большинства обозревателей ускользнуло коренное изменение отношения дагестанцев к своим чеченским соседям. Сочувствие страданиям своих кавказских собратьев сменилось глубокой ненавистью к Радуеву и боевикам вообще. Как сказал бы Талейран, случилось хуже, чем преступление – это была ошибка. Впрочем, как человек достаточно циничный и самовлюбленный, Радуев мог и не осознавать глубины нанесенного соседям оскорбления, как и масштаба последствий для чеченского сопротивления. Вызванный публичным и вопиющим нарушением кодекса добрососедства гнев объединил различные этнические группы Дагестана вокруг отрицания «чечен-

²⁷ Тимур Музаев, *Чеченский кризис-99*, Москва, «Панорама», 1999.

²⁸ Печально известная акция и ее политические последствия в подробностях описаны в работе Carlotta Gall and Thomas de Waal, *Chechnya: Calamity in the Caucasus*, New York: NYU Press, 1998.

ского пути» и затем выразился в неправдоподобном для стороннего наблюдателя росте местной поддержки попрежнему неэффективной и по большому счету безразличной к проблемам региона российской государственной машины. Именно это позволяет понять причину неожиданно упорного сопротивления дагестанцев в августе 1999 г. самовольному «Походу исламского освобождения», предпринятому личной армией Басаева совместно с некоторыми дагестанскими исламистами и религиозными интернационалистами с Ближнего Востока²⁹.

Чувства неприятия и отторжения вновь оживили унаследованные из прошлого скрытые напряжения, по нескольким линиям разломов разделяющие чеченцев и их дагестанских соседей. Они включали: демографическую экспансию чеченцев, на протяжении нескольких десятилетий лидировавших по уровню рождаемости в регионе; шаткое разделение власти на олимпе дагестанской многонациональной политической элиты и соответствующее распределение ресурсов вроде земельных наделов, торговых льгот, правительственных синекур на различных ступенях властной пирамиды. Немаловажным было также наметившееся в среде появившихся в ходе войны чеченских полевых командиров стремление силой монополизировать и «крышевать» прибыльный оборот контрабанды, шедшей через Дагестан³⁰. Вызванные роковым рейдом Радуева эмоции сосредоточили общественное внимание именно на этих факторах, которые и изменили господствующие настроения в различных секторах дагестанского общества. Однако эти изменения до поры оставались незамеченными многими экспертами, которые пространно обсуждали оттенки исламской идентичности или достоинства замысловатой модели «консоциативной демократии», которая предположительно спасла многонациональный Дагестан от участи Чечни.

Личная трансформация Салмана Радуева из восходящего комсомольского технократа в отпетого террориста, вероятно, не так и удивительна. В пределах этих крайностей социального статуса мы видим, однако, работу социальных механизмов, которые Бурдьё называл габитус – т. е. набор устойчивых поведенческих черт, присущих определенным классам и группам общества³¹. Как гласит американская поговорка, «ставший проповедником навсегда проповедником останется» (*Once a priest, always a priest*). Габитус пред-рационально выстраивает наши отношение и поведение; именно благодаря автоматичности габитуса отпадает необходимость в длительном обдумывании и рациональной оценке издержек/выгод той или иной поведенческой стратегии, так как реакция возникает почти «спонтанно-естественным» путем. В советский отрезок своей жизни Радуев был, если грубо называть вещи своими именами, типичным начинающим карьеристом – каким он и остался во время войны. Как и многие новички в бизнесе, политике или бюрократии, он являл собой смесь амбиций и

²⁹ Подробнее см. Georgi Derlugian, «Che Guevaras in Turbans», *New Left Review*, I/237 (September-October 1999).

³⁰ Галина Хизриева щедро поделилась своими обширными познаниями в этой области.

³¹ Здесь я в основном следую обсуждению проблемы у Pierre Bourdieu and Loïc Wacquant, *An Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago: University of Chicago Press, 1992.

нетерпения – откуда и широко известная свойственная начинающим биржевым маклерам тяга к азартной рыночной игре с высокими ставками. На габитусе таких карьеристов большими буквами впечатано их кредо: «Победителя не судят». В подобных случаях бесстрашие является проявлением неопытности в оценке рисков, а также присущего новичкам соблазна предполагать, что безрассудный риск позволит им сорвать большой куш. Однако Радуев на поверку не был ни смертником, ни фанатиком, и вместо славы удачливого воина приобрел печальную известность циничного террориста, берущего гражданских заложников ради собственного спасения из ловушки³². Словом, Радуев разбрасывался человеческими жизнями так же бездумно, как и беспощадные сталинские комиссары, ради рапорта обрекавшие на страшный голод крестьян в период коллективизации или посылавшие красноармейцев в атаку через минные поля.

Исламское выступление

На грозненской площади, где я в первый и последний раз воочию наблюдал Радуева, люди голосовали ногами, постепенно отходя от грузовика, с платформы которого тот выкрикивал в мегафон свою фирменную околесицу о духе Чингисхана и о море крови, заверял народ, что Джохар Дудаев жив и объявится в нужный момент, отдавал приказы каким-то легионам смертников и призывал к перманентной войне.

Вскоре на противоположном краю площади начался митинг иного рода, куда и перетекла толпа. Разбитый автобус с патриотическими лозунгами, выведенными попросту тряпкой или пальцем на забрызганных густой грязью бортах, доставил на площадь шумную группу сельчан. Старцы в традиционных папахах, овчинных тулупах и высоких сапогах (у некоторых также висели на поясе кавказские кинжалы) попытались разжечь окружающих на скандирование «Аллах-у акбар!» (Бог велик). Этот клич в то время стал аналогом и противовесом русскому «Ура!». Разогревшись подобным образом, мужчины и женщины в одинаковых национальных костюмах (вероятно, позаимствованных из сценических гардеробов сельских дворцов культуры советских времен) встали в два отдельных круга (мужской оказался больше, но женский – ровнее) и начали танец. Исполняли они не искрометную лезгинку, которая стала известной всему миру благодаря гастролям кавказских и казачьих фольклорных ансамблей. Это был зикр – энергичное притопывание и хлопанье в ладоши ставшими в круг исполнителями – центральный элемент в молельном ритуале мистиче-

---

³² В 2000 г., вскоре после начала второй чеченской войны, Салман Радуев был взят российскими войсками в плен, судим и приговорен к пожизненному заключению. Приговор был опротестован такими деятелями как Солженицын, скандально потребовавшими публичной казни террориста, однако Россия подтвердила свою приверженность взятым перед Советом Европы обязательствам по отмене смертной казни. Радуев умер в тюрьме в 2002 г. – по официальной версии, от вызванного старыми ранами внутреннего кровотечения и общего ослабления организма после поста в священный для мусульман месяц Рамадан. Однако, по распространенным слухам, на самом деле кровотечение было вызвано побоями. Согласно новому российскому закону, тело бывшего террориста не подлежало выдаче родственникам.

ского суфийского движения Кадырийя. Необходимо отметить, что сельчане прекрасно осознавали свою телегеничность и держались поближе к камерам. Журналисты также оживились и стали снимать зикристов, которые, в свою очередь, стали еще более энергично выкрикивать патриотические и религиозные лозунги и притопывать с большей силой, приглашая в круг молодежь. Некоторые из зрителей присоединились к ритуалу.

Стоявший рядом с нами среди зрителей обыкновенно одетый чеченец средних лет признал во мне неместного и с горечью прокомментировал: «А ведь это был вполне культурный современный город... Но нас захлестнула деревня, и теперь иностранцы приезжают сюда как будто в зоопарк. Все это начал Дудаев. До него даже в селах зикр никогда не исполнялся на площадях, а только дома или где-то подальше от чужих глаз». Многие ведущие участники чеченской революции 1991 г. позднее подтвердили мне, что зикр стал исполняться на митингах лишь после возвращения в Чечню генерала Дудаева, ранее, на помню, командовавшего авиабазой в Эстонии. Судя по всему, именно под впечатлением массового хорового исполнения народных песен, которое служило мощным средством эмоциональной мобилизации на прибалтийских митингах, Дудаеву и пришла в голову мысль аналогичного использования на своей революционной родине духовной энергетики кадырийского громкого зикра.

На поиски университета

Наши наблюдения вдруг были прерваны группой решительно приблизившихся к нам через толпу чеченских боевиков – строгого вида, хорошо вооруженных и в разномастной, однако идеально отутюженной полевой форме. Ярко выраженный блондин Кузнецов инстинктивно втянул голову в плечи, да и я сам, признаться, на мгновение почувствовал ватность в ногах: «Вот и дождались...» Небольшого роста, но совершенно нешуточного вида и командирской авторитетной повадки чеченец сходу потребовал ответа, не журналисты ли мы? Наш шофер дядя Мухарбек быстро стал говорить ему что-то на вайнахском, от чего молодой чеченский командир, не спускавший взгляда с наших лиц, лишь отмахнулся пренебрежительно. Видимо, стариков он если и уважал, то не всегда, тем более таксиста из ингушей. Надо было срочно спасать ситуацию. Насколько возможно спокойным голосом я отрекомендовался социологом. Боевик явно озадачился таким ответом. Развивая успех, я пояснил, что мы ученые и, чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, еще более озадачил чеченца встречным вопросом, есть ли в Грозном университет? Командир обменялся несколькими отрывистыми словами на чеченском со своими людьми и затем неожиданно предложил проводить нас туда. Позднее я сообразил, что это была охрана митинга или новые чеченские полицейские, выставленные Масхадовым. В тот же момент непрощенная любезность вооруженных боевиков выглядела неприятно подозрительной – Чечню уже охватила эпидемия похищений. Но де-

ваться было некуда. Присутствие двух вооруженных проводников в машине наполнило салон ароматами свежей оружейной смазки и хорошего одеколona. Они очень старались произвести впечатление дисциплинированных военнослужащих.

Ехали мы в напряженной тишине. Заметив среди руин по дороге новенький безвкусный особняк красного кирпича с долженствующими означать шик нелепыми колоннами и огромным флагом Ичкерии на переднем балконе, я нервно пошутил, не местный ли это эквивалент райкома партии? Старший из боевиков бесстрастно ответил: «Нет, это просто дом богатого бизнесмена, который теперь пытается показать, что тоже участвовал в нашей борьбе». Помолчав задумчиво, он неожиданно добавил: «У вас в России есть же свои богатые люди, и у нас есть свои. Вот ваши и наши богачи и устроили эту войну, чтобы отмыть свои деньги». Боевик замолчал, так и не развив свой вариант классового анализа.

После почти часа неизбежно медленных блужданий по испещренным воронками и засыпанным обломками улицам, мы нашли развороченное здание, некогда бывшее университетом. До развала СССР в Грозном было свыше полумиллиона жителей; город был одним из основных центров высшего образования Северокавказского региона, где существовали различные институты, включая, конечно, нефтяной и университет полного профиля. Несмотря на сталинские репрессии и депортацию чеченцев и ингушей в 1944-1957 гг., у этих народов сложился довольно внушительный слой национальной интеллигенции. После возвращения из ссылки чеченские и ингушские образованные кадры повели борьбу за места, статус и соответствующие привилегии с прочно «окопавшимися» за время их вынужденного отсутствия в Грозном русскими профессорами (многие из которых оказались на Кавказе в период эвакуации или послевоенного восстановления). Затяжные позиционные интриги в научно-культурной среде во многом и породили ведущее течение местного национализма, осторожно направляемого, однако, интеллигенцией из коренных горских народов в легитимно советское русло. Это выразилось преимущественно в подаче жалоб и предложений в ЦК КПСС и другие высшие органы советской власти, хотя порою доходило до драк и даже вполне организованных демонстраций протеста на площадях Грозного. Дискурсивно жалобы следовали официальной риторике и не более как указывали на «многочисленные факты» нарушения в Чечено-Ингушской АССР «ленинских норм национальной политики». В самом деле, нормы выдвижения нацкадров нарушались. В то время, как в других республиках и автономиях СССР представители титульных национальностей были скорее перепредставлены на руководящих должностях и в учреждениях официальной культуры, вплоть до самого конца 1980-х гг. первыми секретарями Чечено-Ингушетии назначались только русские, среди директоров заводов, редакторов газет и телевидения, главврачей больниц, университетских деканов, ректоров и проректоров насчитывалось всего несколько чеченцев и почти не было

ингушей. Такое положение дел объяснялось не столько политикой Москвы, сколько сплоченной силой местных советских элит Грозного, сложившихся в период высылки чеченцев и ингушей. Они убеждали центр, что в автономной республике ситуация оставалась слишком сложной, что нацкадры следовало «подбирать разборчиво» и выдвигать лишь очень осторожно в связи с сомнительным прошлым чеченцев и ингушей и их отношением к советской власти. Хотя теперь лишь в закрытых справках и докладных, по-прежнему приводились предупреждения о «фактах политического бандитизма» и «сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами». Так на местном уровне по собственным причинам сохраняли демонологию времен сталинских репрессий. Московские чиновники предпочитали не слишком активно вмешиваться в эти местные дела, которые грозили им одними неприятностями, отчего долгое время в республике сохранялась хронически напряженная, но с виду стабильная ситуация.

Даже импульсы горбачевской перестройки долгое время не проникали в Чечено-Ингушетию, где все выглядело вполне «застойно» до 1989 г. Местная интеллигенция, конечно, помня сталинские репрессии и унижительные проработки брежневских времен, лишь начинала осторожно осваивать либерально-демократическую риторику и новые политические средства борьбы, когда их умеренная программа оказалась сметена куда более радикальным и более простонародным потоком популистского национализма дудаевской революции 1991 г. Часть интеллигенции в союзе с отстраненными от власти горбачевскими технократами и бывшими номенклатурными начальниками участвовала в 1992-93 гг. в создании эфемерных эмигрантских групп в Москве и грозненских выступлениях против режима Дудаева, которые были подавлены силой оружия. После этого чеченская интеллигенция практически исчезает как самостоятельная элитная группа. Российская и западная пресса нигде даже не намекала на то, что во время и после войны 1994-1996 гг. в Чечне все еще существовала университетская жизнь. Однако это было фактом.

Мы, наконец, разыскали университет приютившимся в маленьком двухэтажном здании посреди пятиэтажек, выглядевшем в окружении песочниц и уцелевших деревьев как типичный детский садик советских времен (что и подтвердилось позднее). Боевик-проводник вышел из машины, внимательно и даже с некоторым почтительным любопытством посмотрел на меня и неожиданно спросил: «Вы, наверное, приехали помочь Республике?». Я мог только неловко пожать плечами: «По крайней мере, постараемся, чтобы в мире узнали, что у вас есть университет, и что ему явно нужна помощь». Чеченский командир неожиданно взял под козырек и произнес торжественно: «Мы вас за это благодарим». Они четко, по-военному повернулись кругом и зашагали через развалины к площади Свободы, очевидно на свой пост. Теперь, когда я пишу эти строки, из памяти не идут слова, которыми открывается сборник репортажей рос-

сийской журналистки Анны Политковской: «Большинство людей, упоминаемых в этой книге, уже убиты»³³.

В голом нетопленном кабинете с разбитым окном вокруг старого обшарпанного стола сидели интеллигентного вида мужчины, одетые в пальто и добротные дубленки, указывавшие на бывшее благосостояние. Это оказался деканат исторического факультета. Узнав, кто мы такие, один из преподавателей-чеченцев весело провозгласил: «Коллеги робинзоны, поздравляю, нас нашли! И кто?! Конечно, эти пронырливые армяне!» Трогательность этой встречи трудно отразить в социологической монографии. Поток полились рассказы о том, что им довелось пережить за эти годы. Сгорела библиотека, из которой сохранились только труды Л.И. Брежнева – дорогая лощеная бумага не поддалась огню. Один из археологов эмоционально поведал о том, как в передышках между обстрелами («К ним, в конце концов, привыкаешь, как к непогоде. Выглянешь из подвала, посмотришь на небо – вроде ничего – и вылезает наружу...») он с маниакальным упорством ходил раскапывать руины бывшего музея, спасая экспонаты, как чуть не поплатился жизнью, стыдя отвязного солдата, натянувшего, смеха ради, средневековую кольчугу. Устыженный собственным бессилием помочь в такой беде, я выложил из сумки все деньги, медикаменты, блокноты и авторучки – все, что было при себе. Со вздохом, дар был принят: «Вы приезжайте в лучшие времена, примем достойно, по-кавказски. В горы поедem, к нашим средневековым крепостным башням. Бардак этот ведь должен когда-то кончиться... Мы скинулись с последней зарплаты, которую дали полгода назад, когда выходили российские войска и администрация, и отправили двух лучших аспирантов в Москву, чтоб сохранилась какая-то чеченская наука, если нас самих тут прикончат. Больше зарплат не было. Пока родня из сел помогает – кто мешок картошки подкинет, кто засоленной черемши».

Как ни странно, в университете шли занятия. Преподаватели недоумевали, зачем студенты вообще приходят? Учебников нет, за отсутствием мебели и из-за холода многим приходится стоять во время лекций. Кругом непролазная грязь и развалины, нашпигованные минами и неразорвавшимися боеприпасами. Да и какой теперь смысл в профессии историка или химика? Но очевидно остатки городских средних слоев вопреки всему пытались сохранять нормальность существования. Детям при всякой возможности давали современное образование советского образца. В новооткрытом Исламском университете учились почти исключительно сельские парни, которые в былые времена едва ли смогли бы куда-нибудь поступить. «Хотя какие у них там преподавательские кадры? Даже Коран не все могут прочесть по-арабски, что говорить про нормальные нерелигиозные дисциплины?» Подобные скептические замечания насчет попыток воссоздания исламской системы образования мы уже не раз слышали от разных людей.

³³ Anna Politkovskaya, *A Small Corner of the Hell*, Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Декан с усмешкой рассказал, как недавно его пригласил к себе Аслан Масхадов. Будущий президент попросил декана организовать при университете подготовительный факультет, вроде прежнего рабфака, для бывших боевиков чеченского сопротивления: «Надо же их как-то теперь переучивать для мирной жизни, давать профессии». На прямой вопрос декана, дадут ли какие-то средства на организацию такого «бойфака» и стипендии для студентов, Масхадов лишь горько усмехнулся: «Сам знаешь, средств нет. Зато могу тебя произвести в бригадные генералы Ичкерии, чтобы студенческий спецконтингент больше уважал».

«Эх, – вздохнул декан: У нас тут не осталось ни поездов, ни банков, ни магазинов. Что нашим бандитам теперь грабить? Вот и стали воровать людей». И вдруг декан озорно подмигнул: «А что, ребята, украдем и мы американского профессора? Может, дадут за него денег на родной университет?».

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

От Грозного до столицы Кабардино-Балкарии Нальчика всего каких-то сто километров по прямой. И, тем не менее, это оказался совершенно иной мир – без политизированной главной площади, разбомбленных улиц и уютящегося в детском саду университета. В противоположность Грозному, Нальчик образца 1997 г. оставался уютным провинциальным городом с размеренной жизнью, где ничто не выдавало того факта, что в 1991-1992 гг. Кабардино-Балкария пережила собственную фазу революционной ситуации, почти идентичную тогдашней обстановке в Чечне. Обе революции вышли из одного потока протестной политики в период развала СССР. Чеченское и кабардинское национальные движения имели схожие программы, идеологии и руководящие группы, и до критической точки их развитие шло одним путем. Но затем дороги разошлись.

Революция в Чечне одержала в октябре 1991 г. победу, после которой продолжала радикализироваться в послереволюционной борьбе за власть и череде попыток переворота в 1992 и 1993 гг., наивысшей точкой которых стала эпизодическая гражданская война лета и осени 1994 г.. Эти события повлекли за собой массовую миграцию, в результате которой Чечня лишилась большей части прежде многочисленного и образованного городского населения – то есть основы либеральной и умеренно национальной оппозиции режиму генерала Дудаева. Первое вторжение российских войск в 1994-1996 гг. привело к чудовищным разрушениям и почти начисто стерло остатки городской культуры. Реакцией чеченцев на вторжение стало вооруженное сопротивление, основу которого составила молодежь из обширных городских окраин и социально консервативных горных районов. Идеалом героя и вождя для них был Шамиль Басаев.

В Кабардино-Балкарии также были подобные Басаеву люди, и я встречался с несколькими из них. Однако их уделом оставалась относительная неизвестность, поскольку революция в их маленькой стране потерпела неудачу, а война так и не состоялась. Кабардино-Балкария осталась лояльной частью Российской Федерации, одной из автономных национальных республик. Одним из показателей присутствия государственной власти в Кабардино-Балкарии является способность вести учет населения и площади ее территории. Подобная практика может показаться само собой разумеющейся для современной страны, однако ни одно чеченское правительство за прошедшее десятилетие так и не смогло достичь чего-либо подобного. Не существует сколь-нибудь достоверных данных ни о населении Чечни, ни о ее точной территории после стихийного раздела с Ингушетией.

В Кабардино-Балкарской республике на тот момент насчитывалось 786 тыс. жителей, из которых кабардинцев – 488 тыс., балкарцев – 90 тыс., а остальные относились преимущественно к так называемым «русскоговорящим». Население КБР крайне неравномерно расселено на площади в 12 тыс. квадратных километров, включающей величественные, но почти незаселенные горы, плодородные холмы и долины, а также собственно Нальчик. По официальным данным, в столице прописано 252 тыс. жителей, однако следует учесть значительное количество неучтенных мигрантов и население слившихся с городом и фактически ставших его окраинами больших деревень³⁴.

Государственный порядок

Одним из наглядных признаков сохранения государственной власти в Кабардино-Балкарии можно считать повсеместное присутствие милиционеров, зачастую тяжеловооруженных. На подъезде к Нальчику наш водитель-адыгеец был остановлен за превышение скорости. Он выскочил из машины и на родном языке вступил в доверительный разговор с инспектором ГАИ (кабардинский и адыгейский языки находятся в относительно близком родстве, и принадлежат к адыго-абхазской или, иначе, к черкесской языковой группе). Однако вскоре энтузиазм нашего водителя сменился унынием: он был вынужден уплатить штраф и даже получил квитанцию, что является редко соблюдаемой формальностью. Сев за руль, водитель пробурчал: «Вот же чертов службист. Явно не из наших, не черкес. Наверное, из этих балкарцев».

Балкарский язык принадлежит к кипчакской группе тюркской языковой семьи. Остается загадкой, как язык средневековых степняков-половцев оказался в высокогорье, где на нем ныне говорят люди, совершенно непохожие на монголоидных гуннов и притом физическим обликом едва отличимые от своих соседей кабардинцев, чеченцев, либо грузинских горцев-хевсуров с другой стороны

³⁴ И.Г. Косиков и Л.С. Косикова, *Северный Кавказ: социально-экономический справочник*, Москва: Эксклюзив-Пресс, 1999, стр. 115-117.

горного хребта. В случае с гаишником мы стали свидетелями бюрократического формализма, шедшего вразрез с предполагаемой нашим водителем нормой этнической солидарности. В этом бытовом микро-эпизоде подметим зернышко межгрупповой конфликтности – постовой балкарец отказался признать своего в лихаче-адыге и применил законную санкцию. Впрочем, штраф оказался небольшим, и наш водитель, тут же за поворотом прибавивший газу, вскоре, казалось, позабыл об этом досадном случае. Однако отчуждение при ином раскладе могло и прорасти на почве политического противостояния, добавив свою долю эмоционального горячего в разгорающийся межэтнический конфликт.

Другим показателем стабильности Нальчика была чистота окаймленных аккуратно подстриженными кустами и деревьями центральных улиц и площадей. Типично сталинские здания псевдоклассического стиля благодаря своим сравнительно небольшим, провинциальным размерам не выглядели столь давящими как аналогичные имперские махины в столицах других республик Советского союза. В спальных районах высились неизбежные социальные многоэтажки, а окраины были трудноотличимы от деревень с довольно беспорядочными рядами одно- и двухэтажных домов, выстроенных как из престижного кирпича, так и более дешевых пемзоблоков, или даже из традиционного самана, неизменно скрывавшимися за железными воротами, высокими оградами и фруктовыми деревьями. Трехсоставная модель городской архитектуры почти полностью совпадала с ареалами социальных слоев общества: правящая бюрократия заседала в просторных сталинских зданиях, специалисты и кадровый пролетариат жили в хрущевках и панельных многоэтажках 1960-70-х гг., а население полусельских окраин состояло из людей, уже ушедших из деревни, но пока так и не ставших горожанами.

Лишь неподалеку от въезда в центральную часть Нальчика высилось единственное новенькое здание из стекла и бетона. Несмотря на современные стройматериалы, оно имело совершенно несоветский вид и выбивалось из остальной архитектуры города. Это оказалась новая мечеть, построенная на деньги относительно молодого уроженца республики, сделавшегося крупным бизнесменом в Москве. Мечеть, как нам пояснили, была совершенно официальной – бывшие коммунистические власти республики договорились с доверенным бизнесменом о постройке культового объекта, скорее всего по собственному пониманию требований времени (на манер «Лужков в Москве вон какие церкви строит»). Мечеть казалась купленной и перевезенной прямо из Эмиратов. Остальные мечети в селах и пригородах Нальчика были много дешевле и нередко располагались в каких-то переделанных старых советских сооружениях. Впрочем, и в эту евроремонтную новостройку, как выяснилось, превратился изменившийся до неузнаваемости кинотеатр «Ударник». Новая показательная мечеть Нальчика выглядела совершенно чистой и довольно пустынной.

Наиболее красноречивым показателем характера правящего режима было полное отсутствие альтернативной местному официозу прессы. Вскоре после местных президентских выборов 1997 г. газеты Кабардино-Балкарии, совершенно в традициях советской эпохи, печатали сплошным потоком поздравления от трудовых коллективов, студентов, известных ученых и художников (несколько неожиданно, включая прежде диссидентского скульптора Шемякина из Нью-Йорка, оказавшегося по отцу кабардинцем), а также целых сел, отделов милиции, и, наконец, телеграмму за подписью просто «кабардинских матерей». Эти ритуальные послания адресовались президенту (а ранее председателю Верховного Совета) Кабардино-Балкарии Валерию Кокову по случаю его триумфального переизбрания с 98% голосов избирателей. В постсоветской действительности эта цифра выглядела довольно сомнительным рекордом, однако даже разрозненные оппоненты Кокова нехотя признавали, что действующий президент действительно одержал победу. После всеобщего подъема, великих надежд и страхов революционной ситуации, которую Кабардино-Балкария пережила в 1991-1992 гг., народ, перед лицом надвигавшейся катастрофы, подобной тем, что постигли соседние Чечню и Абхазию, впал в разочарование и конформистскую апатию.

Как и многие российские правители регионов 1990-х, Коков создал обширную сеть патерналистской зависимости, все нити которой вели в его администрацию и лично к Хозяину республики. Этого оказалось достаточно, чтобы восстановить иерархию власти и поддерживать поверхностный порядок, но едва ли достаточно для поддержания стареющей промышленности республики. Реалистично рассуждая, из-за нехватки серьезных инвестиционных программ и капиталов заведомо нельзя было ожидать ее давно назревшей реструктуризации. Поэтому большинство людей пыталось просто выжить в новой действительности. На балконах многоэтажек разводили цыплят, а в дальнем углу городского парка отдыха мы заметили пасущихся коров. В общем, возврат к нормальной жизни по рецепту Кокова означал всего лишь урезанное подобие брежневской эпохи.

Политическая оппозиция в Кабардино-Балкарии была явно разобщена и подавлена. Пар ее негодования продолжающимся правлением Кокова выпускался посредством разговоров в интеллектуальных кругах и единичных акций, приписываемых «горячим головам среди молодежи». В ночь перед нашим приездом в Нальчик в подвальное окно правительственного здания была кем-то брошена граната. Нам также рассказали о взрывчатке, по слухам и завуалированным осуждающим указаниям в официальной прессе, обнаруженной в центре города у подножия статуи средневековой кабардинской княжне Гошаней. В 1557 году для заключения династического брака с Иваном Грозным она была крещена и получила имя Мария. Четыреста лет спустя, в 1957 г., советская пропаганда провозгласила этот исторический эпизод моментом «зарождением вечных уз между Россией и Северным Кавказом»; соответственно недолго прожив-

шая русская царица черкешенка Мария стала «матерью дружбы народов»³⁵. Статуя Гошаней-Марии стала периодической мишенью регулярного вандализма местных националистов; городские же власти с не меньшей настойчивостью очищали и ремонтировали ее (а по широко распространенным слухам, даже тайно заменяли поврежденный памятник). После устрашающей вспышки протестов в 1991-1992 гг. национально-освободительная политика в Кабардино-Балкарии свелась к символическому хулиганству.

Черкесская церемонность

Наши коллеги из Кабардино-Балкарского университета, узнав, что мы с Игорем Кузнецовым занимались сбором данных о национальных движениях, радушно предложили свести нас с недавно еще знаменитым местным оппозиционером Мусой Шанибовым, президентом Конфедерации горских народов Кавказа (в начале девяностых это наднациональное движение всерьез всколыхнуло регион). Пока мы ожидали прибытия Шанибова, в полном соответствии с канонами горского гостеприимства преподавательская комната была обращена в зал для импровизированного пиршества.

Этническая культура Кабарды носит четкий отпечаток аристократического прошлого. Со времени распада Золотой Орды в 1390-е гг. и до покорения этих земель Российской империей в начале XIX в., почти четыре столетия кабардинцы являлись элитным черкесским племенем (вернее, по Майклу Манну, «нацией-классом»³⁶) рыцарской элиты, обеспечивавшим защиту и контроль над прочими горскими народами центрального сектора Северного Кавказа. За это кабардинские всадники взимали дань с горских общинников, в будущем известных под названиями карачаевцев, абазин, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев. Несмотря на все признаки всепроникающей советизации, гостям на Кавказе оказывается поистине королевский прием, чарующий и одновременно ставящий в неловкое положение своим несколько преувеличенным размахом; и трудно не заметить, что сами хозяева ведут себя с наредкостью изысканной церемониальностью и благородством манер. В принципе, не столь уж многие из современных нам кабардинцев являются потомками княжеских родов. Скорее, после уничтожения большевиками исторического дворянства и кардинального преобразования общества в советский период, элементы старого аристократического этикета были восприняты и продолжены бывшим простонародьем. В

³⁵ Комичность этого перла пропаганды не избежала внимания современников, в популярном анекдоте предложивших посмертно вручить звезду Героя Социалистического Труда отцу Гошаней князю Темрюку за исключительную историческую прозорливость, выразившуюся в весьма заблаговременном присоединении к будущей Родине мирового социализма.

³⁶ Неовеберианец Майкл Манн в своем анализе феодальной Англии показывает, что дворянский класс с его церемониалом, легендами и социальной солидарностью взаимопризнания, собственно, и стал где-то в ходе Столетней войны и Реформации английской нацией. Однако нижние социальные группы, в особенности крестьяне, войдут в эту английскую нацию и приобретут ее самосознание лишь спустя столетия, с наступлением индустриальной современности и необходимости политически интегрировать нарождающиеся городскую буржуазию и пролетариат. Michael Mann, *The Sources of Social Power*. Vol. I. Cambridge University Press, 1986.

советских условиях этикетные практики задействовались для обживания, облагораживания и ритуализованного (по Эрвину Гоффману) структурирования своей новой жизни в городской среде, для поддержания расширенных сетей дружеских и соседских отношений, патронажа и полезных знакомств. Не в последнюю очередь национальные этикетные практики наделяли поднимающегося по социальной лестнице человека культурными навыками для осуществления новых ролей в современном индустриальном, урбанистическом и бюрократическом социальном ландшафте. Привлечение старинного этикета стало одним из способов, благодаря которым кавказцы могли приспособиться и достойно себя чувствовать в нелегких условиях советской поголовной пролетариатизации.

На Кавказе застолья являются общепринятым социальным ритуалом, и местные жители соблюдают детальные предписания относительно правил рассадки гостей, очередности цветистых тостов и, конечно, прежде всего, избрания тамады, который руководит застольем. (Точным названием должности Шанибова в Конфедерации горских народов было именно тхамата, предполагавшее виртуальное братское застолье коренных народов.) Проведение полевых исследований на Кавказе, как известно со времен кинокомедии об этнографе Шурике, требует от исследователя мужского пола самодисциплины и умения принимать алкоголь в изрядных дозах (Я: совсем не обязательно!).

Исламский морализм

Даже в исторически мусульманских областях Кавказа общественное мнение в принципе позволяет употребление водки, поскольку в отличие от получаемого путем брожения пива и вина, водка изготавливается путем перегонки, который, как утверждается, был неизвестен во времена Пророка, и, следовательно, не мог быть воспрещен шариатским законом. Находящиеся в меньшинстве новоявленные исламские пуритане считают этот казуистический извинительный довод попросту отвратительным и обвиняют, конечно, во всех грехах разлагающее русское влияние – вот и еще одна яркая иллюстрация того, как фундаментализм противопоставляет себя традиционализму. В действительности фундаментализм (или ваххабитство, как его обзывают противники) является не попыткой возврата к традициям, а вполне современной социально-нормативной критикой давно существующих адаптивных (грубо говоря, приспособленческих) традиционных норм и оправдываемой ими властной практики и иерархии. Фундаменталисты исходят вовсе не из реально бытующих традиций, но из идеализированного и оттого неизбежно протестного, антисистемного пуританства, почерпнутого из буквалистского толкования священных текстов. Несмотря на то, что фундаментализм зачастую представляют в качестве ультраор-

тодоксальности, его оппозиционный характер в религиозном измерении является, скорее, еретической гетеродоксией³⁷.

Однако преподавательская была не тем местом, где можно было встретить исламистских пуритан, в основном принадлежавших к молодому поколению и являвшихся выходцами из маргинальных групп. Лишь один молодой преподаватель, предупредительно подливавший водку гостям и старшим коллегам, сам не пил и не ел ничего. Сидевший по соседству со мной пожилой профессор, упорно или скорее по привычке употреблявший даже во время банкета советское обращение «товарищ», шепнул мне с оттенком сарказма: «Пожалуйста, не обращайтесь внимания на бедолагу – он тут у нас недавно Бога обрел и теперь вот постится в Рамадан». Оказалось, этот молодой, но нарочито серьезный преподаватель прежде был секретарем комсомольской организации.

Разговор об исламизации младшего поколения получил более серьезное продолжение на следующий день, за более скромным и трезвым ужином дома у одного из преподавателей, известного своими серьезными работами по истории Северного Кавказа. Печально потупившись, он вдруг немного растерянно начал рассказывать о проблеме в собственной семье, что явно занимало в тот момент все его мысли. Накануне сын-десятиклассник принес домой Коран и категорично объявил родителям, что просит ему не мешать совершать намаз и поститься во время Рамадана. Видя, что сын уходит в «ваххабитскую секту», отец вызвал его на мужской разговор: «Почему? Откуда ты это взял? Я сам в жизни ни разу не молился и знаю довольно много об исламе исключительно как историк. Мой собственный отец, твой дед, был первым председателем колхоза в нашем ауле и мечеть он там закрывал. Эта дурь в тебе, сынок, идет явно не из нашей семьи. Так скажи мне, твоему отцу, откуда?» Ответ сына поставил нашего радушного хозяина в тупик: «Отец, когда ты сам заканчивал школу, ты потом мог пойти учиться на врача, летчика, или историка. А кому это теперь нужно? Посмотри вокруг себя – у кого деньги, власть, кто у нас короли? Бандиты, взяточники, торговцы наркотиками. Остальные – ничто. Если я хочу в жизни чего-то чистого, достойного, справедливого, куда мне обращаться, как не в веру наших предков? Что с того, что дед и ты ее отвергали? Чего вы, в конце концов, добились?» И наш известный историк не нашелся, что ответить собственному сыну.

Сети повседневных обменов

В силу импровизированного характера застолья и повсеместного материального неблагополучия тех лет, основными блюдами на столе были домашний сыр и пирожки с мясом, которыми торговали у входа в университет пожилые

³⁷ По теме религиозного фундаментализма и распространения гетеродоксий см. S.N. Eisenstadt, *Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: the Jacobin Dimension of Modernity*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999; также см. рассмотрение ересей на христианском Западе в средние века у Michael Mann, *The Sources of Social Power. Vol. I*, Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

женщины, искавшие приработка к своей скудной пенсии. На стол выставили бутылки водки местного производства. Доставали их из ящика, присланного выпускником факультета истории, а ныне преуспевающим водочным бутлегером. Подобные маленькие подношения от выпускников и родителей студентов являли собой этически неясную промежуточную ступень между благотворительностью и подкупом. Поддерживая преподавательский состав в его благородной бедности, подобные подношения, разумеется, могли нередко помочь не слишком усердным младшим родственникам из студенческой массы получить минимальную удовлетворительную оценку.

В российской глубинке взаимный обмен услугами играет значительную роль³⁸. На Кавказе подобный тип общественных взаимоотношений особенно ярко выражен благодаря традиционной этнической сплоченности, расширенным узам родства, группам сверстников и соседским взаимоотношениям. Житель подобного Нальчику небольшого кавказского города знаком и общается с гораздо большим числом людей, нежели житель большого и социально разобщенного мегаполиса вроде Москвы. Интерактивные ритуалы совместного проживания в маленьком городе способствуют поддержанию обширных сетей, разветвляющихся далеко и в самых разных направлениях. Для нас это наблюдение важно, поскольку мы собираемся в дальнейшем рассматривать, каким образом структурирующие практики и социальные сети заурядной повседневной жизни могут помочь или наоборот, помешать политической мобилизации в экстраординарные моменты общественных кризисов. Заметим, что эти сети являются скорее каналами, нежели причинами, как их представляет стандартная сетевая теория в экономике. В периоды хозяйственного роста и материального благополучия (какими были 1950-1970-е годы для СССР) социальные сети могут переходить границы этнических и конфессиональных групп, за которыми находятся новообретаемые друзья и брачные партнеры, однокашники и сослуживцы, или попросту всевозможные нужные люди. Но точно также социальные сети могут сжиматься и разрушаться в периоды соперничества или нехватки ресурсов (дальние родственники и приятели перестают «замечать» друг друга), тем самым нередко возводя препятствия между основанными на национальном или классовом признаке общинами.

Встреча с героем

Наконец, прибыл сам Муса Шанибов. Это оказался крепко сбитый и очень подвижный человек, на вид лет шестидесяти, который сразу же наполнил комнату своим харизматическим присутствием. С его приходом стало как-то оживленнее, более шумно, даже веселее. Однако, мрачным контрастом искрометному Шанибову, за ним следовал массивный бородач с громадными ручищами,

³⁸ Alena Ledeneva, *Russia's Economy of favors: Blat, Networking, and Informal Exchange*, Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

молча присевший на стуле у плотно затворенной двери, будто телохранитель. Одет этот силач был совсем неброско и на интеллигента никак не походил. Лишь позже я узнал, что его громадные руки были не столько признаком борца, сколько профессионально нажиты работой каменщика на стройке. В противоположность ему, на Шанибове были стильное кожаное пальто и видимо дорогая серая с серебристым отливом каракулевая папаха. Когда старший из профессоров в шутку спросил у него причину появления в костюме чабана, Шанибов весело ответил, что давно пора заново изобретать национальную традицию. В тот момент эта шутка послышалась мне просто случайным эхом названия знаменитой на Западе книги об истории изобретения национальных традиций³⁹.

С заразительным смехом Шанибов решил развлечь нас, поведав одну из своих баек: «В Анкаре, на входе в турецкое Министерство обороны, дежурный – какой-то совсем молодой лейтенант – потребовал, чтобы я снял папаху, поскольку Турция является светской республикой и ношение мусульманских головных уборов запрещено законом. Разумеется, я отказался. Я, говорю, не турок, и это не феска, а настоящая кавказская папаха. Мы, кабардинские черкесы, не снимали шапок даже перед русским царем! Ну, потребовалось вмешательство турецкого генерала, который меня туда пригласил, чтобы вразумить разозлившегося дежурного лейтенанта. Вот так я стал первым со времен самого Ататюрка мужчиной, который вошел в Министерство обороны Турции в папаче – вот в этой самой». Преподаватели засмеялись и закивали в подтверждение рассказа, который, помимо всего прочего, подчеркивал исключительное положение и неординарные связи Шанибова.

С приходом Шанибова банкет приобрел оттенок политического собрания. С рюмкой водки в руке он вдохновенно произносил бесконечные затейливые речи о национальной гордости, презренной имперской ментальности, о самоопределении и единстве горских народов Кавказа, о жертвах, принесенных на алтарь борьбы в прошлом, и об испытаниях грядущих времен. Раз за разом мне все не удавалось перевести его митингово-гостовую речь в сколь-нибудь более конкретное русло обсуждения местной политики, возглавлявшейся Шанибовым попытки революции в 1991-1992 гг., или же абхазской войны. Становилось жалко потерянного времени и своей угрожающе шумящей головы, и желудка, но не виделось никакой возможности встать из-за стола и покинуть компанию. Да и телохранитель Шанибова молча и все также строго, безучастный к пирушке, засел у двери эдакой кавказской скалой, прямо-таки персонажем из Лермонтова или Толстого.

Мы провели за столом уже несколько часов и, признаться, под все новые тосты изрядно выпили довольно скверной водки, когда, пытаясь задать очередной наводящий вопрос, я допустил, строго говоря, методологическую

---

³⁹ Eric Hobsbaum and Terence Ranger (eds), *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

оплошность. Считается, что антропологам и социологам, работающим в поле, не следует говорить с информантами на своем профессиональном жаргоне. Отчасти это профессиональное высокомерие («Они — рыба, мы — ихтиологи»), в основном же все-таки дельное предписание не давить на собеседников ученостью. Но то ли здесь все-таки была университетская кафедра, то ли я достаточно захмелел, однако с языка нечаянно слетели знаковые для посвященных, но бессмысленно-заумные для нормальных людей слова «культурный капитал» и все тот же «габитус». Реакция Шанибова оказалась поразительной. Через разделявший нас стол он вдруг потянулся, чтобы обнять меня: «Наш дорогой гость! Мой армянский брат! Конечно, габитус! Вот теперь я ясно вижу, что Вы никакой не шпион. Простите нас за подозрения, но Вы оказались настолько в курсе местных дел, что моя безопасность не могла понять — то ли Вы, как человек, приехавший из Америки, работаете на ЦРУ, то ли Вы и Ваш друг, как уроженцы Краснодара, все-таки наши чекисты. Но теперь я ясно вижу, что Вы настоящий социолог, так как вы знаете труды Пьера Бурдые!»

Я упал на свой стул: «А Вы?»

«Я?! — воскликнул Шанибов с бьющим через край энтузиазмом, — Если хотите знать, Бурдые я внимательноше проштудировал еще в госпитале, после ранения в Абхазии».

Похоже, длительное застолье со множеством спиртного было средством развязать мне язык и узнать о моих скрытых намерениях. Что Шанибову вполне удалось. Он вышел из-за стола и увлек нас по коридору и лестницам, как оказалось, в свой маленький кабинет за железной дверью. В более мирной ипостаси, о чем никто нас не предупредил, наш экзотично одетый хозяин оказался преподавателем в том же Кабардино-Балкарском университете и специалистом по социологии молодежи. Он открыл сейф и предъявил нам доказательство: изрядно потрепанную книгу Бурдые, вдоль и поперек испещренную пометками владельца. В глубине сейфа я заметил и другой документ — цветное фото Шанибова в окружении бородатых боевиков, одним из которых был Шамиль Басаев. Перехватив мой взгляд, Шанибов вздохнул: «А, да, это он, Шамиль, во время войны в Абхазии.» После паузы он добавил: «Тогда он еще меня слушался».

Когда я спросил разрешения заснять Шанибова на фото, он согласился, однако неожиданно предложил: «Когда вернетесь на Запад, пожалуйста, покажите это фото Бурдые и передайте, как мы здесь высоко ценим его труды». Я ответил с чувством неловкости, что возвращаюсь в Штаты, а не во Францию, а, кроме того, в Париже не бывал и вовсе незнаком с Бурдые. Однако Шанибов продолжал настаивать — «ну, все равно ведь едете на Запад».

Преращения социального капитала

По здравому рассуждению, не было ничего удивительного в этом случайном открытии научных и интеллигентских ипостасей перестроечного политика и известного националиста Юрия (он же Муса) Мухамедовича Шанибова. Как и повсюду в период посткоммунистических национальных столкновений на Кавказе, в Центральной Азии или бывшей Югославии, среди поколения вождей национальных революций и полевых командиров мы обнаруживаем множество представителей творческой и научной интеллигенции времен позднего госсocialизма.

Ставший президентом Грузии шекспировед Звиад Гамсахурдия был вскоре низложен скульптором-модернистом Тенгизом Китовани и кинокритиком Джабой Иоселиани; Абхазию в годы войны за независимость от Грузии возглавил исследователь древне-антолийской мифологии Бронзового века доктор наук Владислав Ардзинба; руководство революционного режима Азербайджана в 1992-1993 гг. едва не полностью вышло из Национальной академии наук, и даже точнее, из физиков и востоковедов; президент Армении Левон Тер-Петросян прежде был хранителем средневековых манускриптов, а его одиозный министр внутренних дел Вано Сирадегян прежде писал рассказы для детей.

Сам по себе интеллектуализм еще не дает объяснения. Тенденция внесения в политику после подрыва номенклатурной монополии различных форм накопленных в ходе предыдущей карьеры элитных социальных навыков и символического капитала не менее показательна на примере пяти генералов, ставших во главе национальных мобилизаций на Северном Кавказе: чеченца Дудаева, ингуша Аушева, балкарца Беппаева, карачаевца Семёнова и дагестанца Толбоева (последний готовился стать космонавтом и, в конце концов, вернулся к своему призванию, уйдя из все более опасной дагестанской политики в российскую космическую промышленность). Если кому-то покажется, что эта тенденция присуща лишь якобы абнормальному постсоветскому пространству, то стоит вспомнить хотя бы карьеру губернатора Калифорнии Арнольда Шварценеггера.

Тот же принцип относится и к харизматическим бизнесменам постсоветской эпохи, силой и деньгами расчистившим себе путь ко власти – подпольному миллионеру и потомку княжеского рода Аслану Абашидзе в Аджарии, более подробно описываемой в седьмой главе; Сурету Гусейнову, сыну кировабадского цеховика-ковровщика и, как утверждается, торговцу наркотиками и оружием, на краткий срок в 1993 г. ставшему контрреволюционным премьер-министром Азербайджана; Кирсану Илюмжинову, первым на европейском пространстве провозгласившему буддизм государственной религией в Калмыкии; ныне покойному черкесскому «водочному королю» Станиславу Дереву; либо сибирскому золотопромышленному магнату Хазрету Совмену, неожиданно обошедшему на выборах в родной Адыгее прежнего номенклатурного ветерана.

Биография Шанибова очевидным образом совпадает с путем, которым за прошедшие десятилетия прошли многие интеллектуалы Восточной Европы и Третьего мира. Везде, где посткоммунистическая демократия имела успех, мы видим на вершине власти кинорежиссеров, музыкантов и ученых. Так почему же критически настроенный социолог Шанибов не мог подобно чешскому драматургу Гавелу или русскому физику Сахарову стать диссидентом и поборником либеральной демократизации?

На самом деле траектория Шанибова оказывается намного интереснее и показательнее для менявшегося климата эпохи, потому что Шанибов вошел в политику уже немолодым человеком, прожившим довольно напряженную жизнь. Шанибов еще успел побывать в ранней молодости искренним сталинистом, затем клубным работником (читатели, знакомые с советской классикой, припомнят обстановку молодежного энтузиазма в фильме Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь») и активным реформатором хрущевских времен. После символичной даты 1968 г. Шанибов у себя на малой родине оказывается в роли, насколько это было возможно в условиях глубокой провинции, приближенной к образу интеллектуала-диссидента. В годы горбачевской перестройки он искренне пытался следовать примеру и либерально-демократическим, глубоко западническим идеалам академика Сахарова. Что важно подчеркнуть, Шанибов обратился к радикальному национализму лишь после развала СССР – то есть только тогда, когда надежды на демократизацию и быстрое равноправное вхождение Советского Союза в Европу были утеряны и множество местных «смут» вспыхнуло на руинах советской империи. Это и увязывает историю Мусы Шанибова с нашим главным вопросом – как, где именно, и почему конечная фаза советского развития привела к этническому насилию?

Сумма впечатлений

Давайте попытаемся свести воедино приведенные выше наблюдения и ситуации. В Кабардино-Балкарии – во-многом типично второстепенном субъекте Российской Федерации – люди по возможности поддерживают знакомые структуры и практики жизнеобеспечения в условиях резкого обеднения и авторитарного режима номенклатурной реставрации. Источником и пределом возможностей нового, но в то же время и очень знакомого режима В. Кокова являлась Москва, а сама его легитимность основывалась на подобию восстановления порядка советских времен. Однако в девяностых годах прошлого века Кабардино-Балкария не смогла вернуться к уровню жизни и социально-экономической стабильности советского периода. Режим президента Кокова не мог и, оценивая свои риски и ресурсы, едва ли желал двигаться в сторону капиталистической эффективности. Неоправданно рассматривать этот тип «неосултанистского» (по Веберу и Эйзенштадту) режима в качестве чисто переходного – т.е. неудачной, однако неизбежной промежуточной фазы на историческом пути восхождения к

чему-то более совершенному и, по транзитологической теории демократизации, более западному. Наоборот, этот «восточный» тип власти полностью оформился и создал себе достаточно комфортную нишу, сделав себя нужным для московской сети политического патронажа и управления периферийными кризисами.

В противоположность Кабардино-Балкарии, люди в мятежной Чечне пытаются обрести основы жизнеобеспечения после развала государства. Чеченцы внезапно оказались в буквальном смысле среди руин, что заставило их искать выбор способа выживания между традиционной микро-солидарностью расширенной семьи и рода, националистическим проектом движения к независимому государству, мощными и эсхатологическими обещаниями религиозного фундаментализма (который, как обещалось, привел бы Чечню в международное исламское сообщество) – или же сочетании этих трех стратегий.

Остаются еще два пути, которые, в других обстоятельствах наверняка могли бы стать предпочтительными для значительных слоев чеченского общества, особенно для образованных городских классов и состоявшихся в советские времена людей среднего возраста. Первый путь, предполагающий возврат к переименованному варианту старого советского порядка, на манер Кабардино-Балкарии, оказался совершенно скомпрометирован в ходе войны, когда представители бывшей номенклатуры вернулись на родину в обозе федеральных войск. Они были не в состоянии оказать сколь-нибудь эффективную защиту, протекцию и патронаж своим соотечественникам, поскольку федералы им совершенно не подчинялись. Второй исторической возможностью, судя по всему наиболее привлекательной для большинства чеченцев, была бы номинальная национальная независимость в неизбежной ассоциации с Россией по какой-нибудь замысловатой юридической формуле, но при фактическом протекторате Евросоюза (что персонифицировал неожиданно упрямый и предприимчивый Тим Гульдманн). Однако эта возможность исчезла в конце девяностых, когда основной политической силой в Чечне стала еле грамотная, но повоевавшая молодежь, вместе с оружием получившая в недавней войне навыки профессиональных бойцов вкупе со самомнением героических защитников нации и исламской веры.

Уже покидая территорию Чечни, мой спутник антрополог Игорь Кузнецов, задумчиво глядя в окно машины, заметил: «Погляди, какие степенные здесь старики, какая живая и милая детвора! А до чего же работящие и выносливые женщины, причем ведь, если приглядеться, под всеми этими платками и зипунами, чуть не через одну – мирового класса красавицы. Мужики тоже крепкие, дома вон какие содержат, на шабашке пашут. Вот только если б не эти деревенские парубки-джигиты... Эх, парубков, парубков-то куда девать?»

Мой спутник в своих несколько романтических наблюдениях на самом деле выходит на теорию кризисов в социально-демографическом воспроизводстве, которая в последние годы обрела серьезные эмпирические основы в

материалах по истории европейских революций и восстаний XVI-XIX вв.⁴⁰. Теоретики до недавних пор редко замечали ослепляюще очевидный факт, что революции совершает молодежь. Молодежь идет и на войну, уходит осваивать колонии и целину, а также, как неопровержимо установлено криминологами, совершает подавляющее большинство преступлений. Точнее, основную массу правонарушителей (по которым, в отличие от революционеров и подвижников, имеется громадная межстрановая статистика) составляют именно молодые мужчины в возрасте от 14 до 18 лет. Следом идут мужчины 18-22-летнего возраста, но к 30 годам практически вся “случайная”, ситуативная и хулиганская преступность (кроме узко профессиональной) сходит на нет⁴¹. Эволюционный антрополог Тимоти Эрл прямо утверждает, что переживающие гормональные всплески молодые мужчины призывного возраста автоматически не должны считаться психически нормальными – поскольку только они могут в порыве группового задора, на “ура” побежать на пулеметы⁴². Это, вероятно, заложено где-то в эволюционно-генетическом развитии приматов⁴³. Что вовсе не означает, будто мы обречены нашими генами на антисоциальное поведение. Гены лишь предрасполагают, а общественные структуры направляют и канализируют агрессивную юношескую энергию – например, в спорте или танцах. Более традиционным способом было, скажем, услатить молодых мужчин на заработки и немедля по возвращении сыграть свадьбу. Армейская служба с 18-19 лет в большинстве европейских стран начиная с наполеоновских войн, либо сегодня в Америке отбытие детей на учебу в колледж – все те же механизмы инициации молодежи, как и уход в священный лес среди традиционных народов Африки.

В Чечне в результате разрухи и войн общество в значительной мере потеряло власть над молодыми мужчинами. Ослабли основные запретительные ограничители, положительные стимулы, и сами институты и ритуалы, которые направляли молодежь на воспроизводство нормального жизненного цикла. Советское индустриальное развитие подорвало традиционно патриархальное регулирование социума, а распад СССР подорвал и современное бюрократическое регулирование. Вопрос, что тогда может справиться с вооруженной и активной солидарностью молодежных отрядов? Армейская дисциплина полковника Масхадова? Харизма Басаева? Исламизм Удугова? Федеральная оккупация? Или вступление в Евросоюз, но это полная фантастика?

Кабардино-Балкария избежала распада государства, бюрократические и полицейские учреждения так или иначе продолжают определять жизнь общества.

⁴⁰ Основопологающей является работа Jack Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991.

⁴¹ Randall Collins, “The Normalcy of Crime”, in: *Sociological Insight. An Introduction to Non-Obvious Sociology*. Oxford: Oxford University Press, second edition, 1992.

⁴² Timothy Earle and Allen Johnson, *The Evolution of Human Societies*. Stanford: Stanford University Press, second edition, 2000.

⁴³ Jared Diamond, *The Third Chimpanzee: The Evolution and Future of the Human Animal*. New York: HarperCollins, 1992.

Однако и здесь явно недостает положительных стимулов материального и этического порядка, которые бы ориентировали социализацию молодежи. Традиционные механизмы сельского уклада в какой-то степени сохраняются, однако это исторические пережитки по простейшему тесту: сколько безработных молодых горожан пойдет сегодня крестьянствовать, даже если им предложить корову и дом в деревне? С распадом советской идеологии, социальных ориентиров и путей мобильности, возник вакуум, который отчасти заполняется исламом, причем религиозное возрождение зачастую происходит в виде типичного для исторических поворотов конфликта отцов и детей.

В остальной книге мы будем исследовать траектории, которые привели к такому положению. Рассмотрев зарисовки с Северного Кавказа и сформулировав несколько предварительных вопросов, в последующих главах попробуем отследить основные направления преобразований советского периода через призму в своем роде исключительно показательной и типично «шестидесятнической» биографии Шанибова.

Глава 6.

Борьба за советские обломки

“Государство на самом деле никогда никому особенно не нравилось, хотя основное большинство населения и не противилось историческому росту его власти, поскольку в государстве видели проводника прогресса. Однако к чему терпеть государство, если оно оказалось не в состоянии выполнить взятую на себя роль? Но в отсутствие государства, кто мог теперь обеспечить безопасность на повседневном уровне?”

Immanuel Wallerstein,
"Social Science and the Communist Interlude"
(New York, 2000).

К 1989 году структурные ограничители ослабли настолько, что действующие лица драмы не могли более с уверенностью предсказывать последствия собственных слов и решений. Чем дальше заходил процесс развала СССР, тем более бурной и хаотичной становилась схватка за то, кому теперь достанутся его политические и экономические активы. Неопределенность, в те дни воцарившаяся в общественных структурах и умах людей, отнюдь не означала наступления полной свободы от ограничителей. Рушащаяся система создавала хаотический лабиринт, который оставлял ограниченный набор ходов. Дальней-

шая череда событий могла определяться калейдоскопически случайным сочетанием основных элементов, таких как место и время действия (вполне по ленинскому «вчера было рано, завтра будет поздно», но как узнать, когда пора?), личные связи, габитус («нрав»), текущее общественное настроение, просто даже одним-единственным случайно удачным или не слишком удачным поступком.

В этой главе мы будем отслеживать извилистые пути политической борьбы начала девяностых в ситуации кризиса и наступавшего распада государства. Спектр вариантов мы находим в примерах национальной революции в Чечне, этнической гражданской войны в Абхазии, а также дважды потерпевшей неудачу революции в Кабардино-Балкарии, что затем обернулось «нормальной» квази-реставрацией номенклатурного режима. Герой нашего повествования Муса Шанибов играл видную роль во всех трех случаях. Кроме того, мало кому даже среди экспертов известно «чудесное избавление» Аджарии в 1990-91 гг. предоставляет ценный аналитический контраст войне в Абхазии и даже куда более известной трагедии Боснии и Герцеговины. Здесь мы столкнемся с весьма драматическими эпизодами – включая убийства, побег из тюрьмы, батальоны добровольцев и революционные толпы, приступом берущие бастионы государственной власти.

Рассмотрение примеров Чечни, Абхазии и Кабардино-Балкарии предоставит нам достаточно панорамный вид на посткоммунистическую периферию. Ранее Чечня (как теперь ни трудно поверить) была высоко индустриализованной республикой, хотя в основном и анклавно с центром в ее столице городе Грозном. В Абхазии не было ни сколько-нибудь значительной промышленности, ни по-настоящему больших городов. Здесь основой уникального благосостояния служила повсеместная и крайне прибыльная неформальная экономика субтропических курортов и ориентированного на частный рынок цитрусового плодоводства. Кабардино-Балкария находилась где-то посередине по степени индустриализации в советский период и в экономико-демографическом плане, хотя организационно и культурно стояла несколько ближе к Чечено-Ингушетии. В 1990-х гг. государственные структуры Чечни оказались полностью разрушенными вследствие революции и войны; в Абхазии госаппарат после войны за отделение от Грузии оказался полуразрушенным; в Кабардино-Балкарии старый режим устоял против митингующих толп и экономического кризиса, вернув себе власть под покровительством Москвы, хотя и в значительно усеченном виде. Таким образом, мы замкнули аналитический круг и вернулись к темам, поднятым в первой главе, включая две сравнительно-аналитические задачи: почему Кабардино-Балкария непохожа на Чечню, и почему Кавказ в целом вышел из коммунистического периода совершенно иначе, чем Центральная Европа? И, наконец, что все это означает для ближайшего будущего?

Отступательная контрстратегия перестройки

На угрозу утраты контроля над Восточной Европой и республиками СССР во второй половине 1989 г. Москва ответила двумя совершенно разными способами. На внешнем фронте были предложены неожиданно щедрые компромиссы; в то же самое время на внутреннем фронте Центр ответил демонстрациями военной силы и подрывными спецоперациями против национальных движений, приблизившихся к захвату власти в союзных республиках и угрожавших отделением от Советского Союза. В первом случае стратегия компромиссов, упреждающих худшее, вылилась в серию «бархатных» демократических революций в соцстранах Восточной Европы. Во втором же случае стратегия подрывных спецопераций способствовала эскалации межэлитного соперничества по линиям этнической и региональной напряженности в серию войн на южной периферии СССР, от Приднестровья до Закавказья и Таджикистана.

В те лихорадочные дни Горбачева подозревали в лицемерии либо в слабости и утрате контроля над собственными силовиками. По более трезвому размышлению, в действиях Москвы просматривается определенная стратегическая цельность и расчет, хотя и далеко не всегда удачный. Союзников по Варшавскому договору (и тем более Афганистан, Йемен, Никарагуа и Эфиопию) приходилось сбрасывать как балласт. Возврат к силовому контролю над внешним геополитическим периметром сулил колоссальные военные и экономические издержки и означал возобновление глобальной Холодной войны без какой-либо ясной перспективы⁴⁴. Хуже того, воспроизводилась ситуация после 1968 г., что наверняка положило бы конец реформам внутри самого СССР и его продвижению к европейской интеграции. Вот в чем причина демонстративной дозволенности «бархатных» революций 1989 г. в соцстранах Восточной Европы. Маневр выглядел смело и, учитывая резко сокращавшиеся возможности, даже многообещающе. Москва превращалась из исторического угнетателя и покровителя морально устаревших и экономически неэффективных бюрократических диктатур в прогрессивного освободителя и будущего союзника восходящего поколения демократий. К изумлению и замешательству Запада (чего стоило внезапное объединение Германии, так встревожившее прочих членов НАТО), рушился Железный занавес и с ним привычное деление континента на две противостоящие неравные части. Возникло не окно, а громадный пролом в Европу. Вот только хватило бы времени и внутренних сил им воспользоваться...

Вхождение в Европу на равных, безусловно, предполагало сохранение СССР в качестве мощной геостратегической и ресурсно-сырьевой платформы с массой занятого в передовых видах деятельности населения и интегрированным хозяйственным комплексом. Нет особой непоследовательности в том, что Горбачев, красиво разменивая соцстраны, в то же самое время интриговал и не-

⁴⁴ Valerie Bunce, "The Empire Strikes Back: The Evolution of the Eastern Bloc from a Soviet Asset to a Soviet Liability." *International Organization*, 39 (Winter 1985).

красиво боролся за сохранение союзного государства доступными ему средствами. Советский реформатор, над которым постоянно довлел печальный пример Хрущева, не мог рассчитывать на безусловную поддержку и даже элементарную лояльность внутренних консерваторов. Но без них было невозможно использовать вооруженные силы, спецслужбы, как и многие хозяйственные ресурсы Союза, поэтому Горбачев с 1989 г. предпринимает сложную игру на правом фланге. Тем самым он отдаляет от себя и приводит в отчаяние возлагавших на него столько надежд, но пока слишком бессильных демократов. Показательно, что и Ельцин, выступавший тогда в силу собственных политических обстоятельств непримиримым демократическим критиком горбачевского союзного правительства, вскоре придя к власти, совершит еще более резкий поворот вправо, и теперь уже сам будет пытаться совладать с региональными и этническими сепаратистами по мере своего понимания задач и значительно уменьшившихся сил. В этом же смысле преемником, а не отступником от стратегического курса Горбачева и Ельцина будет выступать и Путин. Дело не в пресловутой имперской ментальности русских, не в «фантомных болях» по утраченному величию, не только в застарелом и едва скрываемом комплексе неполноценности перед лицом развитого Запада, и тем более очевиднейшим образом не в личных психологических диспозициях столь разных по характеру кремлевских правителей, как Горбачев, Ельцин и Путин. Дело в структурной противоречивости положения России, исторически балансирующей на полупериферии Европы.

Все же не стоит вовсе отрицать присутствия доли социального психологизма в дилеммах Горбачева. Для государственного деятеля иметь дело с Вацлавом Гавелом и Тадеушем Мазовецким вероятно не то же самое, что с личностями типа Звиада Гамсахурдия и подавно с полевыми командирами из недавних крутых мужиков. Венгерские, чешские и польские оппозиционеры доказали не только свою организационную силу, но и политическую вменяемость. Вернее сказать, именно благодаря организационной силе и дисциплине они оказались способны выдвигать вменяемых лидеров и идти на состоятельные компромиссы с реформистским крылом собственной номенклатуры, а также с Горбачевым, который, таким образом, становился внешним партнером межэлитных пактов стран, как теперь выражались, Центральной Европы и ключевым гарантом обновленной классовой гегемонии на основе общих задач и ценностей европейской интеграции. Политически и психологически труднее было признать, что к той же категории придется отнести и Прибалтийские республики. Но и это было сделано, когда прибалтийские движения доказали свою способность оказывать организованное сопротивление акциям запугивания и, в то же время, заключать компромиссные альянсы с собственной номенклатурой и контролировать раздражители в лице националистических радикалов с собственной стороны. Не должно быть никакого сомнения, что ответственные, уравновешенные, политически и организационно талантливые и даже весьма

харизматичные лидеры потенциально существовали также и в оппозиционных гражданских обществах на Кавказе. Многие из них достаточно известны в своих республиках и за рубежом, поскольку даже в 1990-е гг. сумели так или иначе реализоваться – только не в качестве ведущих публичных политиков, а скорее прогрессивных организаторов в бизнесе и науке, правозащитников, независимых журналистов, политических и деловых аналитиков, неизбежно в условиях разрухи проводящих большую часть времени в поездках на стипендии и гранты западных фондов. Однако на Кавказе социально-психологический типаж умеренного оппозиционного интеллигента пришел в несоответствие со стихийной гипер-энергичностью национальных мобилизаций и в то же время не находил себе партнеров среди местной национальной номенклатуры, организуемой коррупционными связями и личным патронажем, а не корпоративной бюрократической культурой и политическим расчетом. Еще и еще раз подчеркну главный тезис – разница между Прибалтикой и Центральной Европой с одной стороны и Кавказом и Балканами с другой стороны была не абсолютной, а относительной. Расхождение их траекторий обусловлено не столько роковыми особенностями национальной культуры, сколько классовым составом обществ и практиками властвования, сложившимися в госструктурах. Различия социальные и институциональные приобрели в бифуркационной точке 1989 г. выраженно дивергентные векторы, которые вели к самоусилению возникшей политической динамики и все дальше разводили бывшие соцстраны и республики по секторам исторических возможностей. Если в Прибалтике умеренные оппозиционеры и реформистские бюрократы совместно оттеснили националистических радикалов, на Кавказе дело оборачивалось ровно наоборот. Последнее и пытался любой ценой предотвратить Горбачев и люди из его окружения, устраивая радикалам препятствия, отвлекающие конфликты и диверсионные провокации. Делалось это, надо прямо сказать, очевидно, не из гуманизма, а по сугубо политической логике тактического отступления и перегруппировки наличных сил на хаотически обрушающемся фланге.

В ближней сфере своих интересов и подальше от соприкосновения с Западом – в союзных республиках и, прежде всего на Кавказе – теряющая прямой контроль Москва теперь регулярно применяла рычаг тайных операций, став закулисным участником переворотов и сепаратистских конфликтов. В целом эта политика была схожей со стратегией Белграда в период войн за выход из состава Югославии: на сепаратизм союзных республик центральное правительство ответило негласной финансовой и военной поддержкой меньшинств и различных оппозиционеров внутри самих республик⁴⁵. Остается неясным, в какой мере лично Горбачев вырабатывал и санкционировал подобную стратегию. Наверняка было приложено немало усилий, чтобы его имя никак не связывалось с

⁴⁵ Деатльное сравнение посткоммунистических траекторий Сербии и России дают Valerie Bunce, *Subversive Institutions*, New York: Cambridge University Press, 1998; Veljko Vujacic, «Historical Legacies, Nationalist Mobilization, and Political Outcomes in Russia and Serbia,» *Theory and Society* 25 (1996); Anatol Lieven, *Chechnya: The Tombstone of Russian Power*, New Haven: Yale University Press, 1998, chapters 6 and 7.

подрывными операциями. И все же трудно вообразить, что строго субординированная советская система даже в дни финального кризиса могла приводиться в действие без команд сверху. На этот вопрос ответ предстоит искать историкам будущего.

Первой национальной республикой СССР, где номенклатура капитулировала и разбежалась либо переметнулась на сторону радикальной националистической оппозиции, стала Грузия. В силу этнической пестроты и особенностей истории на территории Грузии могло разразиться с полдюжины внутренних сепаратистских восстаний, однако не всем им выпало состояться. Целый массив сельскохозяйственных районов на юго-востоке Грузии населяют азербайджанцы. (А по другую сторону границы, в Азербайджане, живут грузины-ингилойцы, обращенные в ислам столетия назад – богат Кавказ антропологическими особенностями). В нескольких других горных районах на юге Грузии основное население составляли армяне и выселенные в Закавказье еще при царях общины русских религиозных неконформистов: молокан и духоборов. Было тут и свое трудное «наследие прошлого». В декабре 1918 г. Грузия и Армения воевали из-за спорных пограничных местностей. Но, во-первых, эти территории в советский период не получили статуса автономии, следовательно, этим глубоко сельским районам недоставало критической массы собственных элит, чьи субординационные конфликты с тбилисским начальством могли бы послужить детонатором, как и организационных структур автономии, которые могли быть использованы в дальнейшей сепаратистской мобилизации. Эти населенные армянами и азербайджанцами районы с распадом грузинской советской государственности в 1990 г. все же стали самоуправляющимися де-факто, на основе сельсоветов, школ, местных газет-многотиражек, бывших колхозов/совхозов и отделений милиции оформились какие-то локальные этнически-окрашенные структуры и их лидеры. Но здесь мы четко наблюдаем (не)действие второго фактора сепаратизма – на фоне разгорающейся войны в Карабахе и Азербайджане, и Армения вполне разумно избегали ввязаться в новые конфликты. Кстати, этот малоизвестный факт невозникновения новых пограничных конфликтов показывает, что пришедшие к власти в этих республиках национальные движения не были вовсе ослеплены идеологией. Кроме того, даже в период наибольшей интенсивности карабахского конфликта, армяне и азербайджанцы на территории Грузии сохраняли нейтральные отношения на бытовом уровне и даже торговали ко взаимной выгоде. Знакомые между собой таксисты и водители грузовиков за определенную плату совершали через Грузию эстафетные рейсы из Баку в Ереван и обратно, передавая пассажиров и товары из рук в руки.

Движения за выход из состава Грузии вспыхнули лишь в тех областях, где наличествовали автономные правительства с более или менее прямым выходом на Москву, отчего сохранялась напряженность, порождаемая соблазном решать

свои проблемы в обход тбилисской бюрократии⁴⁶. Таких автономий в Советской Грузии было три: Абхазия, Южная Осетия и Аджария. Грузинская антикоммунистическая оппозиция в 1989 г. шла к власти под лозунгами возвращения в лоно «европейской христианской цивилизации» и преобразования Грузии в независимое национальное государство. Крупнейшие течения нововозникшего грузинского гражданского общества требовали упразднения национальных автономий, которые в их глазах выглядели навязанным безбожными большевиками имперским институтом, воплощавшим принцип «разделяй и властвуй». Эта мысль была наглядно донесена (а буквально – доведена) до самих этнических меньшинств в 1989 г. пропагандистскими автопробегами радикальных грузинских политиков и их сторонников, регулярно выезжавших проводить митинги в автономных образованиях по периметру Грузинской ССР. Подобные демонстративные акции преследовали три цели. Для тбилисских улиц они служили подтверждением героического статуса крестового похода, т.е. создавали символическую разновидность политического капитала. Во-вторых, они непосредственно создавали политический капитал в виде организационных структур и сетей личных контактов, собирая людей под знаменами единого дела, в том числе «пробуждая» живших в автономиях грузин к факту их эксплуатации с последующим созданием местных отделений тбилисских националистических партий. Следует отдать им должное, грузинские оппозиционеры в отличие от московских, рано и довольно успешно предприняли свое хождение в народ, благо их страна по размерам не превосходила Московскую область. Основными обещаниями стали устранение контроля со стороны негрузинских бюрократов на местах, прежде всего в Абхазии – лозунг крайне заманчивый для людей, вовлеченных в неформальное или «теневое» сельское хозяйство – и поднятие статуса местных грузин, ранее ущемляемых меньшинствами. Наконец, без слов было понятно, что это были демонстрацией силы, призванной убедить либо принудить этнические меньшинства согласиться с предстоящей унитарностью грузинского национального государства.

В полном соответствии с логикой политической поляризации, демонстративная радикализация грузинского национализма политизировала и этнические меньшинства, которые начали спланиваться и искать поддержки извне перед лицом грядущей независимости Грузии. До поры риторические действия относились к категории, которую Бурдые называл «символическим насилием». Символическое быстро становится реальным вооруженным насилием, когда оружия оказывается в избытке, а люди, в условиях распада государства, видят в нем крайнее и неизбежное средство для защиты собственной безопасности.

---

⁴⁶ Приднестровье и Гагаузия в Молдавии составляют теоретически исключение, поскольку автономиями в советский период не обладали. Очевидно функцию организации мог исполнить и партхозактив, обладающий достаточно четкой идентичностью и поддержкой извне.

Лорд-протектор Аджарии

Начнем с малоизвестной Аджарии. Мы уже встречали это название ранее при описании событий 1921 г., когда опасавшиеся потерять нефтяной терминал в Батуми большевики решили присоединить Карабах к Азербайджану. Особенностью Аджарии стало то, что это автономия не имела титульной нации. Официально, аджарцев в Аджарии не существовало с 1920-х гг. В языковом и историческом отношении коренные жители Аджарии являются грузинами, однако они приняли ислам после длительного проживания под властью Османской империи (Батумский округ был отвоеван лишь в Русско-турецкой войне 1878 г.) С точки зрения грузинского национализма, чьим символическим основанием служит эпос героического сопротивления древнего христианского народа завоеваниям мусульманских варваров, особый статус Аджарии выглядел едва не святотатством. Точно так же греческие и сербские националисты не могли примириться с мыслью, что часть их собственного народа могла перейти на сторону турок⁴⁷. Полная человеческих трагедий история создания современной Греции и недавняя бойня в Боснии показывают, как политизированное несоответствие между этнолингвистической и конфессиональной принадлежностью может привести к чудовищным последствиям.

В 1921 году большевики предоставили Аджарии автономию с целью успокоить Турцию и мусульманское население области. После семидесяти лет советской модернизации грузины-аджарцы сделали бытовыми атеистами, сохранив от силы ритуальные пережитки религиозности в обрядности жизненного цикла. Они и сами теперь считали себя настоящими грузинами. Женщины давно сняли паранджу, мужчины, оставив религиозные запреты, стали щедро потчевать гостей и сами угощаться вином. Их выдавали в основном унаследованные от дедов и прадедов мусульманские имена, которые советские грузинские власти при выдаче паспортов искренне рекомендовали поменять, особенно если получатель собирался на учебу или служебное повышение в Тбилиси, а то и по собственному усмотрению меняли в документах имена Мехмедов и Рашидов на Михайлов и Ревазов. Покушение на дедовские имена вызывало возмущение вплоть до жалоб в Москву. Старые батумцы полагают, что одной из причин снятия в 1973 г. первого секретаря компартии Грузии Мжаванадзе (которого сменил Шеварднадзе) стали именно протесты аджарских коммунистов на нарушение ленинской национальной политики, проводившееся через паспортные столы. Аджарцев оставили при их именах, хотя уже давно, где-то после жестоко подавленного сельского восстания 1928 г. против советского наступления на мусульманские традиции (вроде ношения женщинами чадры), их, как и прочие «грузинские народности» (сванов, мегрелов), по специальной

⁴⁷ В так называемой «мусульманской Грузии», большая часть которой после 1921 г. отошла к Турции, существовали и исламизированные армяне-хемшилы, вместе с христианством целиком утратившие армянскую идентичность. Оставшиеся по советскую сторону границы хемшилы в сталинские времена были высланы в Среднюю Азию вместе с турками-месхетинцами и вскоре практически растворились среди месхетинцев.

инструкции перестали упоминать в переписях населения отдельной группой. На бытовом уровне грузины из внутренних районов не только за глаза обзывали аджарцев «татарами», но сами жители субтропического курортного Батуми относили это на счет зависти к их комфортабельной и зажиточной жизни.

Бурное возрождение грузинского национализма поставило коренное население Аджарии в весьма двусмысленное положение. В 1989 г. Звиад Гамсахурдия, выступая на батумском стадионе перед громадной толпой местных и приезжих грузин, настойчиво призывал: «Аджарцы! Вспомните, что вы – тоже грузины!» Непродуманное (хотя вероятно искренне лишь риторическое) напоминание рассердило тогда и встревожило многих «аджарцев», пришедших к выводу, что их все-таки не считают настоящими грузинами. Чем это могло обернуться при новой демократии? Опасения вскоре нашли подтверждение. В отличие от советской практики хотя бы чисто формального избрания территориальных руководителей, Звиад Гамсахурдия, сам придя к власти на выборах, приступил к прямому назначению префектов по образцу французского централизаторского бонапартизма. Главой новой власти в Батуми он назначил молодого художника. Хотя тот и принадлежал к местной богемной интеллигенции, тем не менее, в Батуми не могли не отметить его происхождение из основных христианских областей Грузии. Оппозиционный стаж молодого префекта сводился к двум годам советской тюрьмы, по официальной биографии за диссидентство, хотя в памяти местного населения приговор связывался с дракой в ресторане. Не самое продуманное назначение (чем особенно отмечено непродолжительное пребывание Звиада Гамсахурдия у власти) послужило прелюдией к скандалу, который разгорелся, как только новые власти приступили к смещению прежнего руководства и раздаче в собственном кругу таких же чужаков и «выскачек» выгодных постов в батумском порту, на таможне, в местных министерствах и далее, вплоть до номинально все еще принадлежащих государству гостиниц и ресторанов. Подливая масла в огонь, большую часть времени новое руководство проводило не в залах совещаний официальных учреждений, а за столом ресторана на набережной в курортном местечке Кобулету. На привычное начальство эти молодые бесшабашно-заносчивые национальные демократы не походили вовсе. Соппротивление старых властей было подавлено грубой силой. Последнего коммунистического главу Аджарии вытащили из его служебной автомашины и показательно избили «неизвестные», которые были замечены в рядах новой «Национальной гвардии».

С точки зрения теорий построения идентичности Аджария 1989-90 гг. являла любопытный пример. Ее коренные жители в отчаянных попытках обеспечения своей групповой и региональной целостности использовали любые доступные им идеологические символы, мало-мальски способные составить противовес грузинскому национализму. На какой платформе могла объединяться уже изрядно подвергшаяся размыванию субэтническая группа, чей общий интерес заключался в защите своей маленькой провинции от нахрапистых при-

шельцев, которым власть и сила вскружили голову? Аджарцы на какое-то время обратились к советской идеологии марксистско-ленинского интернационализма. Развал компартии Грузии стал свершившимся фактом, в тбилисском ЦК напоследок рекомендовали не оказывать сопротивления «патриотическим силам», и, тем не менее, в Аджарии кандидаты-коммунисты все еще опережали националистов по итогам первых демократических выборов. (Отчасти поэтому Гамсахурдия и пришлось полагаться на назначение префектов.) Коммунистическая альтернатива национализму с осени 1989 г. виделась проигранным делом, что в Аджарии вызвало неожиданное подкрепление со стороны ислама. На митингах тех дней в Батуми можно было наблюдать непривычное действо – молящихся под алыми полотнищами убеленных сединами стариков, спустившихся по такому случаю из горных сел. Духовой оркестр местного завода, исполнявший, будто на Первомай, советские марши, гимны СССР и Грузинской советской социалистической республики, добавлял ирреальности происходящему. В подобных обстоятельствах у коммунизма и ислама действительно нашлось нечто общее – оба были преданы анафеме грузинскими националистами. Ходили тревожные слухи, будто в Тбилиси снаряжается вооруженная экспедиция для подавления аджарского сепаратизма.

Аджария вероятно и в самом деле неуклонно катилась к тому, чтобы стать Боснией на Кавказе. Однако не стала. Не будет риторической натяжкой сказать, что возгорание конфликта было предотвращено одной-единственной удачно посланной пулей, которую местная легенда называла не иначе как направляемой самим Аллахом – а мы назовем исторической случайностью на развилке структурных возможностей. Здесь следует упомянуть, что новая власть «звиздистов» не была целенаправленным оккупационным режимом, каким ее представляли противники, уже хотя бы потому, что отличалась крайней разнородностью и формировалась из сочетания случайностей и импровизаций. В нее входили пламенные интеллектуалы и священники, «силовые предприниматели» из авантюристов и крепких субпролетарских мужиков, а также немало оппортунистических перебежчиков из бывшей номенклатуры. Следует также признать, что подбор кадров был слабым местом Гамсахурдия, тем не менее, он и его ближайшее окружение (включая слывшую властной матроной супругу президента) делали какие-то уступки местным условиям и пытались ради обеспечения собственной власти выстраивать сдержки и противовесы. Очевидно поэтому, наряду с богемным префектом в Батуми был направлен и карьерный советский управленец Аслан Абашидзе, к моменту распада советского режима достигший неплохого положения в Тбилиси и затем совершивший удачный побег в стан оппозиции.

Абашидзе начинал в Батуми комсомольским работником, затем стал директором профессионально-технического училища и дошел до зам.министра коммунального хозяйства Грузинской ССР. Должность не самая престижная, однако, одна из хлебных по рентно-коррупционному потенциалу. Абашидзе ни-

когда не кокетничал, признаваясь, что «вовсе не беден»⁴⁸. Имя Аслан (по-турецки означающее «лев») выдает в нем коренного аджарца. Еще более значима фамилия Абашидзе, что, по всей видимости, произвело впечатление на подверженного феодальной романтике Гамсахурдия. Абашидзе многие столетия – и в качестве христиан, и став мусульманами – правили и владели обширными землями в Аджарии. Дедом Аслана был бек (владелец) Мемед Абашидзе, уважаемый также в качестве ведущего местного патриота, народного просветителя и одного из вождей партии социалистов-федералистов⁴⁹.

Детали разногласий в звиадистской администрации Батуми не известны, хотя свидетелей должно было быть немало. В новейшей истории Грузии много подобных странностей и загадок, а еще больше запутанных теорий заговора. Но социологу по большому счету незачем искать ответы на загадки интриг и покушений. Нам важнее понять структурную логику событий, отмечая при этом, каким образом люди объясняли происходящее самим себе. Описываемые здесь события, надеюсь, согласуются с таким минималистским подходом.

На фоне проходившего под советскими и исламскими символами митинга протеста, в служебном кабинете наверху между богемным художником и княжеским внуком случился разговор на повышенных тонах, который окончился перестрелкой. (Присутствие оружия на совещании, конечно, деталь показательная.) Новоназначенный префект был убит наповал своим заместителем (или его телохранителем, но это звучит не столь романтично) – конечно, в порядке самообороны. Согласно легенде, пуля прошла столь близко от шеи Абашидзе, что обожгла кожу на сонной артерии хранимого Аллахом местного героя. Ответный выстрел был более меток. Погибшему префекту устроили пышные похороны, однако Абашидзе не только не понес наказания, но и был оставлен править своими владениями. Гамсахурдия очевидно не имел иных надежд сохранить хотя бы подобие контроля над Аджарией. В самом деле, вскоре после перестрелки и захвата власти в Батуми Асланом Абашидзе, митинг прекратился, а старики с почестями были отправлены обратно в свои села (откуда, по распространенному убеждению, их прежде свозили на митинг по негласному указанию того же Абашидзе). Угроза аджарского мусульманского сепаратизма растворилась столь же внезапно, как и возникла. Итогом же запутанных событий стало воцарение на долгие годы Аслана Абашидзе, которого не особенно заботили формальные титулы. Батумцы в 1990-е гг. добродушно шутили о сво-

⁴⁸ *Московский Комсомолец*, 17 апреля 1993 г.

⁴⁹ Во многом именно благодаря Мемед-беку Аджария в свое время добилась статуса автономии. Советские власти в 1920-х гг. попытались кооптировать столь влиятельную фигуру, но в 1936 году он был расстрелян, как считается, по личному приказу Сталина. Неутомимый исследователь архивов Григорий Лежава нашел в московских фондах НКВД школьную тетрадку с трогательными строчками, которые Мемед Абашидзе написал в ожидании казни. Обращаясь к Сталину, которого знал еще с дореволюционных лет, Абашидзе доказывал, что давно принял власть большевиков (хотя и не некоторые из ее методов), поскольку сам мечтал о светской, современной, образованной и индустриальной Аджарии, входящей в состав всемирной федерации социалистических наций.

ем еще долго сохранявшем популярность спасителе: «Должность Аслана?! Аслан! Лев Аджарии. А проще говоря – Хозяин».

Просвещенность, местный патриотизм и талант к политическому маневрированию, бесспорно, были сильной стороной рода Абашидзе. Оставалась загадкой даже конфессиональная принадлежность Хозяина, которого мусульмане считали своим, местным, а прочие утверждали, что он давно окрестился. Придя к власти, батано (по-грузински господин, но никогда не бек) Аслан сумел быстро замять расследование обстоятельств своего воцарения и первым же делом нейтрализовал батумских националистов. Прежние коммунистические руководители, многие из которых были старыми друзьями и сослуживцами, получили комфортные должности. На восстановление местных мечетей и церквей самых разных конфессий (грузинских, армянских, русских, греческих и даже польского костела) были щедро выделены средства. Проводя внутреннюю политику патерналистского согласия, Абашидзе при этом без устали повторял, что Аджария никогда согласится на отделение и всегда будет неотъемлемой частью Грузии. Впрочем, знающие лица утверждают, что случаи, когда Аджария при Абашидзе перечисляла собранные налоги и пошлины в центральный бюджет, можно пересчитать по пальцам. Его внушительные вооруженные отряды мудро именовались не армией, ополчением или гвардией, а полицией, таможенниками и пограничной стражей. Когда в 1992 г. вооруженные формирования Госсовета, незадолго до этого свергшие президента Гамсахурдия и преследовавшие его сторонников через всю западную Грузию, попытались было прорваться в Аджарию, на пограничной реке их ожидала убедительная демонстрация сил местной полиции, поддержанных взятой «напрокат» у российской военной базы в Батуми бронетехникой и артиллерией. (Каждого 8 марта Абашидзе отсылал женам всех российских офицеров в Аджарии цветы и корзины с фруктами). Вот, собственно, и разгадка. Аслан Абашидзе сумел успешно предотвратить сползание Аджарии в боснийскую пропасть, превратив автономию в российский военный протекторат и одновременно, фактически, свой частный султанат⁵⁰.

В начале 1990-х гг. мне как-то выпала возможность лично увидеть в гараже Абашидзе подтверждение его сказочного по меркам сильно тогда обедневшей Аджарии богатства – «Порше» сына (конечно, «подарок друзей») и несколько бронированных «Мерседесов». Впрочем, мне тут же сказали, что отец запретил сыну гонять на «Порше» по улицам, чтобы не вызывать кривотолков и не распугивать лишний раз коров. Благодаря значительным поступлениям от приграничной торговли с Турцией, восстановленная патронажная сеть Аджарии, казалось, действовала достаточно хорошо. Уголовная преступность упала до самых ничтожных показателей, потому что в эпоху Абашидзе каждый

⁵⁰ См. более подробно у Georgi Derlugian, «Why Adjara Is Not Like Bosnia: Historical Determinants, Human Agency, and Contingency in the Chaotic Transition,» in George Katsiaficas (ed.), *After the Fall: 1989 and the Future of Freedom*, New York: Routledge, 2001.

десятый мужчина шел на службу в его полицию и таможенную (основной источник патронажа и трудоустройства), а воры, согласно еще одной местной легенде, после доверительной мужской беседы с Асланом предпочли сами покинуть Аджарию. Возникшая среди войн и грабежей частновладельческая автономия, где машины можно было не запиравать на ночь, представляла собой компактный вариант среднеазиатской модели патерналистского порядка. Однако ее экономика страдала от свойственных всему Закавказью проблем: рабочих мест вне полиции и госаппарата было катастрофически мало, нефть через Батуми не шла уже давно, фабрики, завязанные на всесоюзные планы и сети смежников, простаивали годами, обшарпанные гостиницы были заполнены беженцами из Абхазии, на набережной и пляжах паслись коровы, а вывезти урожай мандаринов или чая из Аджарии было делом крайне проблемным. Однако Асалану Абашидзе, казалось, прощается все, за то, что он уберег свой маленький бейлик от участи Абхазии.

Такое положение сохранится до мая 2004 г., когда под многократным давлением угроз молодого и энергичного президента Грузии Михаила Саакашвили, внутренних волнений в Аджарии, где вероятно многим к тому времени надоела тотальная монополия семейства Абашидзе на власть и бизнес, и дипломатических маневров внешних покровителей Абашидзе будет вынужден бежать в Россию.

Конфедерация горских народов

В советские времена приезжие курортники и даже московская профессура, как известно из юмористической автобиографии Фазиля Искандера, часто путали Аджарию и Абхазию. В самом деле, и тут и там субтропики, горы, пляжи и мандарины, чача и хачапури, местные нерусские мачо, там Сухуми, здесь Батуми, а если более формально, то обе – автономные республики в составе Грузинской ССР. Однако в одной из них войны не произошло, хотя вполне могла, а в другой война случилась, хотя до последнего сохранялась надежда, что как-то и на сей раз образуется. Так чем же Абхазия отличалась от Аджарии?

До развала СССР эта маленькая автономная республика на берегу Черного моря успешно соперничала с Аджарией в процветании благодаря чрезвычайно прибыльному теневому рынку, строившемуся на монополии субтропических курортов и мандариновых плантаций, которых в Советском Союзе было, прямо сказать, наперечет. Десятилетиями контроль над этими источниками доходов был предметом грузино-абхазского соперничества на всех уровнях – от отдельных крестьянских хозяйств, криминальных организаций и до правительства автономии. Ситуация весьма напоминала «Социалистических предпринимателей: обуржуазивание в сельской Венгрии» – некогда нашу шумевшую социологическую

работу Ивана Селеньи и его сотрудников⁵¹. Но здесь требуется поправка на кавказскую практику и институциональные условия, где возможности предпринимательства очень сильно зависели от этнических социальных сетей.

Абхазский крестьянин чувствовал себя гораздо комфортнее и увереннее в общении с чиновником или милиционером-абхазом не только потому, что они принадлежали к одной культуре и говорили на одном языке. Это, по большому счету, этническая романтика. Главным было то, что их, в самом деле, связывали невероятно далеко идущие (с точки зрения москвича или киевлянина) узы семейного родства или, по крайней мере, соседства. Два абхаза, встретившихся в официальной обстановке, либо уже не раз встречались, либо непременно где-то встретились бы и за другим столом, на поминках или свадьбе. Это и позволяло абхазскому крестьянину оказывать в самой радушной форме социальное давление на отдельно взятых госслужащих и милицейских, в основном для того, чтобы воспрепятствовать выполнению ими своих обязанностей, вроде взимания штрафа за превышение скорости или принудительной закупки по государственной цене урожая мандаринов. Как говорил Эрнст Геллнер, человек, погруженный в родственные связи, дает слабый материал для изготовления слуги государства.

Местные старожилы свидетельствуют, что на Кавказе, особенно в сельской глубинке, действительность могла разительно отличаться как от лакированной картины официальных отчетов, так и от тоталитарной карикатуры западных советологов. Командная система либо буксовала и вязла в кавказской семейственности, либо в нее встраивались неформальные практики уступок и поощрительного недосмотра, которые на деле и позволяли машине работать. Примерно с середины 1950-х гг. колхозы закрывали глаза на подспудное приобретение крестьянами больших фактически частных участков при условии, что взамен те отдавали часть урожая для покрытия спущенных сверху норм. Крестьяне, в свою очередь, продавали оставшуюся часть своей продукции на рынках больших городов, вывозя все больше овощей и фруктов в Москву и промышленные центры России, где цены были очень высокими, а спрос – гигантским и ненасыщаемым. Накопленные в 1960-1980-х монопольные прибыли материализовались, в частности, в форме очаровательных двухэтажных особняков в абхазских деревнях.

За исключением редких случаев непосредственного вмешательства, правление московского центра было обычно опосредствовано патронажными сетями в административном аппарате республик, городов и районов. Повсюду на Кавказе назначения на государственные должности подлежали утверждению свыше, что оказывало непосредственное влияние на изощренные многоуровневые переговоры относительно соотношения официальной и теневой составных экономики (Я: наибольшая степень бюрократизации) . Слияние местных госу-

---

⁵¹ Ivan Szelenyi, with Robert Manchin et al., *Socialist Entrepreneurs: Embourgeoisement in Rural Hungary*, Madison: University of Wisconsin Press, 1988.

дарственных структур и экономики, как в официальной, так и неофициальной сферах, предоставляло множество поводов для конфликтов, которые, по сути, были экономическими, однако неминуемо приобретали отношение к национальности (*nationally-relevant conflicts*)⁵².

Абхазо-грузинское соперничество в открытую проявлялось в периоды политических потрясений и преобразований в России и СССР: в годы Гражданской войны 1918-1921 гг., коллективизации и чисток 1936-1939 гг., десталинизации 1956 г., социалистического демократического движения 1968 г., диссидентства 1977-1978 гг. при Брежнев, и, наконец, перестройки в 1989 г.⁵³. Иными словами, поколение за поколением структурное напряжение наследовалось в моделях землевладения, теневого рынка и советской национальной политики распределения государственных должностей, воспроизводя абхазо-грузинский конфликт на каждом историческом перепутье. Таким образом, столкновения были заранее отрететированными и их перерастание в войну за отделение в 1992 г. выглядело автоматическим и чуть ли не совершенно естественным.

Но, опять же, все ли так просто? По грубому демографическому счету силы выглядели совершенно неравными. Менее ста тысяч абхазов противостояли четырем миллионам грузин, включая четверть миллиона грузин в самой Абхазии. Впрочем, это были довольно разные грузины: сваны, вероятно со времен Бронзового века засевшие в неприступном высокогорье и со временем выработавшие свой собственный язык, отличающийся от тбилисского литературного до полного непонимания; либо говорящие на собственном диалекте мегрелы, многие из которых очень давно жили в Абхазии (хотя насколько давно – вопрос, как всегда на Кавказе, неясный и взрывоопасный). В некоторых селах население сделалось смешанным настолько, что говорило на абхазском и грузинском в качестве родных языков (плюс русский в качестве *lingua franca*). Жители таких деревень зачастую затруднялись ответить на вопрос о своей национальной принадлежности. Межнациональные браки считались совершенно нормальным явлением.

В Абхазии было много и грузин, переехавших туда исторически совсем недавно в соответствии с планом развития колхозного сельского хозяйства Советской Грузии в 1938-1952 гг. Характер и география заселения указывают, что помимо официально провозглашенной, вероятно, ставилась цель грузинизации автономной республики. Конечно, тут обычно вспоминается, что Сталин и Берия были грузинами. Однако в таком случае трудно объяснить передачу Закатальского округа в состав Азербайджана, большей части Лори – Армении, и тем более создание и дальнейшее сохранение Юго-Осетинской автономной области. Все это было бы невозможно против воли Сталина, который очевидно все-таки

⁵² Miroslav Hroch, *Social Preconditions of National Revival in Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁵³ Г. П. Лежава, *Между Грузией и Россией: исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта*, Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

думал как государственный строитель, а не местный патриот. Хотя грузинская национальная легенда считает Абхазию колыбелью средневекового грузинского царства и культуры – подобно образу Косова для Сербии – дело видимо не в национальной мотивации. В сталинской практике национального строительства этнические аспекты неизменно уступали первенство экономическим соображениям. В начале 1930-х гг. на высшем советском уровне было решено превратить «красные субтропики» в советскую Флориду – первоклассный курорт и цитрусовую плантацию, служащую поощрению и отдыху ударников со всего Советского Союза и, конечно, командного состава и номенклатурного руководства начиная с самого Сталина. Абхазия оказалась стратегически слишком важна, чтобы предоставить право распоряжаться ею провинциальным властям и горским жителям малой коренной национальности, тем более что по советской теории в качестве АССР в составе Грузии Абхазия также служила зоной национального строительства грузинской нации.

Со своей стороны, абхазы помнили, что переселение грузинских колхозников началось после таинственной смерти уважаемого народом коммунистического руководителя Абхазии Нестора Лакобы, последовавшей после обеда с Лаврентием Берия, который тогда был секретарем компартии Грузии. Подобно многим старым большевикам на Кавказе, Лакоба начинал карьеру в качестве преследуемого царскими жандармами разбойника-абрека, а его дружба со Сталиным уходила корнями в дореволюционные годы совместной борьбы в подполье. Также подобно многим большевистским национальным вождям первого поколения, Лакоба умело пользовался репутацией смелого мужчины (в частности, меткого стрелка) и патерналистского заступника своего народа. При нем Абхазии удавалось избегать насильственной коллективизации, откладываемой на годы. Считается, что Лакоба мог уговорить Сталина быть помягче с отсталой национальной окраиной. Однако после 1936 года маховик коллективизации набрал полные обороты. Одновременно в Абхазию пришли безземельные крестьяне из центральных и западных районов Грузии, которых тбилисский центр селил обособленно, в новоотстроенных селах. После 1989 г. в основном эти села и стали центрами националистической мобилизации и дальнейшего насилия. В народной памяти аграрные проблемы и государственная политика слились в отражение этнической враждебности: Грузины пришли захватить нашу землю. В результате хозяйственно-демографического роста и целенаправленной перепланировки Абхазия превратилась не только в процветающий советский аналог Флориды, но и в преимущественно грузинскую территорию, где абхазы составляли теперь всего 17% населения по сравнению с более чем сорока процентами грузин (прочее население составляли значительные меньшинства русских и украинцев, а также переселенных еще в конце XIX в. из Османской империи армян и понтийских греков).

После 1989 г. перспектива конкурентных выборов по принципу «один человек, один голос» и рыночных реформ (легализация «кооперативной» соб-

ственности, приватизация госимущества) стала мобилизующей угрозой для абхазов вовсе не потому, что абхазы по природе своей невосприимчивы к демократии и склонны к тоталитаризму (такой тезис более-менее явно присутствует в грузинских нарративах конфликта). В действие немедленно вступал элементарный – и роковой – этнодемографический расчет. Доля грузин приближалась к половине населения Абхазской АССР, абхазов – всего 17%. Соревновательная демократия и отмена национального квотирования становилась совершенно легитимным способом ликвидации прав абхазской титульной национальности и приведения политических структур в соответствие со сложившимся с 1940-х гг. грузинским преобладанием. Таким образом, реакция абхазов на демократизацию была структурно схожей с балкарским сепаратизмом. В отличие от балкарцев, абхазские национальные политики обороняли уже существующую автономию и при этом пользовались скрытой поддержкой Москвы. Ну, и конечно экономические ставки в постсоветском развитии в Абхазии были не в пример выше. Логика структуры общественной власти, основанной на бюрократическом патронаже по этническим и земляческим линиям, теперь дополняемая демократической соревновательностью и приватизационным переделом собственности, создавала устрашающее конфликтное противостояние. Ситуация на самом деле не столь и отличная от Аджарии, где местные и пришлые грузины вступили в конфликт по поводу распределения власти и собственности на фоне автономии, доставшейся от полузабытого прошлого. В Абхазии все еще острее, но не из-за отличия грузинской и абхазской культур (в самом деле, очень похожих, что бы ни утверждали идеологи противоборства), а потому, что конфликт многократно повторялся в течение XX в. и был как бы «отрепетирован», потому, что существовали структуры автономии, организующие абхазское меньшинство, и плюс ставки выглядели устрашающе более высокими. Оказавшиеся в безвыходном численном меньшинстве абхазы не имели шансов на победу в грядущих выборах, а, следовательно, теряли и контроль над назначениями на государственные посты от президента и профессора до постового милиционера. Автоматически это означало, что с осуществлением приватизации и переходом к капиталистической экономике абхазы теряли также контроль над своими плантациями цитрусовых и курортами.

Прелюдией стали столкновения абхазов и грузин, начавшиеся летом 1989 г. в столице автономии Сухуми (где статусные конфликты элит проявлялись в самой концентрированной форме, притом абхазы составляли всего около 7% от населения города). Непосредственным поводом стал спор вокруг национальных квот на приемных экзаменах в местный университет, избыточное и пустое, с точки зрения грузинских противников, финансирование учреждений национальной абхазской культуры (научно-исследовательского института, театра), и такие символические конвенциональности, как применение различных письменностей и транслитераций на дорожных знаках, оттого регулярно замазывает-

мых краской или приводимых в негодность националистами обеих сторон. Например, окончание «и» делало топоним Сухуми грузинским, тогда как абхазские националисты настаивали на написании Сухум. Дело быстро дошло до массовых драк и стрельбы, появились жертвы. Москва отреагировала посылкой внутренних войск, которым, во избежание дальнейшей эскалации насилия, было официально предписано ограничиваться ролью разделительного барьера между сторонами, подобно миротворцам ООН. Очевидно, существовали и менее явные инструкции.

Жарким августом 1989 г. Муса Шаниб и другие активисты национального движения со всего Северного Кавказа (включая молодого поэта из Чечено-Ингушетии Зелымхана Яндарбиева) были приглашены в Сухуми/Сухум/Акуа⁵⁴ на учредительный съезд нового межнационального движения, пока не имевшего названия. Съезд был организован абхазскими властями, которые и взяли на себя основные расходы. Упомянем, что по современной лингвистической классификации (как всегда, не вполне бесспорной) абхазский язык представляет отдельную ветвь в черкесской (точнее, адыго-абхазской) подгруппе значительно более широкого Северокавказского семейства. Этническое родство абхазов и коренных народов с северных отрогов Кавказского хребта (кабардинцев, адыгов и, намного отдаленнее, чеченцев, ингушей и дагестанцев) стало общепризнанным лишь недавно. Эти языки похожи между собой не более чем индоевропейские английский, русский, армянский, хинди, персидский и, кстати, осетинский. Кроме того, лингвисты пришли к выводу, что грузинский (и родственные ему языки сванов, мегрелов и лазов) составляет совершенно отдельное семейство, а некоторые черты сходства с абхазским и другими северокавказскими языками, по всей видимости, следует считать заимствованиями и субстратами, накопившимися за тысячелетия соседствования. Лишь где-то с 1960-х гг. эти теории стали упоминаться в местных школьных учебниках. Однако с тех пор общность языка, культуры и истории стала центральным элементом всевозможных научных собраний и культурных фестивалей, объединявших абхазов и народы Северного Кавказа. В основе своей подобные собрания должны были продемонстрировать, что в совокупности горские народы вовсе не являются такими уж малочисленными. И вот теперь посвященные этнической и культурной общности мероприятия переросли в открыто политическую демонстрацию пан-кавказской солидарности. Целью ее было поддержать абхазов против охваченной националистической мобилизацией Грузии и продемонстрировать, что абхазы не одинокое крохотное меньшинство, а часть родственного в этническом отношении материка, чей центр лежит на Северном Кавказе – т.е. вне Грузии, по ту сторону хребта⁵⁵. Активистам же национальных

⁵⁴ Акуа – более радикальная попытка ввести чисто абхазское название вместо слова Сухум, которое имеет турецкое происхождение.

⁵⁵ Относительно важности для эффективного сепаратизма «национального материка» см. Rogers Brubaker, *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

движений с Северного Кавказа приглашение абхазских властей предоставило возможность создать собственную сеть контактов, зарядиться эмоциональной энергией, повысить статус.

Шанибов предложил назвать новый политический союз Ассамблеей горских народов Кавказа (в 1991 г. ставшей Конфедерацией). Слово «горских» включало возможность участия живших в долинах грузин и ставило абхазов вровень с горцами – чеченцами и кабардинцами. (Строго говоря, несколько грузинских суб-этнических народностей до недавних пор жили самым настоящим традиционным горским укладом, тогда как большинство кабардинцев или чеченцев издавна предпочитало селиться на предгорных равнинах, но от подобного усложнения попросту отмахнулись). Давший имя горской организации Шанибов и был избран ее первым президентом. Политический проект выглядел поистине грандиозным – союз коренных народов от Дагестана на Каспийском море, и далее Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии – и до Абхазии на Черном море. Призраки мятежного государства имама Шамиля в 1834-1859 гг. и Горской Республики 1918-1919 гг. обрели новую возможность воплощения в историческую реальность.

Когда грузинский прокурор в сопровождении наряда грузинской милиции вошел в здание и попытался закрыть заседание Ассамблеи, навстречу ему выступил Шанибов, сам в прошлом прокурор. Возник шумный и неравный спор, грозивший сорвать учредительное собрание. Но тут из прежде плотно закрытых дверей комнаты президиума появилась группа атлетически сложенных молодых людей однозначно славянской наружности, одетых в одинаковые костюмы. Неожиданная силовая поддержка Шанибова не слишком смутила: «Неважно, были эти ребята из КГБ, спецназа ГРУ или еще откуда-то. Они нам тогда здорово помогли, и пока наши цели совпадали, было бы глупо не использовать их поддержку».

Здесь мы подходим к крайне щекотливому, если не взрывоопасному вопросу, который и далее будет возникать в нашем повествовании. Так была ли Ассамблея горских народов настоящей? Или считать ее диверсионной креатурой советских спецслужб? А насколько были настоящими партии эсеров и большевиков, снизу и до самого верху пронизанные провокаторами охраны и не чуравшиеся принимать деньги и помощь от разведок враждебных держав? Существует ли на самом деле Аль-Каида, или это все злонамеренная выдумка ЦРУ? На кого работал Шамиль Басаев?

Гоняться за скрываемыми фактами и собирать свидетельства предполагаемых очевидцев здесь совершенно бесперспективно. Куда вернее будет принять на вооружение аналитический метод, который предложил мой коллега замечательный ленинградский нейрофизиолог Женя Петров по поводу совершенно другой давней загадки – Лох-несского монстра. Допустим в порядке гипотезы, что в шотландском озере обитает крупное и очень скрытное животное, которое никак не попадается и вообще не поддается наблюдениям. Есть масса

недоказуемых свидетельств и никакой проверяемой эмпирики. Давайте тогда рассуждать эконо-логически. Во-первых, животное не может существовать в единственной особи. Для элементарного продолжения рода должна существовать популяция монстров, включающая в себя самок и детенышей. Во-вторых, если мы имеем дело с биологическим объектом, монстры должны с какой-то регулярностью питаться – но чем? Лох-Несс представляет собой изолированное в горах, чистое и холодное озеро, почти начисто лишенное рыбы, планктона и водорослей. Увы, нет оснований считать, что в озерной экосистеме с такой незначительной биомассой на вершине пищевой цепочки могла бы существовать популяция крупных животных. Почему тогда монстров год за годом видит такое количество людей, вопрос уже не биологии, а социальной психологии.

Дисциплинируя наши рассуждения тем же методом, следует перенацелить вопрос с простой и жесткой дихотомии да/нет на более контекстуальное и исторически изменчивое измерение. Где, к примеру, в 1920 г. оказалась дьявольски вездесущая царская охранка или разведка кайзеровского Генштаба с ее деньгами, планами и запломбированным вагоном, а где руководство большевиков? Действительно, современные государства регулярно пытаются влиять в нужном им направлении на гражданские общества, от вполне признанных церковей и союзов пенсионеров вплоть до молодежных неформальных групп и, если таковые имеются, подпольных ячеек. Что-то удается, что-то проваливается, что-то оборачивается непредвиденными результатами. Последнее на сленге американских пожарных и разведчиков называется *blowback* – обратный выброс – как в случае с Аль-Каидой, первоначально использованной для подкрепления спецопераций (*force multiplier*) против советского контингента в Афганистане. В противоположность многим сторонникам теории заговора, которые во всем видят претворение – причем без единой пометки – сложнейших планов, скорее следует признать, что интриги времен распада СССР были в основном импровизациями, которые в ту или иную сторону усиливали существующие тенденции и движения. По мере нарастания революционной ситуации и с приближением распада государства становились неясны как цели, так и то, кто же стоит у руля власти – в самой Москве число претендентов множилось, начальство менялось хаотически, агентов бросали и предавали либо они сами пускались в автономное плавание. Политика тех лет, несомненно, включая и ее скрытую часть, представляла собой весьма бессвязную и по-дурному запутанную игру, в которой каждая из преследовавших свои цели сторон считала, что хитро или по необходимости временно использует другую⁵⁶. По ходовому выражению тех лет, наступили «бардак и беспредел».

В истории с созданием Ассамблеи горских народов Шанибов выступал, согласимся, если не агентом спецслужб, то в изрядной мере самозванцем. Он приехал в Абхазию представлять кабардинский народ – тогда как у себя на ро-

⁵⁶ Это логичное и простое объяснение динамики игр заговорщиков было предложено Дмитрием Ефимовичем Фурманом, *Чечня и Россия: общества и государства*, Москва: Политинформ-Талбури, 1999.

дине в тот момент слыл лишь известным оратором и участником интеллигентских клубов с покуда эфемерной базой. В Кабардино-Балкарию он вернулся, что называется, при папахе, долженствующей символизировать положение президента внушительно звучащей многонациональной организации (которая в свой черед была пока не более чем клубом самовыдвиженцев и златоустов от оппозиции). Но в те времена политика и нарождавшийся бизнес, по большей части, также были граничащим с блефом импровизаторством новичков, из которых лишь позднее с большой долей непредсказуемости могли возникнуть олигархи и политики.

Пресса эпохи гласности оказала огромную услугу в распространении сенсационных вестей об основании Ассамблеи и щедро раздававшихся заявлений Шанибова о создании «общекавказского дома». Насколько фанфаронской ни покажется сегодня эта попытка создания символического капитала, в свое время она вовсе не была исключительной – многим писателям и младшим научным сотрудникам именно так удалось попасть в центр внимания и даже на какое-то время встать у руля государственной власти. Шанибова тогда называли «Собчаком Северного Кавказа», что на самом деле звучит без особой натяжки – ленинградский профессор юриспруденции, как известно, начал свой головокружительный политический взлет с того, что встал в вечерний час пик возле станции метро с мегафоном в руке и призвал прохожих избрать его своим народным депутатом. Репутация и ресурсы, которые Шанибов привез с собой из Абхазии, позволили ему укрепить организационное ядро Кабардинского Национального Конгресса, который должен был стать местным отделением горской конфедерации. На первом этапе Конгресс все еще оставался группой друзей, коллег и студентов-активистов. Но уже тогда эмбриональная форма Конгресса и Ассамблеи позволяла собрать вместе и сфокусировать энергию и ресурсы положения, которыми обладали их основатели, и создать центр притяжения для дальнейшей национальной мобилизации: университетские профессора и студенты становились активистами; местные журналисты с энтузиазмом (либо возмущением, что все равно подогревало общественный интерес и генерировало эмоциональную энергию) описывали мероприятия Конгресса и выступления Шанибова, на передний план выходило обсуждение программы национальной демократизации и того, что же кабардинцы могут сделать сами, без подсказки либо понукания Москвы; наконец, патриотически настроенные директора автопарков предоставляли автобусы для перевозки участников митингов. Как выразился один из учредителей Конгресса: «Мы, наконец, нашли язык, понятный менее образованным людям. Нас подхватила волна».

В 1990 г. в силу двух новых обстоятельств Шанибов оказался вознесенным на самый гребень волны кабардинской национальной политики. Первым было осознание угрозы отделения балкарцев, вызвавшее кабардинскую контр-мобилизацию; вторым – следующие за общесоюзными выборы в верховные советы национальных республик. На сей раз развернулась настоящая борьба за места в

парламенте, поскольку общесоюзный Съезд народных депутатов с потрясающей наглядностью продемонстрировал резко возросшую ценность депутатского статуса. Отличие выборов 1990 г. состояло в том, что национализм, преимущественно в виде лозунгов суверенизации республик, теперь использовался вовсю и едва не всеми кандидатами. Как и ранее в республиках Закавказья, националистическая идеология на Северном Кавказе подмяла под себя все остальные вопросы повестки дня – демократизацию, экономические реформы, образование, даже экологию. Возникавшие в 1990 г. по всему региону национальные партии и движения казались поначалу эфемерными даже самим основателям. Приведу ёрнические воспоминания одного сведущего чеченского эмигранта, ныне живущего в Америке: «Как возникла идея Вайнахской демократической партии? Да вот у меня дома, на старом продавленном диване, который я никак не мог заменить из-за нехватки денег, сидели мы с Зелимханом Яндарбиевым и Мовлади Удугвым и думали, что же нам дальше делать? Народный фронт в поддержку перестройки помитинговал-помитинговал у нас в Грозном и в Гудермесе против хмпредприятия, а потом как-то сошел на нет. А в Москве и в других республиках, смотри, что творится! Надо же и нам поучаствовать в этих выборах хотя бы в Верховный совет своей республики, раз в Москву опоздали. Вдруг, получится? Но не выдвигаться же от лица пары приятелей, вот мы и придумали партию с мощным названием...» Но что значит – пошла волна! Подобные партии быстро обретали массовую поддержку, ресурсы, влиятельных покровителей из числа колеблющихся номенклатурщиков, спонсоров из выходящих из тени (на поверхность) бизнесменов, а также бойцов из вступающих в политическую борьбу молодых суб-пролетариев.

Политика национализации: интересы и союзы

После 1989 г. даже самые осторожные и консервативные представители территориальной номенклатуры советских республик принялись различными обходными и не столь обходными путями поддерживать создание и становление национальных движений. Их целью было отвести от себя оппозиционное давление и направить его для обеспечения выгодных условий в вертикальном торге с патронами в Москве. Вторая часть данной стратегии продолжала в новых условиях давнюю практику корпоративистского торга за выделяемые центром ресурсы. В отличие от брежневской эпохи, теперь руководство советских республик заявляло, что остро нуждается в дополнительных полномочиях и средствах из центра, чтобы суметь обуздать радикальных националистов. Тем временем Москва продолжала политически слабеть и терять возможности долгосрочного планирования, а местные бюрократические и экономические практики межведомственного соперничества приобретали острый и откровенно публичный характер, фокус противостояния смещался в сторону конфликтов с соседними регионами и национальностями. В противоположность вертикально

поляризованной и общесоюзной политике демократизации, которая противопоставляла советский «народ» бюрократической правящей верхушке, политика национализации разворачивалась скорее в горизонтальной плоскости. Выстраивание политических союзов переходило границы классов, поскольку номенклатура на местах стремилась позиционировать себя в качестве защитницы интересов своих регионов и национальностей в противопоставлении, как Центру, так и конкурирующим за ресурсы соседям.

В то же самое время из маргинальных зон социальной иерархии возникает мощный приток суб-пролетарской воинственной активности. Мотивацией политического участия суб-прилетариев (преимущественно молодых мужчин, но также, в зависимости от местных традиций и обстоятельств, на какое-то время и женщин) явилась открывшаяся перспектива обретения новых видов социального, символического и экономического капитала. Прежде считавшаяся «бескультурьем» задиристость и традиционалистская «отсталость» представителей этого класса, которые предпочитали изъясняться на родном языке и являлись выходцами из патриархальных религиозных семей, внезапно стала преимуществом на арене националистической мобилизации. Как мы увидели на примере Армении, вчерашние двоечники из непрестижной школы на городской окраине становились завтрашними защитниками нации. (Добавим, что спустя несколько лет молодые ветераны, обретшие в Карабахе воинскую солидарность, характер и навыки, составят сильнейшую группировку в деловой и политической элите Армении). Если простые суб-пролетарские парни могли полагаться в основном только на свой габитус, что в долгосрочном плане помогло далеко не всем из них, то представители фракций суб-пролетариата, успевшие профессионализироваться в криминального рода деятельности, привносили уже не только габитус, но также свои сетевые ресурсы. Повзрослевший дворовой заводила, удачливый контрабандист, подпольный цеховик, коррумпированный чиновник из нижнего районного звена, кооператор первого поколения⁵⁷ в исторической паре с новоявленным рэкетиром из бывших спортсменов – все они, раздобыв посредством денег и связей какое-то оружие, могли быстро преобразовать своих приятелей, уличную банду или клиентуру в отряд национального ополчения и выступить в поддержку подобного Шанибову харизматичного оратора, который на следующий день мог стать президентом новой страны. Склонные действовать силовыми методами предприниматели старались по полной использовать возможности, предоставляемые ослаблением государства и хаотическим переходом к рыночной экономике. Вместо прежней стратегии избегания государства или скрытного присасывания к его ресурсам, теперь забрезжила надежда вломиться внутрь самого государства через образовавшиеся бреши. Поэтому суб-пролетарский криминалитет – старые нелегальные торговцы и тем более новые силовые предприниматели, только что осознавшие свой шанс на превра-

⁵⁷ Т.е. поколения, возникшего с принятием в 1988 г. законов о легализации частного предпринимательства под видом кооперативной деятельности и совместных предприятий (предположительно с зарубежным капиталом, что практически всегда служило удобной фикцией).

щение силы в деньги и славу – активно искали и с готовностью заключали лишь несколькими месяцами ранее, казалось, совершенно немыслимые политические союзы поверх классовых и статусных границ⁵⁸.

Здесь возникает необходимость упомянуть об очередной теории заговора – тайном мафиозном спонсорстве этнических конфликтов. Это объяснение всего и вся было широчайше представлено в сенсационной репортерской журналистике тех лет, в насыщенной слухами общественной среде, обвиняками и оговорками постоянно возникало в сумбурном дискурсе официальных лиц и, наконец, сделалось *idée fixe* самиздатовской аналитики, в изобилии производившейся неформальными активистами национальных и демократических движений. Функционально и структурно, теория мафиозного заговора работает по аналогии со старинной легендой об эротико-магнетических злых чарах Распутина и «черном кабинете», обуревавшей воображение российского общества в период первой бесцензурной гласности весны-лета 1917 г. Потрясение от военных неудач и ошеломительно внезапного крушения царской империи порождало в массовом сознании запрос на равно потрясающее и доходчивое объяснение. Распутинская легенда строилась на отзвуках некоторых реальных скандалов, но еще более на совершенно выдуманных эпизодах, призванных по законам повествования подтвердить главную линию, и волшебных преувеличениях (вроде неуязвимости «чорта Гришки» к яду и пулям), художественно преодолевающих ограничительную логику реальности. От регулярного повторения в бульварной прессе и слухах, возникал фольклорный эффект самоусиливающегося эхо. Составные элементы легенды, многократно слышанные с разных сторон, начинали восприниматься как самоочевидные, совершенно общеизвестные, «естественные» и, в силу этого, не нуждающиеся в доказательствах. Со временем, из первоначально обрывочных элементов, которые в ходе передачи утрировались, перекомбинировались и обрастали подробностями, составила своего рода каноническая версия, еще долго поставлявшая сюжеты и образы для популярных романов и кино⁵⁹.

К культурологическому комментарию следует добавить то, что наука сегодня может рационально и с вескими основаниями сказать об организованной преступности. Организованная означает лишь наличие устойчивой группы с внутренней иерархией и обычно с функциональным разделением специально-

---

⁵⁸ В разных формах и степени организованная преступность давно была важной составной частью общественной реальности на Кавказе. Особой славой в криминальном мире советских времен пользовались азербайджанские и армянские цеховики (нелегальные капиталисты под покровительством прикормленных чиновников) и грузинские воры в законе, достигшие совершенно непропорционального, от трети до половины, представительства в этой своеобразной подпольной элите. Увы, нет сколь-нибудь достоверного и систематического знания по данной теме. Однако относительно России после развала СССР см. прекрасные работы Federico Varese, *The Russian Mafia. Private Protection in a New Market Economy*, Oxford: Oxford University Press, 2001; Vadim Volkov, *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. Русский вариант: Вадим Волков, *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. Москва: Высшая школа экономики, 2005.

⁵⁹ Mark Kulikowski, *The Sources of Rasputin's Legend: Conspiracy Theories in the Culture of Russian Revolution*. State University of New York in Oswego, 1992.

стей, чьей профессиональной активностью (заработком, проще говоря) является регулярное совершение неких противоправных с точки зрения государства операций: игорный бизнес, контрабанда, но наиболее типичны (ибо выгодны) охранные услуги по «решению проблем», предоставляемые/навязываемые в частном платном порядке, т.е. «крышевание» других бизнесов⁶⁰. Организованная вовсе не означает централизованная. Классическая сицилийская мафия традиционно делится более чем на сотню локальных семейств⁶¹. Это локальные монопольные образования, строящиеся вполне в соответствии с практиками семейных фирм или, если применить совершенно здесь уместную архаическую метафору, «вождеств» и «вотчин». Нередко они враждуют между собой по обычным клановым и феодальным поводам (завоевание земель и торговых путей, наследование престола, межевые тяжбы, кровная месть), но периодически могут собираться в союз или рыночный картель для урегулирования внутренних проблем (обычно прекращения междоусобных войн), совместной обороны (в периоды антимafiaозных кампаний властей), дележа либо совместной эксплуатации новых рынков (контрабандных сигарет, хлынувших в 1990-е гг. в Италию через распавшуюся Югославию). Даже в Нью-Йорке, где все вырастает до размера небоскребов, итальянская мафия в течение большей части XX столетия оставалась поделена на пять крупных семейств. В Чикаго с его селящимися в собственных кварталах иммигрантскими общинами, которые хронически соперничают в коррумпированной политике вокруг патронажа городской мэрии, мафиозному картелю так и не суждено было возникнуть. Поэтому гангстерская биография Ала Капоне была настолько полна громкими покушениями, погонями и перестрелками с ирландскими конкурентами – и длилась всего несколько лет.

Теперь совместим перспективу культурологического анализа теорий заговора с криминологической перспективой анализа мафии и направим эти стереоскопические фильтрующие окуляры на исследуемую нами панораму распадающейся государственности. Мы увидим площадки, кишашие разнообразными претендентами на обломки власти и собственности бывшего СССР. Становится, надеюсь, четко видно, что это не единый всеохватный заговор, а довольно бессистемная и бестолковая толкотня. В этом хаосе нет организации и, следовательно, не может быть Великого Заговора (а мелких краткосрочных заговоров полным-полно). Если бы присутствовала цельная институциональная сила – будь то легальное Государство или нелегальная, но имеющая строгие понятия Мафия – то куски собственности и власти, которые удалось урвать, оставались бы надежно в руках урвавших. На них можно было бы навесить табличку «мое!» и заверить эту заявку печатями и судебными распоряжениями либо поцелуем руки Верховного Дона, что было бы крепче печатей. Однако теперь, с распадом государства и его монополии на насилие, печати, судебные распоря-

⁶⁰ Вадим Волков, *Силовое предпринимательство*. Москва, 2005.

⁶¹ Diego Gambetta, *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Harvard University Press, 1993.

жения и даже «малявы» воров в законе немного значат. Для их исполнения всякий раз требуются свои крутые исполнители. На них же могут найтись исполнители и покруче, откуда возникают переделы и дальнейшая борьба, которая во многих случаях продлится еще годы, до тех пор, пока кому-то не удастся стать убедительной властью и, со временем, признанным государством.

Но как все-таки быть с достоверными фактами обнаружения коррупционеров и криминалитета в национальных мобилизациях на Кавказе? Их не следует стыдливо преуменьшать, однако не следует и раздувать в бездоказательные легенды о «закулисных кукловодах». Здесь мы наблюдаем, в сущности, формирование разнородных альянсов для захвата политической арены и собственности, заключение пактов по поводу временного или более длительного сотрудничества в процессе перехода от диктатуры к демократии – только участники этих пактов, их расчеты и способы достижения целей несколько отличаются от центральноевропейского расклада. Главное отличие в резком ослаблении государственной монополии на легитимное принуждение, что делает самодеятельных поставщиков средств насилия необходимыми участниками коалиций⁶². Политики из националистически настроенных интеллектуалов, чьи дела в 1990-1991 гг. шли в гору, и сами более-менее откровенно искали союза с местной номенклатурой и вожаками суб-пролетариата, поскольку нуждались в доступе к их ресурсам и патронажно-клиентным сетям. Стратегия подобных пактов при переходе от диктатуры к национальной демократии предлагала в сложившейся ситуации гораздо более эффективный способ обрести новый политический капитал, нежели абстрактная и дискредитировавшая себя либеральная риторика московской интеллигенции.

Новые провинциальные законодатели вознаграждали своих спонсоров и союзников принятием законов, поправок, подзаконных актов и служебных инструкций, выдачей лицензий, наделявших тех различными льготами и привилегиями при приватизации госсобственности и осуществлении экспортно-импортных операций (которые приносили фантастическую прибыль, извлекаемую из разницы между смехотворно низкими внутренними плановыми ценами в рублях и мировыми рыночными ценами в иностранной валюте). Перетекание власти из центральных и областных комитетов КПСС в избранные в 1990 г. верховные советы республик сопровождалось распространением новой практики законотворчества в частных целях. Это вызвало целую серию острых конфликтов и столкновений в процессе реализации: кто мог приобретать по остаточной цене магазины и бензоколонки? Выдавать и получать разрешения на вывоз нефтепродуктов и цветных металлов? Судите сами, к чьей юрисдикции отнести, например, расположенный на территории Абхазии санаторий, который в советские годы состоял на финансовом балансе какого-нибудь металлургического комбината, расположенного в идущей к собственной независимости

⁶² См. примечательно озаглавленную статью с добротными эмпирикой и анализом Robert Hislope, “Organized Crime in a Disorganized State” in *Problems of Post-Communism*. (May/June 2002) vol. 49, issue 3.

Украине? Где и через какие кабинеты будет проходить его приватизация: в Москве, Киеве, Тбилиси или Сухуми? И ведь везде наверняка будут использоваться аргументы национального суверенитета и рыночной экономики. Дополнительной альтернативой в подобных условиях становился новоявленный местный «национальный конгресс» (комитет, сход, рада, хасэ, хурал, терё), также провозгласивший себя полномочным раздавать права и привилегии.

Вскоре репертуар политических действий существенно пополнился фальсификацией результатов выборов, шантажом, «черным пиаром», заказными убийствами и мобилизацией протестующих толп. Сети местной солидарности и патронажа задействовались путем распространения слухов, посылки ходивших из дома в дом вестников и агитаторов, призыва собирающихся в аульской мечети стариков, предоставления транспортных средств для доставки протестных масс на митинги, раздачи еды и карманных денег митингующим, и пр. Доходило до почти курьезов, когда директор нефтебазы или дома отдыха на побережье Краснодарского края постановлением собрания трудового коллектива мог попытаться объявить вверенный ему объект «казачьей станицей» и, апеллируя к тому или иному из возникавших тогда казачьих «войск» и ассоциаций (в свою очередь ориентирующихся на того или иного влиятельного покровителя в краевой администрации или законодательном собрании), на основании этнокультурных интересов возрождения казачества провести закрытую безналоговую приватизацию в качестве фольклорного заповедника или благотворительного фонда. В случае появления судебных исполнителей и милиции с предписанием в пользу другого претендента на собственность, их могли встретить наряженные в традиционную казачью форму мужчины с ногайками и толпа голосящих баб.

В 1990 г. Шанибова, как и большинство нальчикских оппозиционеров, не допустили к участию в выборах в верховный совет автономной республики. Взамен он провозгласил возглавляемую им самим горскую Ассамблею и ее национальные отделения подлинными представителями северокавказских народов. Эта политическая заявка со стороны обойденных оппозиционеров звучала не слишком убедительно, поскольку реальная власть вполне очевидно оставалась сосредоточенной в руках местной номенклатуры. Однако положение дел внезапно изменилось во второй половине 1991 г. Провал августовского путча в Москве, ставившего целью реставрацию СССР, лишь ускорил его развал. Неожиданный триумф оппозиционного блока Ельцина и скандально явное поражение не только верхушки коммунистических консерваторов в Москве, но и всего советского истеблишмента включая президента СССР Горбачева, разом обрушили позиции консервативного руководства краев и республик Северного Кавказа. Один из местных демократических лидеров (в недавнем прошлом археолог), лишь немного преувеличивал, пошутив в нашем разговоре: «Если бы в те дни мы поставили гильотину на главной городской площади, наша номен-

клатура послушно бы выстроилась в очередь на собственную казнь. Они были в ужасной растерянности и готовились к самому худшему».

Однако вместо эпической трагедии революционного террора случился политический театр абсурда. Возмущенные активисты кабардинского движения разбили лагерь на площади напротив здания местного правительства и объявили голодовку в знак протеста против реакционного путча в Москве и его сторонников в Нальчике. Протестантам оставалось неведомо, что начальство Кабардино-Балкарии уже и так бежало в панике. Лишь пару дней спустя проникшие, наконец, в здание молодые борцы за демократию обнаружили там всего нескольких вконец растерянных милиционеров и излишне прилежных служащих, зачем-то продолжавших являться на работу. Ошеломительная новость о бегстве старого режима внесла смятение в планы уже самих голодовщиков. Организаторы акции протеста настаивали на следовании демократической процедуре, хотя и не могли внятно объяснить, что бы это означало в сложившихся обстоятельствах. Самым простым объяснением, предложенным участниками и обозревателями тех событий, было то, что никто и не мог предположить столь внезапного крушения коммунистического режима. Как ни удивительно, но революции осени 1989 г. в соцстранах Восточной Европы даже два года спустя, очевидно, так и не дошли до сознания провинциальных оппозиционеров как нечто из их собственного ближайшего будущего. Застигнутая врасплох демократическая оппозиция в регионах России в большинстве своем оказалась морально и организационно еще менее готова взять власть, нежели консервативные путчисты августа 1991 г. Впрочем, возникает дополнительное соображение, которое усложняет картину и во многом оправдывает нальчикских оппозиционеров. Это соображение возвращает нас к спорам о том, почему демократическая оппозиция на Съезде народных депутатов в 1989 г. не смогла или не решилась заручиться внепарламентской активной поддержкой за пределами Москвы. Двумя годами позднее, в 1991 г., ячейки демократов на местах, подобные шанибовским сетям друзей, коллег и бывших студентов, выросли в спектр политических движений. Однако эти революционные силы все еще оставались нескоординированными, разделенными границами различных областей России, и не имели ясного видения политических целей и стратегии помимо противостояния «партократам». Активисты глубинки связали свои надежды с ельцинским правительством Российской Федерации и стремительно набиравшими влияние политическими патронами из бывшей оппозиции, отныне почти безраздельно господствующей в переходном парламенте России образца 1990-1993 гг. Надеждам было не суждено оправдаться. Ельцин и сам вскоре после провала августовского путча престраннным образом исчез из вида почти на два месяца (злые языки утверждали, что президент России ушел в запой после нервного перенапряжения в августе). Как бы то ни было, вполне ясно, что Ельцин и его на скорую руку собранная пестрая группа соратников сами были ошеломлены свалившейся на них властью и ответственностью за управление громадной стра-

ной с пока неясным статусом и границами, буквально на глазах разваливающейся среди экономических проблем и политико-административного хаоса. Только где-то к концу осени 1991 г. Ельцин решился пойти на роспуск СССР с тем, чтобы консолидировать платформу власти в избавившейся от союзных республик России и взять курс на осуществление неолиберальной шоковой терапии в отчаянной надежде догнать Польшу и другие центральноевропейские страны бывшего соцлагеря на пути к капиталистическому Западу.

Осень 1991 года действительно грозила катастрофой. Жестокий экономический и продовольственный кризис мог обернуться настоящим голодом уже предстоящей зимой. Вооруженные силы были парализованы возникновением нескольких центров принятия политических решений в Москве и в столицах одна за другой провозглашавших независимость республик. Еще, казалось, немного – и армия ядерной сверхдержавы встанет перед угрозой полного распада. Ее растаскиваемое вооружение и бывшие военнослужащие в качестве патриотических добровольцев либо наемников сильно подбавили горючего в топку подобных Карабаху конфликтов, которые стали перерастать в полномасштабные войны с артобстрелами, танковыми прорывами и линиями траншей. Рыхлый альянс нечаянных победителей, скоротечно собравшихся вокруг харизматичного, но малопредсказуемого Ельцина, не имел не только четкой программы действий, но и ясных позиций в госаппарате, который еще только предстояло завоевать, привлечь на свою сторону. То было время политических импровизаций, которые в большинстве своем оставались пустопорожними декларациями в отсутствие средств и механизмов реализации, либо сиюминутными экспериментами в попытках создать новые учреждения и производить собственные политические назначения. В хаосе тех дней, оказавшиеся у руля в Москве, пребывали в замешательстве либо противоречили друг другу в отношении к потоку проектов и просьб о поддержке, поступавших с мест от различных именующих себя демократами деятелей и движений. Зачастую в Москве просто не знали, кем в действительности являлись эти люди или какова реальная политическая ситуация в их регионах. Те или иные фигуры на хаотичной московской арене по каким-то личным земляческим причинам и патронажным амбициям могли предпринимать собственные политические и аппаратные интриги, оформляя их декретами, мандатами либо даже конституционными поправками. Но в целом осенью 1991 г. противоестественно сосуществующий в неловком двоевластии горбачевско-ельцинский Центр отделялся расплывчатыми призывами соблюдать конституционный порядок и защищать демократические принципы.

В итоге, начатая в последние дни августа 1991 г. протестная демонстрация в Нальчике вылилась в удивительное примирительное обращение к бывшим коммунистическим властям с просьбой продолжать исполнение своих обязанностей до проведения свободных и демократических выборов; у Москвы же попросили обеспечить справедливость на грядущих выборах в Кабардино-Балка-

рии. Посланцам оппозиции потребовался целый день, чтобы отыскать-таки верхушку свергнутого было коммунистического режима, укрывшуюся в селении с занятным названием Кызбурун-3. Руководство вернулось в Нальчик, а Верховный Совет собрался, чтобы назначить выборы президента республики на январь 1992 г. Так разрешилась первая революционная ситуация в Кабардино-Балкарии. На новосозданный пост президента Кабардино-Балкарской республики осенью 1991 г. претендовали четыре кандидата. Все четверо были кабардинцами – видя полное отсутствие шансов на успех, балкарцы бойкотировали выборы. Интеллектуалы из кабардинской демократической оппозиции, упустившие момент в августе 1991 г., потерпели неожиданное поражение. Их кандидат – почтенный филолог и литератор-фольклорист – не прошел во второй тур выборов. Даже многим из своих сторонников престарелый профессор виделся слишком неубедительной политической фигурой, неспособной возглавить республику в столь бурные и тяжелые времена. Попытки найти ему замену в лице более энергичного кандидата натолкнулись на фракционную раздробленность и личное соперничество в стане оппозиции. Одни казались слишком молодыми, что играло роль в обществе сильных патриархальных традиций. Не столь молодого Шанибова подозревали в радикализме и бонапартистских тенденциях.

В конце концов, президентство досталось Валерию Кокову – последнему первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС, вовремя ставшему спикером местного парламента. Этот закаленный представитель правившей республикой с пятидесятых годов патронажной группировки старой номенклатуры за предшествовавшие президентским выборам четыре месяца сумел мобилизовать местное начальство всех уровней – а может, вернее будет сказать, что это местное начальство сплотилось вокруг статусного человека из «своих», в царившем хаосе обещавшего восстановить порядок и обеспечить сохранение их положения. На фоне слабости оппозиционеров реализовалась модель консервативной контр-мобилизации, ставшая в тот момент типичной для многих областей России и большинства республик бывшего СССР (будь то Украина или Узбекистан), где государственные структуры не успели подвергнуться разрушению. После периода паралича от неопределенности и страха, местная номенклатура поняла, что ее выживание более не зависело от одной лишь Москвы, и начала действовать самостоятельно. Обычно ее действия приводили к успеху. Однако в Кабардино-Балкарии постсоветскому реставрационному режиму Кокова еще предстояло пережить второй и гораздо более сильный революционный шквал всего лишь несколькими месяцами позже первого.

Среди автономных республик Российской Федерации только в Чечне (которая в середине 1991 г. все еще была Чечено-Ингушетией) августовский взрыв в Москве привел к победе местной революции. Структуры власти коммунистического периода в Грозном были полностью повержены. Вероятность революционного исхода в Чечне была обусловлена особенностями ее более чем проти-

воречивого социально-демографического состава и отклонений во внутренней политике советского периода, к чему мы обратимся в следующем разделе. Анализ причин чеченской революции важен не только в силу ее особо трагических последствий, но и по контрасту с событиями, потрясшими Кабардино-Балкарию.

Этнодемографический взрыв

Когда в 1957 году чеченцы и ингуши начали свое массовое возвращение из ссылки на родину, им предстояло вернуться на далеко не пустое место и буквально отвоевывать позиции. У себя дома они долго оставались отмечены коллективной печатью «неблагонадежного народа», что в массе переживалось крайне болезненно. В частных беседах даже облеченное ответственностью местное советское руководство не особо стеснялось называть их изменниками и пособниками фашистов. В сущности, это служило предлогом для обычного городского и поселенческого шовинизма. За время ссылки коренных национальностей на территории упраздненной в период 1944-1956 гг. автономии произошло мощное послевоенное восстановление стратегически важной для советской экономики нефтяной промышленности. Это стало причиной переезда, прежде всего, в город Грозный многих тысяч славянских рабочих и специалистов, эвакуированных сюда в последние годы войны и затем направляемых по централизованной разрядке и распределению из вузов. Они устроились и обжились, и как-то сама собой установилась фактическая монополия мигрантов на основные сферы городской жизни, тем более, что и до депортации вайнахов в Грозном их было лишь незначительное меньшинство. Прежняя гарнизонная крепость, затем превратившаяся в нефтехимический индустриальный анклав, развивалась в отрыве, если не полном протиповопоставлении сельской местности – не только вайнаховской, но даже и гребенской казачьей. Сложившееся положение регулярно подкреплялось советской практикой административно-милицейского ограничения прописки в городской черте.

До 1989 г. ни один чеченец (и тем более ингуш) так и не стал главой автономной республики, формально носившей название двух титульных национальностей. Большинство руководителей ведомств городской и республиканской исполнительной власти, промышленных предприятий, проектных институтов, учебных заведений, больниц, редакций газет и телевидения Грозного, не говоря об органах милиции и КГБ, вплоть до конца перестройки составляли пришлые кадры⁶³. Кроме того, после депортации 1944 г. большинство мечетей в селах было разрушено или по распространенной советской атеистической практике использовалось под клубы и складские помещения. В 1960-1970-х их восста-

⁶³ По основанным на открытых советских данных подсчетам американского советолога Майкла Рывкина, в 1970-е гг. доля русских в партийном руководстве Чечено-Ингушетии составляла порядка двух третей – совершенно исключительные показатели даже для автономных республик и областей Северного Кавказа, тем более для союзных республик. Michael Rywkin, *Moscow's Lost Empire*. Armonk: M.E. Sharpe, 1994.

новление оставалось фактически под запретом – хотя в соседнем Дагестане одних только легально действующих мечетей насчитывалось более сотни. Депортационный опыт коллективного выживания с сохранением достоинства вкупе с особо ревностным проведением русскими властями Чечено-Ингушской АССР общесоюзной атеистической политики загнали чеченский и ингушский ислам почти что в подполье, где действовали плотно спаянные мистические суфийские братства-тарикаты. Официальные атеистические ограничения в итоге способствовали не секуляризации общества, а наоборот, усилению сокрытой религиозной традиции, мощно подпитывающей сельскую этническую идентичность в противостоянии пришлым горожанам.

Не меньшим оскорблением и, следовательно, генератором негативной эмоциональной энергии служила установленная на одной из площадей Грозного статуя основателя города – царского наместника на Кавказе генерала Ермолова. В 1818 г. по его указанию на военной линии вдоль реки Сунжи была заложена крепость Грозная, перекрывавшая чеченцам выход из гор на равнину. Харизматичный, амбициозный и неумолимый Ермолов, бравировавший своей солдатской суровостью (и одновременно читавший в подлиннике «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря), провозгласил свое намерение «запереть чеченское зверье в их глухих голодных тущобах», пока голод не принудит «туземцев» просить о мире, законопорядке и цивилизации. Современник Ермолова поэт и дипломат Александр Грибоедов не без восхищения назвал подобный стратегический подход к установлению государственной власти на колониальной периферии «барабанным просвещением»⁶⁴. В 1982 г. состоявшее преимущественно из русских переселенцев правительство Чечено-Ингушской АССР отпраздновало двухсотлетие «добровольного вхождения» в состав России. Даже по меркам брежневских времен юбилей многим (включая работников партаппарата) тогда казался никчемно помпезным и насквозь фальшивым. К чему, спрашивали они, сыпать соль на едва затянувшиеся раны? Причины, конечно, были. Юбилей способствовал созданию показной отчетности и выбиванию званий и ресурсов в московских кабинетах. Это обычная для тех времен мотивация. Однако просматривается и дополнительный специфичный мотив. Участие в праздновании послужило (более в сталинских, чем брежневских методах) принудительным тестом на лояльность чеченской и ингушской номенклатурной и культурной элиты автономии. Сомневающимся запугивали, несогласных прорабатывали вплоть до оргвыводов, снимая с должностей и исключая из партии, что означало если не арест и смерть, то очень крупные неприятности и конец карьере.

---

⁶⁴ Яков Гордин, *Кавказ: земля и кровь*, Санкт-Петербург: «Звезда», 2000, стр. 121. Классическим реалистическим описанием русского восприятия Кавказской войны являются такие рассказы молодого Льва Толстого, добровольцем пошедшего в артиллерийские офицеры на Кавказе, как «Рубка леса» и «Набег». Совсем иная по тональности повесть «Хаджи Мурат» была написана полвека спустя и отражает переход Толстого к антиавторитарному пацифизму последнего периода его жизни.

Торможение выдвижения лиц коренной национальности на руководящие посты, ограничение городской прописки по фактически этническому признаку, чреватые шовинизмом атеистические перегибы и «нечуткое отношение» к истории местных народов, проработки в парткомах по малейшему подозрению в нелояльности (вспомним случай с поэтическим кружком «Прометей») даже по меркам советской действительности вполне могли рассматриваться как «нарушения ленинской национальной политики». Именно на это постоянно указывалось в письмах, адресованных Центральному комитету КПСС от «истинных коммунистов» и ветеранов из чеченцев и ингушей (среди которых, как ни удивительно, сохранялось немало твердокаменных сталинистов, считавших, что жесткость великого Вождя была совершенно необходима и оправдана во всем – кроме, конечно, ошибок, допущенных по отношению к ним самим, чеченцам и ингушам, в которых, впрочем, целиком винули Лаврентия Берия). Письма и жалобы, однако, не получали ожидаемого ответа, а то и подавно передавались по инстанциям обратно в Грозный, к тем же самым «чинушам и перегибщикам». После воцарения брежневизма с его консервативной внутренней политикой «стабильности кадров» Москва крайне редко и неохотно утруждала себя вмешательством в дела местных сетей патронажа⁶⁵.

Задолго до исключительного исхода национальной революции ситуация в советской Чечено-Ингушетии отличалась от положения дел на остальном Кавказе. Она скорее напоминала Алжир под властью Франции. Большой современный город, населенный в основном переселенцами из Европы, довлел над аграрной местностью с населением, придерживавшимся, в целом, традиционного патриархального уклада и мусульманских диспозиций, притом сохранившим память о воинских доблестях и длительном жестоко подавленном сопротивлении. На 1989 г. чеченцы составляли всего 17% жителей Грозного и притом 54% населения автономной республики. В большинстве своем это были либо полупролетарии, селившиеся в разрастающихся селах на окраинах столицы, либо крестьяне в этнически гомогенных селах. В населенных пунктах, где чеченцы и ингуши оказывались в соседстве с сельским русским населением (преимущественно из бывшего терского казачества) возникала демографическая конкуренция, чреватая бытовой конфликтностью. Это вело к постепенному миграционному выдавливанию и без того естественно стареющего русского населения (что отчасти напоминает процессы этнической гомогенизации окружавшей Грозный сельской местности). В противоположность промышленным центрам, на селе предоставление государством набора социальных услуг и жилья оставалось минимальным – что в среде чеченского народа углубляло засевшее после депортации отчуждение от власти и приучало (вынуждало, заставляло) их полагаться только на себя и на своих в решении проблем жизнеобеспечения помимо и в обход государства. Отсюда большие сельские семьи, объединявшие под одной крышей несколько поколений, и их необычно высокий уровень рождаемо-

⁶⁵ Джабраил Гаккаев, *Очерки политической истории Чечни*. Москва, 1997.

сти. На это накладывалась и мощная субъективная мотивация. Свойственная крестьянским и особенно суб-пролетарским домохозяйствам демографическая стратегия роста, объединения родственных ресурсов и взаимопомощи в случае с большими чеченскими семьями отражала также культурно-субъективное стремление к восполнению людских потерь, понесенных во время высылки. Многодетность воспринималась с похвалой не только как патриархальная добродетель и божья благодать, но и как патриотическая обязанность. Цифры весьма красноречивы. В 1944 г. депортации подверглось, по ныне уточненным данным, 407,9 тысяч чеченцев и 95,3 тыс. ингушей, из которых, как считается, до двадцати процентов погибло от болезней и тягот⁶⁶. Несмотря на это, к концу 1980-х гг., всего пару поколений спустя, численность чеченцев выросла в четыре раза и приблизилась к миллиону. Они стали крупнейшей коренной национальностью на Северном Кавказе, более чем вдвое превосходящей вторых по численности кабардинцев. При этом большинство чеченского этноса составила активная молодежь.

Демографическая экспансия произвела минимум три значительных последствия, отразившихся в национальной революции. Первое, чеченцы составляли больше половины населения Чечено-Ингушской АССР и, таким образом, стали единственным титульным народом на Северном Кавказе, обладавшим численным большинством в своей автономной республике – и это, конечно, вселяло уверенность в том, кому должна принадлежать Чечня. Во-вторых, общая молодость чеченского населения (так контрастирующая с быстро стареющими русскими и, в определенной степени, даже кабардинцами)⁶⁷. К началу чеченской войны готовых стать под ружье молодых людей оказалось более чем достаточно – и вдобавок, многие из мужчин призывного возраста были малообразованными и нетрудоустроенными суб-пролетариями, ищущими самореализации. Здесь мы подходим к третьему этническому отличию, на самом деле относящемуся не столько к национальному менталитету и культуре, сколько к категории социально-демографического давления. Экспансивная демографическая динамика предшествующих десятилетий напрямую связана с высокой структурной безработицей в государственном сельхозсекторе Чечено-Ингушетии и одновременно с возможностями полу-официальной трудовой миграции, в основном строительной «шабашки», в более нормальные советские годы приносившей неплохой семейный доход. Уже к моменту возвращения из ссылки чеченцев и ингушей оказалось вдвое больше, чем имеющихся на их родине свободных рабочих мест, включая даже непрестижные места в колхозах и совхозах. К концу советского периода структурная безработица не только не была преодолена, но даже возросла в силу снижения промышленного роста. По подсчетам грозненских социологов и экономистов, проведенным в середине 1980-х гг., около 40% сельских тружеников колхозов и совхозов Чечено-Ингу-

⁶⁶ <http://www.polit.ru/research/2004/02/27/demoscope147.html>

⁶⁷ Anatol Lieven, *Chechnya: The Tombstone of Russian Power*, New Haven: Yale University Press, 1998, pp.322-323.

шети и получали лишь минимальную зарплату (порядка 80 рублей в месяц), поэтому едва ли следует удивляться, что почти 60% взрослых женщин на селе официально считались нетрудоустроенными (т.е. работали, наверняка, от зари до зари, в домашнем хозяйстве)⁶⁸. По большинству официальных показателей общественно-экономического развития, Чечено-Ингушетия регулярно занимала последние места в списке национальных республик и автономий СССР, соревнуясь в негативном смысле с Таджикистаном. Однако на месте положение дел представляло взору непосредственного наблюдателя несколько иным. Чеченские села сохраняли патриархальную культурную среду (что, подчеркнем, было не пережитком архаики, а социальной адаптацией к суб-пролетарскому положению), однако материальная среда отнюдь не выглядела архаичной и нищей. Да, детей много и женщины связаны традиционными обязанностями по домохозяйству, но это вовсе не страна Третьего мира. В селах строилось немало зажиточных кирпичных особняков, обставленных цветными телевизорами, холодильниками, коврами и современной мебелью; замыкал обязательный список хорошего домохозяйства автомобиль в гараже. Основная часть этого благосостояния была заработана тяжелым трудом на отходных работах (все на той же шабашке) или рискованной деятельностью в теневой сфере советских времен (например, в контрабандном вывозе неучтенного золота с сибирских государственных приисков). Сравнительно суровый и нередко засушливый климат не позволял чеченцам полагаться на прибыльное приусадебное огородничество и садоводство, в 1960-х ставшее основой народного благосостояния Абхазии и западных районов Северного Кавказа.

По экспертным оценкам, каждой весной примерно сорок тысяч мужчин из Чечено-Ингушетии выезжали на сезонные заработки в Казахстан и Сибирь, где у многих сохранились личные связи еще со времен ссылки. Обычно это была временная работа на строительстве и в сельском хозяйстве, привлекавшая участников возвратной миграции, которые создавали устойчивые артели с четкой внутренней иерархией и земляческие общины, группирующиеся по отраслям экономики и географическим областям. Миграция рабочей силы чеченцев и прочих коренных обитателей горных зон Северного Кавказа основывалась на вековой традиции. В принципе, во все времена и во всех странах горцы, жившие в условиях ограниченных ресурсов своих ландшафтных зон, были вынуждены искать дополнительных приработков в качестве сезонных работников (пастухов, копателей колодцев, сборщиков урожая), военных наемников и охранников («мамелюков» в широком смысле), или традиционных разбойников (коно- и скотокрадов, захватчиков пленников на продажу и за выкуп, грабителей с большой дороги). Заметим, однако, что среди трех ипостасей горца-ми-

---

⁶⁸ Г.С. Гужин и Н.В. Чугунова, *Сельская местность Чечено-Ингушетии и ее проблемы*, Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1988.

гранта о пастухах и батраках гораздо реже говорится в песнях, легендах, и тем более в военных сводках.

Сезонная миграция создавала особую подкультуру, нормы и ритуалы которой в основном относились ко внутренней организации мигрирующих групп. Группы (артели) обычно спланивались вокруг опытных мужчин, наделенных почти родительской властью и обязанностями. Члены группы формировали своеобразное братство с внутренней градацией в зависимости от старшинства и признания личных достоинств. Традиционные узы кланового родства, сельской общности и религиозной принадлежности сообщали дополнительную прочность внутригрупповым дисциплине и сплоченности. Для понимания чеченской революции и войны важно, что подобные трудовые группы создают многоцелевую и высокоадаптивную модель микроорганизации, которая в изменившихся обстоятельствах могла быть приспособлена к решению совершенно иных задач – например, создания ячейки националистического движения или отряда боевиков. По моим полевым наблюдениям, наиболее организованные боевые подразделения «артельного» типа в недавних войнах на Кавказе можно было наблюдать не только в Чечне, но и в Нагорном Карабахе, чьи армяне-христиане также горцы и регулярные мигранты. Несмотря на конфессиональные и культурные различия, у воевавших армян прослеживается нечто общее с чеченскими добровольцами первой, еще патриотической войны (1994-96 гг.). Это не только личный героизм и глубокая убежденность в том, что они воюют за спасение своего народа от повторного геноцида, но также и неожиданно высокая дисциплина, подчинение старшему, четкое и вполне рациональное разделение труда и почти семейная сплоченность в группе. Воевали эти партизаны лучше регулярных армий, во всяком случае, на тактическом уровне и за исключением особо профессиональных спецподразделений. Однако в случае добровольцев профессионализм не мог быть военного происхождения. Это был скорее профессионализм многоцелевых, взаимно дисциплинированных и изобретательных шабашников. Воевали так, как работали, с оружием и техникой обращались, как со своим собственным трудовым инструментом. Было бы интересно изучить в сравнительном плане, в какой мере трудовая миграция и военная служба оказали влияние на характер организации войн и в бывшей Югославии, откуда в прежние времена миллионы мужчин ходили на заработки строителями и автосборочными рабочими в Германию и Скандинавию.

Руководствуясь этими ориентирами, мы можем также найти рациональное объяснение скандально известного взлета чеченской мафии в ходе российской приватизации конца 1980-х и первой половины 1990-х. По параметрам социально-демографического состава и культурного капитала, чеченская и другие «южные» этнические мафии мало отличаются от групп, занимающихся обычной трудовой миграцией. Они в основном состоят из молодых, малообразованных и при этом статусно-ориентированных чеченцев, которые в одиночку либо ма-

ленькими спаянными группами уезжали из родных деревень в надежде получить хорошую работу или высшее образование. Некоторые, подобно Беслану Гантамирову или Шамилю Басаеву, оказались малопригодными для университета и были исключены; другим так и не удалось найти работу, поскольку традиционные для предыдущих поколений чеченцев рабочие места в строительстве и сельском хозяйстве теперь, с разрушением советской экономики, либо исчезли, либо оказались занятыми работниками из Украины, Молдовы, Таджикистана. Эти молодые чеченцы предпочли постепенному сползанию в прозябание на чужбине или возвращению домой жалкими неудачниками пробить себе путь в опасный, но крайне прибыльный и романтизированный мир «силового предпринимательства». Традиции родственно-клановой солидарности, чеченской маскулинности, подросткового и воинского и ритуализированного насилия («джигитства»), несомненно, сыграли значительную роль в подобном выборе, снабдив их готовым набором необходимых навыков и групповой солидарности, которые предоставили значительное преимущество в криминальном мире⁶⁹. Это лишь самое предварительное эскизное обозначение подхода к проблеме. Потребуется особое исследование для изучения механизмов переноса традиционных социальных институтов и практик с гор Кавказа на незаконные рынки посткоммунистической России. А пока загадочный чеченский национальный характер продолжает занимать воображение российских и западных журналистов, писателей популярных триллеров, сценаристов и режиссеров телесериалов, а также немало числа экспертов по этнополитологии и культурологии. Но стереотипы как-то совсем не замечают того факта, что Чечня более не является клановым обществом горцев.

Чеченская революция

Только в 1989 г. предпринятая Горбачевым замена брежневского поколения аппаратчиков и общая атмосфера демократизации, наконец, позволили небольшой ущемленной в своем росте элите чеченских административных кадров и образованных горожан пробиться через «стеклянный потолок». Оговорюсь сходу, такого рода заявления неизбежно относительны. Существовала и чеченская номенклатура, и интеллигенция, порою с еще досоветскими корнями. Однако наиболее успешные из них жили за пределами автономной республики.

⁶⁹ Ходит множество героических, хотя, в основе своей, быть может, достоверных рассказов о том, как горстка чеченцев брала на испуг или первой атаковала многократно превосходящих числом русских гангстеров. Распространение подобных историй (особенно самими чеченцами), очевидно, служит целям поддержания образа совершенно лишенных чувства страха, свирепых и приверженных своим кланам экзотических варваров. Эти типично кавказские бравада и блеф могут действительно сработать – особенно при случайных и неподготовленных противостояниях. В то же время бытует иллюстрируемое другого типа рассказы мнение, будто чеченские гангстеры любой ценой, по «Закону гор», держат слово перед врагами, друзьями и деловыми клиентами. Разумеется, репутация особо опасных конкурентов и одновременно надежных партнеров служит преимуществом в мафиозном мире, равно как и в банковском деле. Подобные рассказы следует воспринимать не как достоверные этнографические данные, а как своего рода репутационный «бизнес-пиар». См. Diego Gambetta, *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. (Harvard University Press, 1993).

Помимо низкостатусных трудовых мигрантов, немало выпускников чеченских школ подавали документы в вузы за пределами ЧИАССР, пытаясь избежать считавшихся неминуемыми при поступлении в Грозном местного шовинизма и интриг, и сделать карьеру на просторах Советского Союза. Многие из них преуспели и достигли высоких постов за пределами «малой» родины. Среди них доктор наук Саламбек Хаджиев, последний министр нефтяной промышленности СССР, и преподававший экономику в Москве спикер переходного парламента России в 1991-1993 гг. Руслан Хасбулатов, и генерал-майор ВВС Джохар Дудаев. Подобные успешные личности служили ролевыми моделями для соотечественников и достигшими вершин покровителями, отчего они обладали значительным потенциальным влиянием на дела у себя на родине.

Теперь же, в начале 1989 г., чеченец Доку Завгаев, дотоле постепенно выдвигавшийся по линии руководства сельским хозяйством, сменил на посту первого секретаря обкома своего русского и весьма консервативного предшественника, который благоразумно предпочел избраться на союзную депутатскую должность в Москве. В Чечено-Ингушетию, наконец, пришла перестройка. (Прежде местному филиалу Союзпечати было негласно предписано не ввозить в автономную республику популярные перестроечные издания, вроде «Огонька» и «Московских новостей».) Вскоре под предлогом небольшой по новым перестроечным меркам волны местных жалоб и протестов Завгаев устроил чистку районного звена, которую в те дни весело называли «весенним листопадом» райкомов⁷⁰. Большинство новых назначенцев принадлежало к коренным национальностям, и при этом было личными клиентами Завгаева. После таких перестановок все на какое-то время, казалось, стихло. Еще весной 1991 г. Завгаев мог с гордостью сказать заезжему московскому репортеру: «Зато поглядите, как мирно и спокойно в нашей Чечено-Ингушетии!»

Вслед за восходящей чеченской номенклатурой, в новообразованное поле местной политики двинулись сразу несколько соперничающих фракций молодых интеллигентов, среди которых тогда было немало местных русских специалистов. Они следовали стандартной схеме времен перестройки: вначале, и довольно долго, была экология (тем паче в районе Грозного и Гудермеса хватало вредных химических производств), реформа образования, затем экономическое «ускорение» и кооперативы, демократизация, следом сохранение памятников старины (знаменитых средневековых башен в горах), возрождение фольклора и возвращение к преступлениям сталинизма, но пока никакого радикального национализма и, тем более, исламизма. К 1990 г. «неформальная» фаза общественной активности, проявлявшаяся в основном в прессе и на периодических митингах местного Народного фронта в поддержку перестройки, как-то сходит на нет. На выборах 1990 г. в верховные советы России и Чечено-Ингушетии с огромными трудностями прошли лишь единичные представители оппозиционной интеллигенции (либо, как подозревали местные наблюдатели, по негласно-

⁷⁰ Тимур Музаев и Зураб Тодуа, *Новая Чечено-Ингушетия*. Москва: Группа «Панорама», 1992.

му соглашению с хитроумным Завгаевым, предпочитавшим играть в несколько игр сразу). Возникшая в оппозиционной среде неловкая пауза длилась вплоть до лета 1991 г.

Отдельным «застрельщикам» из перестроечной интеллигенции никак не удавалось добиться союзов ни в среде местной номенклатуры, ни среди массы населения. Завгаев успел быстро подчинить себе патронажные сети внутри автономии и перехватить у оппозиции потенциально наиболее мобилизующие лозунги суверенизации республики и реабилитации народов, пострадавших от сталинских репрессий. Осенью 1990 г. завгаевская администрация провела в грозненском цирке Конгресс чеченского народа под своим более-менее очевидным аппаратным контролем. Бурное, подчас хаотичное собрание приняло, в конце концов, декларации о суверенитете и реабилитации, которые Завгаев затем мог использовать в качестве аргумента уже в своем торге с Москвой за ресурсы и статус. Таким ярким личностям и ораторам, как поэт Яндарбиев, журналист Удугов и талантливый самоучка с тюремным прошлым Юсуп Сосланбеков оставалось вместе с Шанибовым заниматься риторической политикой на символической площадке Ассамблеи горских народов. Впрочем, одно, тогда мало кем распознанное, «но». Президентом Конгресса чеченского народа был избран исключительно харизматичный генерал авиации Джохар Дудаев. Тогда это выглядело очередным закулисным маневром завгаевских аппаратчиков. Считается (во всяком случае, так неизменно любили повторять завгаевские кадры), что своим недавним производством в генералы Дудаев был во многом обязан лично Завгаеву, ратовавшему за него в Москве во имя повышения общего престижа чеченцев⁷¹. Избрание генерала, который никогда не жил в Чечено-Ингушетии и не имел там связей, делало его номинальной фигурой и одновременно отсекало местных радикалов от символической должности. Казалось, Завгаев действительно «контролировал обстановку» скорее по аналогии с республиками Средней Азии, нежели Кавказа. Он не раз признавал, что пример берет с главы Казахстана Нурсултана Назарбаева.

Взрыв в Грозном случился еще более неожиданно, чем в Нальчике. Чеченская номенклатура оказалась в одночасье скомпрометированной своим предполагаемым сотрудничеством с путчистами в августе 1991 г. На самом деле в Грозном в дни попытки переворота, как и повсюду, царила напряженно-выжидательная атмосфера, однако, Завгаева якобы видели в Москве, входящим в Кремль, о чем немедленно разнеслись слухи. Роль субъективного «детонатора» сыграли две совсем разные личности, оба чеченцы с экстраординарным символическим капиталом из-за пределов республики. В Москве это был стремительно набиравший влияние спикер Российского парламента профессор Руслан Хасбулатов, который, очевидно, строил собственные планы насчет политического руководства на своей малой родине. С другой стороны ход истории активно изменял генерал Дудаев, который вышел в отставку и перебрался жить в

⁷¹ Carlotta Gall and Thomas de Waal. *Chechnya: Calamity in the Caucasus*. New York: NYU Press, 1998.

Грозный всего за несколько месяцев до внезапных бурных потрясений. Дудаев, ставший харизматическим центром притяжения для масс и игравший совершенно аналогичную Ельцину роль «убедительного» начальника и вождя среди оппозиционных интеллигентов, буквально на ходу формировал собственный политический альянс. Несколько недель в сентябре и октябре более статусная чеченская интеллигенция и прагматичные промышленные руководители, вероятно поддерживаемые из Москвы Хасбулатовым, боролись доступными им преимущественно аппаратными средствами за овладение обезглавленным и парализованным механизмом власти. Однако обладавшим несравненно более низким формальным статусом радикалам во главе с политическим одиночкой генералом Дудаевым удалось обойти складывающийся союз либералов и консерваторов, поддерживая в течение этих критических недель перманентную, стихийную и оттого с неизбежно карнавальным оттенком, то празднующую, то негодующую мобилизацию толп на улицах Грозного.

Откуда пришли в центр города эти чеченцы? Из высокогорных сел, но все же куда более из разросшихся вокруг Грозного полусельских окраин. Чем больше участников собирали митинги, тем больше остальные чувствовали себя обязанными присоединиться к ним. Один из ведущих участников тех событий Зелимхан Яндарбиев описывает в своих мемуарах, как 19 августа, в первый день провозглашенного путчистами в Москве чрезвычайного положения, на главную площадь Грозного вышло от силы два-три десятка самых отчаянных активистов. Цели их были неясны даже им самим. Ожидание у себя дома неминуемого (как они считали) ареста казалось им просто невыносимым. Психологически все выглядит, надо отдать должное Яндарбиеву, вполне достоверно. Милиция, к изумлению протестующих, лишь вежливо попросила их разойтись и «не нагнетать». На второй день, когда стала более заметна нерешительность реакционных сил, на площадь пришло несколько сотен. На третий день приказ о выводе танков с московских улиц и весть о скором возвращении Горбачева в Кремль позволили вздохнуть спокойно – и пришло более двух тысяч демонстрантов. На следующий день на площади шел многотысячный митинг, число участников которого дальше росло подобно лавине⁷². Даже если приведенные Яндарбиевым цифры не отличаются точностью, описание вполне передает общую динамику событий.

Митинги в Грозном на фоне наблюдаемых по телевизору невероятных событий в Москве стали главным центром эмоционального внимания. В эти дни практически все испытывали небывалое облегчение после схлынувшего напряжения. Здесь следует упомянуть затем почти забытый факт. Всего лишь двумя месяцами ранее, на выборах российского президента в июне 1991 г., Ельцин получил весомое большинство голосов в республике (почти столько же, сколько у себя в родной Свердловской области), а в ингушских селах этот показатель достигал 98%. (Неудивительно, что и хитроумный Завгаев, не теряя рассудка, ис-

⁷² Зелимхан Яндарбиев, *В преддверии независимости*. Грозный: Издательство «Ичкерия», 1994, стр. 41-51.

подволя заигрывал тогда с Ельциным.) Чеченцы и ингуши поверили в знаменитые предвыборные обещания лидера российских демократов передать республикам столько суверенитета, сколько они «смогут унести», добиться полной «реабилитации» репрессированных народов и предоставления им долгожданной компенсации за жертвы и страдания сталинской депортации. В ретроспективе видится почти невероятным, что летом 1991 г. большинство чеченцев связывали свою судьбу с Ельциным. В дни путча они замерли, ожидая, что теперь придет страшная расплата за поддержку главного московского демократа, ставшего главным врагом ГКЧП. На фоне драмы в Москве по республике поползли слухи о загадочной концентрации грузовиков неподалеку от границ Чечено-Ингушетии. По всей видимости, это была обычная практика сосредоточения транспорта перед, выражаясь «советским русским» языком, очередной «битвой за урожай». Однако в травмированной коллективной памяти чеченцев и ингушей колонны грузовиков ассоциировались с вереницами «Студебекеров», на которых людей свозили под конвоем в день роковой депортации 1944 года. Поражение путчистов повсеместно праздновалось не только как конец старого коммунистического режима, но и как внезапное избавление от угрозы новой депортации и от страха вообще. По словам участников тех событий, их главной мотивацией стала возможность – нет, даже необходимость публичного отречения от старых стигматизирующих стереотипов и унижений, отчаянно неодолимое желание выйти на улицы и скандировать «Мы чеченцы! Это наша страна!». Это было именно тем, что Эрнест Геллнер назвал ключевой эмоциональной мотивацией национализма – подтверждение достоинства группы⁷³.

Многие приходили сами. Других привозили автобусами, которые представлялись чеченцами – промышленными руководителями и новоиспеченными частными предпринимателями (включая ряд личностей весьма сомнительных), которые пытались приобрести политический капитал в новых обстоятельствах. Конечно, здорово скандировать хором, но ведь, кроме того, кто-то же должен был вынести на площадь платформы и громкоговорители, ранее приберегаемые на Первомай. В такой момент громкоговоритель становится ценнейшим орудием борьбы за власть. Вскоре еще более важным орудием станет хотя бы зачаточная организация, способная сконцентрировать и повести толпу, а затем уже и всамделишное оружие. Милиция исчезла с улиц или явно не желала принимать участия в политическом противостоянии после того, что все увидели в Москве. Ударной силой чеченской революции стали отряды наскоро сформированной Национальной гвардии. (Ведь и в самой Москве тогда было, по крайней мере, провозглашено формирование Национальной гвардии, на которую собирался опереться Ельцин и демократы, пока не осознали, что им и так досталась российская милиция и, вскоре, армия.) Чеченские гвардейцы, впервые возникшие из частной охраны нескольких бизнесменов, в том числе гангстероподоб-

⁷³ Ernest Gellner, *Nations and Nationalism*, Oxford: Blackwell, 1983.

ных, проявили себя полезными в перекрытии улиц и расчистке пространства для митингов.

Не забудем, однако, о демографии и социальных проблемах. Летом 1991 г. вышеупомянутые сорок тысяч или около того сезонных рабочих не смогли выехать из Чечено-Ингушетии. Советская экономика разваливалась, и рабочие места для мигрантов внезапно исчезли. Этим мужчинам и их близким теперь предоставилось внимать на митингах Дудаеву и другим радикалам, объяснявшим, что трудовая миграция за пределы республики была на самом деле частью дьявольского плана Советов, имевшего целью унижение и ассимиляцию чеченского народа. Дудаев очень красочно обещал, что стоит Чечне стать подлинно независимой, как она сумеет задействовать свою нефтяную промышленность для создания новых рабочих мест, обеспечения благосостояния и возрождения нации. Обещание было простым, эмоционально заряженным – и удивительно похожим на программы национально-освободительных движений и догоняющего развития 1950-1960-х гг. Дудаев действовал и говорил вполне подобно Ататюрку, Насеру, Сукарно, Перону, Пак Чжон Хи и многим другим военным национальным модернизаторам из стран Третьего мира задолго до него⁷⁴. Его излюбленным аргументом было, однако, сравнение Чечни с Эстонией, где до 1991 г. он служил командиром советской стратегической авиабазы. Если маленькая Эстония после веков царской и коммунистической оккупации смогла обрести независимость и войти в семью европейских стран, спрашивал он, то почему этого же не могла достичь и Чечня? Сочетание уверенного генеральского облика и пророческого видения вызывали у простых чеченцев такой всплеск гордости и надежды, что ни либеральные реформисты, ни коммунистические консерваторы не могли даже мечтать о соперничестве с ним в открытой борьбе.

Дудаев одержал победу на поле популистской риторики, но его революционный захват власти был достигнут, конечно, не словом единым. Каждая победа уличных вожakov приносила им все новые ресурсы, которые, в свой черед, придавали воодушевления для очередных шагов. Захват местного телецентра предоставил радикальным лидерам основной пропагандистский инструмент, а штурм горсовета, парламента и других правительственных зданий лишил элиту советских времен ее символически легитимизирующих пространств. Как и в Восточной Европе, сигналом успеха революционных толп стал захват управления Комитета государственной безопасности. Повстанцы вдобавок открыли двери тюрьмы, чьи обитатели немедленно сформировали вооруженное движение под названием «Нийсо» («Справедливость»)⁷⁵.

⁷⁴ Бывший советник Дудаева вспоминает, как он кинулся убеждать генерала отказаться от идеи национализации нефтяной промышленности Чечни и разъяснять, что новые времена требовали, скорее, ее приватизации и привлечения западных инвесторов. См. Таймаз Абубакаров, *Режим Джохара Дудаева: правда и вымысел. Записки дудаевского министра экономики и финансов*. Москва: ИНСАН, 1998.

⁷⁵ Тимур Музаев и Зураб Тодуа, *Новая Чечено-Ингушетия*. Москва: «Панорама», 1992.

Еще один удар по старым государственным структурам был нанесен отделением Ингушетии, провозглашенным в сентябре 1991 г. собранием ингушских народных депутатов всех уровней (хотя присутствовали не все депутаты). Фактически это был политический пакт сельских должностных лиц, интеллигенции (в основном учителей) и специалистов (инженеров, ветеринаров, агрономов). Ингушетия была создана на основе трех сельских районов, где не было городов. Кроме того простого факта, что ингушские села были слишком далеко от любых властей, чтобы воспрепятствовать отделенческому собранию, спешка сельских политиков объяснялась двумя соображениями. Во-первых, они прямо заявляли, что ингуши не собираются стать меньшинством в независимой Чечне. Во-вторых, был еще один фактор, который в открытую ими не признавался: радикализм сельского руководства в Ингушетии далеко превосходил настроения живших в Грозном и других городах более влиятельных и высокостатусных ингушских должностных лиц и интеллектуалов, которые предпочитали следить за событиями издали. Уступавшие им статусом сельские радикалы намеревались решить проблему отсутствия городов в новопровозглашенной Ингушетии, потребовав фактического раздела Владикавказа, ближайшего большого города и столицы соседней Северной Осетии. Многие ингушские семьи по возвращении из ссылки в 1957 г. старались селиться в самом городе либо близ Владикавказа, где проживали до депортации. Они были убеждены в историческом праве владения этой землей и требовали восстановления прежних административных границ в качестве реабилитации репрессированного народа⁷⁶. Здесь налицо параллели с Балкарией; однако, точно так же как чеченцы пошли дальше, чем их кабардинский «эквивалент», ингушский сепаратизм опередил балкарский. Эмоциональным поводом послужил приток в оспариваемые села на территории Северной Осетии югоосетинских беженцев, спасавшихся от вооруженного конфликта с грузинскими вооруженными силами по другую сторону Кавказского хребта. Помимо быстрого изменения этнодемографического баланса не в их пользу, ингушам это неприятно напомнило о том, что в период сталинской депортации их дома и села заполняли по разнарядке переселенцами из Южной Осетии. Вспыхнула скоротечная, но крайне ожесточенная война, длившаяся около недели в конце октября 1992 г. в оспариваемых ингушами селах и пригородах Владикавказа. Несмотря на отчаянные действия ингушских ополченцев, верх одержали превосходившие их числом и организованностью осетины. Значительными преимуществами владикавказской элиты также служили традиционная репутация лояльности России, вкупе с налаженными отношениями с Москвой и расквартированными на территории республики военными гарнизонами. (Ингушская катастрофа, заметим, сыграла роль в снижении радикальности созвучного проекта балкарского сепаратизма).

⁷⁶ Добросовестный и подробный анализ дан Артуром Цуциевым в работе *Осетино-ингушский конфликт (1992-...?)*, его предыстория и факторы развития. Москва, РОССПЕН, 1998.

В революционные дни ранней осени 1991 г. видные демократические политики из Москвы не раз приезжали в Чечено-Ингушетию, чтобы найти в этом растревоженном улье компромисс, способный вернуть Москве хоть какой-то контроль над событиями. Внезапно лозунг суверенизации, использовавшийся российской оппозицией против горбачевского центрального руководства, теперь оборачивался против них самих. Страшила угроза «эффекта домино», когда вслед за чеченским восстанием могли успешно выступить радикальные национальные движения в остальных автономиях Российской Федерации, особенно в центрально расположенном, экономически важном и политически активном Татарстане. В соответствии с принципом гомологической подобности, новоиспеченные государственные мужи из Москвы ощущали большую близость к «серьезным» представителям чеченского политико-технократическо-культурного истеблишмента, нежели к простонародной толпе на улицах и ее популистским вожакам. Влиятельный и властный спикер российского парламента Руслан Хасбулатов в ходе осенней революционной бури 1991 г. оставался в Москве, где у него хватало опасных противников. Тем не менее, его участие в грозненских политических маневрах едва ли подлежит сомнению. Хасбулатов преследовал несколько целей одновременно: обеспечить лояльность будущего правителя своей малой родины не только российской демократии, но и лично себе, тем самым, создав электоральную базу для своего гарантированного переизбрания и в будущие парламенты России. Главным орудием Хасбулатова было парламентское право законодательной инициативы, которое он искусно применял для поддержки своих протеев. Однако чеченские умеренные реформисты, не защищенные государственным аппаратом принуждения, не могли эффективно воспользоваться декларативными заявлениями и стремительно теряли опору. Радикалы же видели, что их сила – во внепарламентском прямом действии и массовой мобилизации.

Довольно суетливые и противоречивые попытки политического манипулирования со стороны московских демократов окончательно отвратили Дудаева и его радикальных соратников, которые с достаточным на то основанием ощущали, что их не считали способными управлять посткоммунистической Чечней. Подобно ингушским сельским начальникам и интеллигентам, чьи поспешные действия и заявления радикализовало внутриэтническое межэлитное соперничество с видными (но организационно разобщенными) ингушами из больших городов, лидеров чеченской революции подтолкнула к скорым действиям угроза оказаться совершенно не у дел, когда высокостатусные политики в Москве и Грозном с успокоением обстановки перестали бы с ними считаться. Харизматичный одиночка Дудаев решил пренебречь хасбулатовскими заклинаниями о необходимости поддержания конституционного порядка и закрепить свои политические достижения путем полной ликвидации верховного совета республики и скорейшего проведения новых парламентских и президентских выборов в Чечне (теперь без груза этнически родственной, но во всем «младшей» и имен-

но потому ревниво настроенной Ингушетии). Плану Дудаева нельзя отказать в смелости и институциональном видении. Форсированное проведение выборов в условиях пока несхлынувшего революционного азарта обещало закрепление достигнутого в ходе массовой мобилизации политического статуса ее радикальных вожаков. Вспомните персонажи из первой главы: поэта-патриота-политика Зелимхана Яндарбиева; молодого журналиста и впоследствии исламского пропагандиста Мовлади Удугова; бывшего инженера, историка-самоучку, неформала и впоследствии калифорнийского политэмигранта Лёму Усманова; наделенного талантом и внешностью кинозвезды актера грозненского драмтеатра Ахмеда Закаева, еще одного будущего политэмигранта и переговорщика повстанцев; бывшего милиционера, превратившегося в кооперативного «силового предпринимателя» и затем главу отряда боевиков под громким названием «Партии исламского пути» Беслана Гантамирова; неудавшегося студента, антипутчистского защитника Московского белого дома в августе 1991 г. и, увы, вскоре гораздо более успешного угонщика самолета Шамиля Басаева; комсомольского работника и многообещающего экономиста-международника Салмана Радуева; а также бывшего заключенного и зажигательного оратора Юсупа Сосламбекова – соратника и заместителя Мусы Шанибова в руководстве Конфедерации горских народов. (Честно говоря, впоследствии наблюдая этих людей и реконструируя их причудливые, зачастую трагичные биографии, я не мог отделаться от предположения, что вот этот в российском политическом спектре наверняка бы стал типичным «яблочником», вон тот бы со временем сделал карьеру в партии власти, а другой бы вписался в партию Жириновского, если бы, конечно, не сделался исламистом.)

История в бифуркационной точке осени 1991 г. распорядилась иначе. Выдвинутое в российском парламенте предложение Хасбулатова о признании грядущих чеченских выборов недействительными, Дудаев парировал утверждением, что Чечня не находится в юрисдикции Российской Федерации. (Хотя и остается, коварно добавлял Дудаев, в составе СССР.) Вместо того чтобы представить свои решения на суд московских правовых экспертов, Чечня заявила о необходимости заключить вначале мирный договор с Россией (Дудаев позаимствовал это требование у Эстонии), который, как утверждалось, должен был положить конец «Трехсотлетней войне» между Российской империей и чеченским народом. 27 октября 1991 г. Дудаев был избран президентом 85-ю процентами голосов, хотя либеральная оппозиция и попыталась оспорить итоги выборов. 2 ноября Чечня провозгласила свою независимость⁷⁷.

В то время в Москве президент России Ельцин пытался вырвать власть из рук президента угасающего СССР Горбачева, что объясняет позорно нескоординированную демонстрацию силы против сепаратистского восстания в Грозном. 9 ноября несколько подразделений внутренних войск приземлились на во-

⁷⁷ Christopher Panico, *Conflicts in Caucasus: Russia's War in Chechnya*, Conflict Studies 281, Washington: Research Institute for the Study of Conflict and Terrorism, 1995, p. 7.

енном аэродроме неподалеку от Грозного, чтобы ввести в действие объявленное той же ночью ельцинским правительством чрезвычайное положение. Дудаев незамедлительно появился на телеэкранах чеченских зрителей с крайне эмоциональным воззванием к народу, заявив в очередной раз не менее как об угрозе повторения сталинской депортации – на сей раз со стороны предавшего идеалы демократии и самоопределения народов нового руководства России. Дудаевское воззвание могло показаться, по меньшей мере, излишне драматизированным стороннему наблюдателю, но не большей части чеченцев. Печальное высказывание Милана Кундеры о том, что малые нации знают, как легко могут исчезнуть, для этого народа звучало жестокой правдой. На 1991 г. почти каждый третий чеченец пережил выселение или родился в ссылке; все знали, как 23 февраля 1944 г. в один день части НКВД и армии загнали целый народ в товарные вагоны – такова была убийственная эффективность сталинской бюрократии в ее зените. Отдаленные горные деревни, дороги к которым зимой оказались непроходимыми, уничтожались авиацией и артиллерией. Еще раз призвал серьезно воспринимать психологический отпечаток, накладываемый экзистенциальным ужасом геноцида на нации, чьи страхи и самозащитные реакции без учета данного комплекса могут показаться совершенно чрезмерными. В не меньшей мере, чем к чеченцам-мусульманам, сказанное относится к армянам-христианам и евреям, и очевидно не восходит ни к цивилизации, ни к религиозной традиции. (Этносоциальные культурные диспозиции, организационные практики, политические обстоятельства играют роль на следующих этапах, придавая реакции ту или иную направленность и форму.) Это легко политизируемый порыв к преодолению чудовищной и унижительной травмы коллективной виктимизации в прошлом и обеспечения выживания в будущем, что и отразил фундаментальный легитимирующий лозунг государства Израиль «Больше никогда!» Именно по причине крайней силы эмоций постгеноцидного синдрома эти коллективные переживания обычно благоприятствуют политическим экстремистам.

Чрезвычайное положение, бездумно объявленное Ельциным в ночь на 9 ноября 1991 г., возымело совершенно противоположный эффект⁷⁸. В одночасье угроза силового вмешательства, воспринятая, как насилие против нации, сплотила чеченское большинство и, тем самым, лишила политического будущего всех, кто по той или иной причине выступал против провозглашенной Дудаевым независимости. Когда ночью первые военно-транспортные самолеты совершили посадку в Чечне, их окружили вооруженные революционеры и тысячи

⁷⁸ Авторство неудачного указа, как обычно, оспаривается. Называется также вице-президент России генерал Руцкой, незадолго до этого летавший в Грозный и, кстати, обнимавшийся там с братом-летчиком Дудаевым. Это вызвало среди чеченцев возмущение столь циничным вероломством. Руцкой, которого можно обвинить во многом, но не в политическом хитроумии, скорее всего, сам поверил в свою особую способность договориться с Дудаевым по-геройски. Тем большим, вероятно, было его унижение и гнев, когда по возвращению в Москву политические недоброжелатели выставили вице-президента дураком. Как бы то ни было, исхода дела это не меняет, хотя и помогает понять истоки глубокого недоверия чеченских повстанцев к московским переговорщикам.

шумно протестующих гражданских. Деморализованные политической неразберихой подразделения, не имевшие ни четкого приказа, ни подготовленного защищенного плацдарма для высадки, ни даже достаточно огнестрельного оружия, фактически сдались на условиях предоставления им возможности вскоре покинуть бушующую Чечню. Узнав о происшедшем позоре, российский парламент подавляющим большинством проголосовал за отмену режима чрезвычайного положения в Чечне и осудил президента Ельцина за возвращение к «тоталитарным» методам. Чтобы усилить пропагандистский эффект, чеченские революционеры настояли на вывозе подразделений внутренних войск автобусами, вынужденными медленно продвигаться через многотысячные ликующие толпы. Провалившаяся операция стала первым крупным унижением ельцинского президентства. Муса Шанибов, активно участвовавший в этих невероятных событиях в качестве главы Ассамблеи горцев и личного друга многих чеченских радикалов (благо из Нальчика в Грозный можно было домчаться на машине за пару часов), считал случившееся заслугой как собственной, так и своих чеченских друзей. Однако, представляется, что в те дни главной (хотя и едва упоминаемой) проблемой президента России Ельцина оказался президент СССР Горбачев, у которого Ельцин все еще не мог отнять верховное главнокомандование вооруженными силами, и лишь затем президенты горской ассамблеи и самопровозглашенной Чечни Шанибов и Дудаев. В результате, прибывшие в Чечню внутренние войска оказались вооружены лишь щитами и резиновыми дубинками, а были встречены повстанцами с «Калашниковыми» и даже танками⁷⁹.

Вооруженные силы чеченской революции создавались на разнородной основе групп телохранителей теневого предпринимателей, освобожденных из тюрьмы уголовников, плюс романтических студентов (к которым, как ни крути, относился и Шамиль Басаев, скандально вернувшийся из Москвы на угнанном рейсовом самолете) и жаждущей действий суб-пролетарской молодежи из пригородов и сел. Вначале довольно спонтанно они собирались под экзотическими знаменами Партии исламского пути, Национальной гвардии, Общества бывших заключенных (Нийсо) и др. Это изначально были и надолго останутся самостоятельные группировки, собранные на основе того или иного социального типажа и разновидности групповой солидарности, подчиняющиеся собственным вожакам. Совместно они выступали в моменты эмоционального возбуждения нации и общей опасности, в остальном действуя совершенно независимо друг от друга, как, впрочем, и самих Дудаева и Шанибова. Разговоры о старинных дедовских схронах и немецких стволах, отыскиваемых в горах «черными археологами», более имеют отношение к романтике, нежели реальности массового самовооружения. Современное, в хорошем состоянии оружие либо похищалось с военных складов, либо, что много вероятнее, приобреталось у подкупленных военнотружущих Советской армии, причем подкуп, очевидно, происхо-

⁷⁹ Carlotta Gall and Thomas de Waal, *Chechnya: Calamity in the Caucasus*. New York: NYU Press, 1998.

дил на всех уровнях, от министерского и генеральского до прапорщиков, имевших ключи от складов, и даже якобы их охранявших рядовых. Более точно сказать что-либо просто смертельно опасно (предпринимавшие расследования журналисты погибали, парламентское расследование родило мышь) и, для наших задач, ни к чему. Результат и без того налицо. Причины следует искать в суммарных последствиях быстрого распада советских командных структур на территории Чечни, общей аморализации и расхитительства периода обрушения советской государственности в сочетании с маскулинными статусными представлениями горских народов и стихийной фрагментацией прежнего классово-национального преимущественно городского общества на этно-семейные преимущественно негородские ячейки. В самом деле, оружия в Чечне уже вскоре после развала СССР ходило столько, что на толкучке в Грозном можно было купить ПКМ (пулемет Калашникова модернизированный) или ручной противотанковый гранатомет по цене телевизора. Зрелище подобного рынка и его своеобразный шум (когда потенциальные клиенты на месте опробовали оружие) притягивали в дудаевскую Чечню специфических визитеров едва не со всего бывшего Советского Союза. Перед затуманенным экзотизмом происходящего взором российских журналистов, во множестве приезжавших в мятежную республику, проносились сцены из кавказских рассказов Толстого, тогда как их западные коллеги, в зависимости от личного опыта, регулярно сравнивали чеченцев с корсиканцами и басками либо курдами и пуштунами. Президент Дудаев, риторически превращая зло во благо, пообещал, что независимость и демократия Чечни будет иметь защитой поголовное вооружение своих граждан – как он выразился, «по швейцарской модели демократии».

На практике это означало, что «ичкерийцы» взяли в свои руки защиту своих собственности и жизни. Возникший режим дисперсной власти вовсе не был равен для всех граждан, а благоприятствовал лишь тем, кто в социальном и психологическом отношении был готов уповать на силу, а также на поддержку родственников и друзей. Чеченская молодежь из сельских и суб-пролетарских районов находилась в гораздо более благоприятном положении, нежели верхние слои городского населения, тем более, русские переселенцы и специалисты. Наглые и жестокие преступления, совершенные в тот период вторгавшимися в город вооруженными чеченцами в отношении не успевших его покинуть русских, имели основой корысть, а не национальную или религиозную нетерпимость и тем более геноцид, о котором в пропагандистском запале писали впоследствии московские националистические публицисты. Русские и даже многие чеченцы-горожане запросто могли пасть добычей тех, кто пожелал завладеть их имуществом или квартирой⁸⁰. В сравнении с ними суб-пролетарии и сельские

⁸⁰ Таймаз Абубакаров приводит в своих воспоминаниях два показательных эпизода. Уличные менялы-валютчики, отпихнув пассивных охранников, врываются в здание Центробанка Чечни, чтобы проучить его главу-чеченца, попытавшегося регламентировать и обложить налогом обменные операции. Избитому и униженному главному государственному банкиру приходится бежать в родное село и искать защиты у родственников. В другом эпизоде президент Дудаев на заседании своего правительства вменяет членам кабинета выходить пара-

чеченские парни имели куда больше автономных от государственности навыков и средств выживания в условиях обвала. Они могли прожить на урожай с приусадебного участка, бартерный обмен, средства от работающих за рубежом родственников или даже мгновенно разбогатеть на прибылях от хищений, захватов и контрабандной торговли (которая оказалась крайне выгодной с отмиранием пограничного контроля в последние годы советской власти). Если сельчане и суб-пролетарии и так были мало связаны со старым государством и зачастую считали его досадной помехой, то жившие на государственную зарплату, привыкшие к механизмам социального обеспечения и к защите со стороны правоохранительных органов инженеры, учителя и нефтяники попросту не знали, что им теперь делать.

Неудивительно, что одностороннее объявление независимости Чечни привело к исходу не только русских специалистов, но и почти всей чеченской технической и управленческой элиты⁸¹. Уже в 1992 и 1993 гг., еще до российского военного вторжения и войны, насчитывалось 200 тыс. горожан, бежавших от беззакония. В то же самое время численность официально зарегистрированных в Москве чеченцев подскочила с трех до более чем девяноста тысяч человек. Большинство из них не могло состоять в чеченской московской мафии – всем им и при желании не хватило бы там ролей и добычи. В большинстве своем это были те самые специалисты-«бюджетники», которым из-за отмирания бюджетного сектора в Чечне оставалось искать заработков где-то в России. Их исход физически убрал из дудаевской Чечни практически всех претендентов на политическую власть – кроме тех, кто смог и вскоре привык прокладывать себе путь оружием.

Трагическая история постсоветской Чечни подводит нас к мысли, что случился худший из всех возможных исходов – революционные потрясения не привели к возникновению нового режима власти какого угодно характера. Артур Стинчкомб дает революциям определение «периодов, когда частота изменений властных позиций между фракциями, социальными группами или вооруженными структурами становится чрезвычайно высокой и происходящие изменения непредсказуемы. Революции завершаются тогда, когда политическая неопределенность существенно понижается путем заключения достаточно твердых договоренностей, которые соблюдаются постольку, поскольку встроены в политическую структуру, способную своей силой обеспечить исполнение

ми на ночное патрулирование против расхитителей. Министр финансов Абубакаров оказывается в паре с министром внутренних дел ночью на товарной станции, где они видят, как неизвестные выкачивают бензин из железнодорожной цистерны. Оказывается, это подчиненные самого министра внутренних дел – чеченские милиционеры, которые, в лучшем случае, согласны не повторять подобные действия, но на сей раз настаивают докачать остатки, потому что бензин уже кем-то куплен. См. Таймаз Абубакаров, *Режим Джохара Дудаева: правда и вымысел*. Москва: ИНСАН, 1998.

⁸¹ Большую ценность имеют материалы, собранные активистами правозащитного общества «Мемориал» Олегом Орловым и Александром Черкасовым, *Россия и Чечня: цепь ошибок и преступлений*. Москва: Звенья, 1998; см. также Дмитрий Фурман (ред.), *Чечня и Россия: общества и государства*, Москва: Политинформ-Галбури, 1999; Джабраил Гаккаев, *Очерки политической истории Чечни*. Москва, 1997.

договоренностей»⁸². Стинчкомб подытоживает свое теоретическое эссе о том, чем обычно завершаются революции, перечислением шести видов политических структур, способных снизить политическую неопределенность: консервативное авторитарное восстановление (или «Термидор»), независимость, оккупационный режим, тоталитаризм, демократия и, наконец, дробление власти на личные уделы и «вотчины», что в западной политологии обозначается латиноамериканским словечком каудильизм. Чечня после 1991 г. двигалась во всех вышеуказанных направлениях, и ни в одном из них не дошла до конца.

Чечня служит наглядным исключением из общей тенденции консервативной авторитарной реставрации на постсоветском пространстве (включая Кабардино-Балкарию). До августа и даже ноября 1991 г. (провалившейся попытки Ельцина ввести режим чрезвычайного положения) консервативный исход казался наиболее вероятным и в случае Чечни – если бы в завершающей фазе революции силы, которые могли осуществить номенклатурно-олигархическую реставрацию, не оказались дискредитированы и вынуждены бежать из Грозного в свои родные села или в Москву. Провозглашение Дудаевым независимости (второй в списке Стинчкомба вариант исхода) не привело к созданию нового государства, обладающего необходимыми политическими, силовыми и экономическими возможностями. Независимое государство не состоялось, потому что Россия объявила Чечне блокаду, пускай в текущих делах совершенно коррумпированную и пористую. Однако тем самым была предотвращена возможность международного признания независимости Чечни подобно бывшим союзным республикам и исключена возможность поступления зарубежной государственной помощи, кредитов или инвестиций, которые, так или иначе, послужили бы для финансирования дудаевского государства. По той же причине не могли возникнуть ни тоталитарный, ни демократический режимы, поскольку оба исхода, каждый по-своему, нуждаются в наличии эффективно действующих бюрократических учреждений и полиции. Без дисциплинированного и привилегированного корпуса полиции и чиновничества не состоится подлинной диктатуры, но то, что возникнет в остатке, не сможет стать и эффективной демократией. Возникнет, скорее всего, то, что и возникло в дудаевской Ичкерии – фрагментарная вооруженная анархия.

Российское военное вторжение в свой черед не смогло насадить эффективное оккупационное правительство. В 1995-1996 гг. Москва послала в Грозный остатки номенклатуры во главе с Саламбеком Хаджиевым и, после его скорой эмоциональной отставки, с тем же Завгаевым, свергнутым четырем годами раньше. Но эти люди оказались неспособны заручиться политической поддержкой населения, поскольку общественное мнение ассоциировало их номинальную власть с чудовищными разрушениями и жестокостями федеральных войск, а, главное, неспособностью предотвратить злодеяния и защитить кого-либо от

⁸² Arthur Stinchcombe, «Ending Revolutions and Building New Governments,» *Annual Review of Political Science* 2 (1999), p.49.

произвола. Вдобавок, они мало что могли предложить в экономической и социальной областях, поскольку средства, направленные ельцинским правительством на восстановление разрушенной войной республики, скандальным образом исчезли где-то по дороге между различными кабинетами власти в Москве и в оккупированном федералами Грозном.

В ходе второй чеченской кампании Москва применила иной подход, амнистировав и взяв на службу перебежчиков из лагеря чеченского вооруженного сопротивления. Наиболее значимым из них был Ахмад Кадыров – официальный духовный глава мусульман (муфтий) при Дудаеве, которому многие припомнили объявление в 1995 г. джихада против России. Кадыров, принадлежавший к традиционному суфийскому течению в исламе и начинавший профессиональную религиозную карьеру еще в советские времена, к началу второй чеченской войны оказался в смертельном противостоянии с воинствующими исламистами «ваххабитского» пуританского толка (впрочем, далеко не по-пуритански обильно финансируемыми из источников в аравийских нефтяных монархиях), которые сумели обратить в своих приверженцев значительную часть разочаровавшихся боевиков.

Прежде Кадырова стратегическим союзником Москвы потенциально мог стать и легитимно избранный в 1997 г. начальник главного штаба ичкерийских сепаратистов бывший советский полковник Аслан Масхадов. Для его усилий по восстановлению чеченской государственности не меньшей угрозой оказались воинствующие исламисты, которые подрывали с религиозно фундаменталистских позиций не только идеологическую легитимность и институциональную управляемость Чеченской республики, но и, используя свои вооруженные отряды, силой захватывали или создавали большей частью нелегальные финансовые потоки. В Москве, переживавшей собственный опутанный интригами кризис на закате ельцинской эпохи, Масхадова винили в унижительных поражениях недавней войны и опасались, что в случае успеха Масхадов станет слишком самостоятельным. Однако подлинная трагедия и беда Масхадова состояла в том, что он был отличным строевым офицером, но оказался слишком прямолинейным и наивно честным политиком. Вот именно, Масхадов проявил себя недостаточно циничным и коррумпированным, чтобы выжить в ситуации, когда власть приходилось обеспечивать не как командиру налаженного гарнизона, а, скорее, подобно феодалному владельцу, раздачей кормлений, сбором дани, кровной мстью врагам и отступникам. В конечном итоге его убрали, освободив площадку для далеко превзошедшего ожидания наследника своего отца Рамзана Кадырова и его уже совершенно неполитических противников. По теоретической схеме Стинчкомба, прошел, наконец, последний из вариантов – неинституционализируемая, целиком личная власть с опорой на практически частную военную дружину, или каудильизм. Стинчкомб, впрочем, замечает под конец, что каудильизм (или, с более восточным оттенком, султанизм) в струк-

турных основаниях настолько нестабилен, что едва ли его можно считать надежным и окончательным завершением революций.

Кабардино-Балкария: уход от революции

Кабардино-Балкария и Чечено-Ингушетия до осени 1991 г. выглядели так, будто были намеренно выстроены для сравнительного политологического анализа: похожая география, культурные традиции, формальный статус автономных республик. Но, как мы увидим ниже, пропорции соотношения классов и этнических сообществ, местная история, время действия или социальная конфигурация политического патронажа могут сыграть значительную роль во времена хаоса. Последовательность событий также до определенного момента выглядела схожей: подобно ингушам в единой до сентября 1991 г. Чечено-Ингушетии, балкарское меньшинство в Кабардино-Балкарии провозгласило свой выход из единой административной единицы. Последний коммунистический руководитель автономии, кабардинец Валерий Коков, под давлением демонстраций протеста ушел было в отставку, оставшийся с советских времен верховный совет был дезорганизован и стоял на грани роспуска. Возникли альтернативные центры политической власти, оппозиция принялась создавать вооруженные отряды. И внезапно все прекратилось. Как самокритично выразился Шанибов: «Если бы мы тогда пошли до конца, то сегодня я бы стал каким-нибудь диктатором, а наша республика, скорее всего, лежала бы в развалинах, как Чечня. Конечно, большинство наших бюрократов воры, но свергни их – и могло быть намного хуже».

Местные наблюдатели и сам Шанибов единогласно относят эту разницу в исходах на счет этнических характеров – разумеется, почтительные и церемонные кабардинцы, в отличие от чеченских сорвиголов, знали, где остановиться. Многие на Северном Кавказе усматривают особую мистическую иррациональность в чеченском стиле ведения войны или исповедования ислама. Это мнение подкрепляется авторитетными цитатами из произведений русских классиков, таких как Лермонтов и Толстой, в середине XIX в. молодыми офицерами воевавших на Кавказе и оставивших нам романтизированные портреты благородных или неукротимых и коварных горцев. Литературные произведения, в самом деле, могут приобретать актуальное значение – но, скорее, потому, что поэзия Лермонтова и проза Толстого служат источником национальной гордости на Северном Кавказе, где все изучали русскую классическую литературу в школе. Возможно также, история чеченского сопротивления и кабардинских, в целом, примирительных отношений с Российской империей в XIX в. имеет большое значение. Однако позвольте спросить, посредством каких именно социальных механизмов дальнейшие исторические явления могут воздействовать на настоящее? Иначе легко впасть в идеологическую романтизацию.

Оставим поэтому Толстого, который мало чем мог бы помочь в построении социологических гипотез. Со свойственной науке занудной дотошностью поищем лучше доказательств, согласующихся или несогласующихся с выстраиваемой теорией. Предположим, что расходящиеся после 1991 г. траектории северокавказских республик, в первую очередь, обусловлены относительным различием значений двух переменных: а) классовой структуры; и б) промежутка времени между возникновением и исчезновением исторических возможностей. Ну, и так трудно поддающиеся формализации случайности на уровне личного фактора. Хронологическая реконструкция событий в Грозном, Нальчике и Москве ясно указывает на временной промежуток как на наиболее вероятную причину. Однако время для нас является социальной категорией, определяющей продолжительность возникновения или завершения процесса. Выше я уже пытался объяснить, почему революционная мобилизация в Чечне оказалась столь упорной и эмоциональной, и почему она затем принесла столько насилия. Здесь же я попытаюсь развить несколько дальнейших наблюдений и гипотез относительно того, почему схожая мобилизация у кабардинцев разворачивалась более медленно, почему она (за исключением нескольких моментов) не была столь эмоциональной, и почему старый номенклатурный режим удержал власть и сумел отвлечь революционное насилие, «экспортировав» его в соседнюю Абхазию.

В советские времена кабардинцы всегда возглавляли правительственные структуры автономной республики, что можно объяснить двумя историческими факторами. Во-первых, старая кабардинская культура феодальной лояльности неплохо вписалась в этику государственно-бюрократической и военной службы, в силу чего кабардинцы в советском офицерском корпусе оказались представленными значительно выше процентной доли народа в населении СССР (что, конечно, пополнило список кабардинских поводов для национальной гордости и направляло молодые поколения на достижение советской начальственной карьеры). Практически всегда в советский период кабардинские национальные кадры стояли у руля власти в своей автономии. Со времен десталинизации в местных бюрократических структурах установились значительная стабильность и преемственность (или же, с другой точки зрения – закоренелость и недостаток мобильности, жертвой чего оказался и наш эталонный кабардинец Юрий Шанибов). После своего возвращения из ссылки в 1957 г. представители балкарцев были относительно пропорционально включены в номенклатурный эшелон, где пользовались фактическим правом на вторые места во всех формальных учреждениях и иерархиях. Благодаря устойчивому преобладанию нацкадров, которые блюли свои корпоративные интересы вместе с идеей национального представительства, в Кабардино-Балкарии советская национальная политика применялась последовательно, без свойственных Чечено-Ингушетии «перекосов». Сказывалось и отсутствие сверхважных промпредприятий, подоб-

ных грозненскому нефтекомплексу. В итоге лишь немногие этнические русские оказывались на высших властных позициях в этой автономии.

Временной промежуток, разделяющий революцию в Чечне и неудачную мобилизацию в Кабардино-Балкарии, имел, таким образом, исторические и структурные причины. Проще говоря, мобилизовать кабардинцев на борьбу со своей властной элитой оказалось сложнее, поскольку довольно многие кабардинцы были либо частью истеблишмента, либо близки к его членам. Кроме того, не было исторически недавней национальной трагедии, которая могла бы вызвать сильные общие эмоции, сравнимые с чеченским переживанием трагедии 1944 г. Еще раз подчеркнем, что это условие является культурно конструируемым и потому подвижным в ту или иную сторону. На протестную мобилизацию работали усилия кабардинских и других черкесских историков и литераторов «приблизить» или «разбудить» трагедию мухаджирства – движения мусульманских беженцев, в 1860-х гг. под давлением русских штыков ушедших в изгнание в Османскую империю. Разумеется, балкарцы перенесли гораздо более недавнюю коллективную травму депортации 1944 г., и их национальное движение мобилизовалось с быстротой и эмоциональностью, сравнимой с опытом Чечено-Ингушетии. Однако сепаратистские требования балкарского меньшинства, шедшие вразрез с притязаниями кабардинского большинства, не усилили, а наоборот, раскололи потенциально революционный блок на враждующие течения.

Временной промежуток также совершенно очевидным образом обусловил разницу в реакции Москвы. Возглавлявшаяся в 1992 г. Шанибовым попытка революционного захвата власти развернулась спустя целый год после свершившейся революции и отделения Чечни. Ельцин, который осенью 1991 г. пытался отобрать власть у Горбачева, теперь уже сам стоял перед необходимостью сохранения российского государства. Повторяя горбачевский поворот вправо, Борис Николаевич быстро преодолел демократические предрассудки и предоставил кабардинской номенклатуре поддержку (с благодарностью принятую), чтобы не допустить новой Чечни – и политически обезопасить рыночные реформы, от которых в те дни ждали скорого чуда.

Но поддержка Москвы не могла быть достаточно действенной. Российское государство и его политическая верхушка выглядели крайне дезорганизованными в месяцы, последовавшие непосредственно за развалом СССР и союзной экономики. Национальная мобилизация кабардинцев на фоне нестабильности и экономических потрясений все еще набирала обороты и с новой силой вспыхнула в августе 1992 г., когда грузинские боевики вторглись в братскую для черкесов Абхазию. Вторжение создало огромный эмоциональный повод. В центре Нальчика собрались огромные разгневанные толпы, которые, на сей раз, встретили милиция, войска и бронетехника. Революционные массы, как известно, способны творить чудеса. На самом деле, чудеса случаются, когда обороняющиеся военные не уверены в твердости и правоте отдающих им при-

казы политиков, а толпу несет волна эмоциональной энергии, возникающей, когда под угрозой оказывается нечто (или некто), воспринимаемое как важнейшая ценность – например, будущее родственных черкесских народов, которые на протяжении последних столетий уже потеряли столько людей и родных земель. Солидарность с борющейся за выживание Абхазией для кабардинцев, адыгейцев, черкесов стала эмоционально настолько же неотделима от собственного прошлого и будущего, как ранее судьба Карабаха для всех армян. Эффект травмы геноцида, актуализируемый абхазо-черкесскими национальными интеллигенциями вначале в литературных произведениях, а затем на площадках гласности и перестройки, все-таки, сработал и в этом случае. Воодушевление и бешеная решимость наступающих кабардинцев заставили оцепявшие площадь войска отступить и искать убежища в правительственных зданиях. Революционеры завладели в бою щитами, дубинками, касками и даже несколькими стволами оружия, что подвинуло их к дальнейшим шагам. А ведь это были вполне обыкновенные вчера еще советские люди. «Знаете, я никогда не мог вообразить себя делающим что-либо подобное, например, забраться на танк, стучать в люки и требовать, чтобы солдаты вылезли и отдали нам оружие», – вспоминает молодой, застенчивого вида преподаватель в очках с огромными толстыми линзами.

Победа Кокова на президентских выборах в январе 1992 разрушила множество иллюзий. Кабардинская оппозиция осознала, что им от Ельцина не следует ожидать никакой помощи, а остается продолжать мобилизацию народа и возможно, прибегнуть к революционному устрашению силой. Шанибов скрытно выехал в Чечню, надеясь привезти оттуда хотя бы полсотни автоматов, с помощью которых планировалось завладеть арсеналами оружия в Кабардино-Балкарии. Присмотрели и место для базы кабардинских боевиков в одном из недостроенных горных туннелей. Там же, на горно-строительных работах, разжились взрывчаткой. Метод разграбления арсеналов к тому времени был хорошо известен: офицеров войсковых частей либо подкупали толстыми пачками наличных, либо запугивали демонстрацией решимости гражданских, лучше всего женских толп, подкрепляемых сзади отрядом боевиков. Чаще всего имело место сочетание обоих методов, поскольку взявшим деньги офицерам нужно было иметь видимую оправдательную причину, чтобы избежать трибунала⁸³.

Больших денег у Шанибова не было, так что автоматы были необходимы в качестве «начального капитала» для захвата необходимого для революции оружия. Однако президент Дудаев отказался предоставить даже несколько стволов. Указав на окно, он печально спросил у Шанибова, хочет ли тот, чтобы его родной Нальчик уподобился до зубов вооруженному и погрузившемуся в анархию Грозному? В данном эпизоде трудно судить о степени искренности Дудаева. Может, он не желал вызвать дополнительный гнев Москвы, с которой все еще

⁸³ Anna Matveeva and Duncan Hiscock (eds), *The Caucasus: Armed and Divided. (Small arms and light weapons proliferation and humanitarian consequence in the Caucasus)*, London: Safeworld Report, April 2003.

надеялся достичь компромисса, или же, как генерал, просто не доверял кандидату наук Шанибову. Возможно, по каким-то своим соображениям отсоветовал Звиад Гамсахурдия, который после свержения в январе 1992 г. жил в изгнании у Дудаева в Грозном⁸⁴. Существовало еще одно объяснение – желание чеченского руководства встать во главе Конфедерации горских народов. Чечня была единственной составной Конфедерации, отделившейся от России, и на этом основании Дудаев мог видеть себя в качестве законного главы движения за большое горское государство, а в Шанибове с его черкесским национализмом видеть соперника. Подобного рода напряженность хорошо засвидетельствована в анналах пан-националистических и международных революционных движений – стоит посмотреть на сложные отношения Бисмарка с пан-германистами, роль Советского Союза в Коминтерне, насеровского Египта в пан-арабском национализме, Ганы времен Кваме Нкрумы в пан-африканизме, или даже кастровской Кубы в Латинской Америке⁸⁵.

Шанибова отказ Дудаева раздосадовал, но не остановил. Революции представляют собой моменты в истории, когда самые странные импровизации способны внезапно изменить ход событий. У себя в Нальчике в штаб-квартире теперь уже не ассамблеи, а Конфедерации народов Кавказа Шанибов получил факс от вице-президента Конфедерации и одного из лидеров парламента Чечни Юсупа Сосламбекова⁸⁶. Это был проект официального заявления Конфедерации, осуждающего грузинское вторжение в Абхазию и содержащий ряд пунктов, которые Шанибов вначале отверг как проявление типичной чеченской бравады. Предлагалось объявить не только состояние войны с Грузией, но и интернировать всех грузин на Северном Кавказе в качестве заложников до вывода грузинских войск из Абхазии. Изменить первоначальное мнение, по словам Шанибова, его заставила секретарша, указавшая на толпу, собравшуюся под окнами на улице. И тогда он собрался с духом, и добавил последний параграф – приказ на выступление «добровольческих миротворческих батальонов Конфедерации горских народов», санкционировавший применение силы против всякого, кто попытался бы воспрепятствовать их выдвигению в Абхазию. Поскольку Абхазия имела границы лишь с Грузией и Россией, последняя строчка шанибовского приказа фактически предполагала нападение на российских пограничников и милиционеров, если те попытались бы закрыть границу. Вспомним, однако, прокурорскую молодость, Шанибов на всякий случай попросил

⁸⁴ При этом Дудаев, никогда не упускавший возможности напомнить о своем звании генерала авиации, грозился бомбить Тбилиси с воздуха, а Гамсахурдия уже после поражения осенью 1993 г. грузинских гвардейцев – которые его и свергли тремя годами ранее – вернется в западную Грузию для организации восстания, но вскоре загадочно окажется мертвым. Загадки оставим их любителям, сказав лишь: все это больше напоминает хаотичную импровизацию, в которой трудно разглядеть логику.

⁸⁵ Louis Snyder, *Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements*, Westport: Greenwood Press, 1984.

⁸⁶ Юсуп Сосламбеков, как уже упоминалось, не имел высшего образования и провел несколько лет в тюрьме по уголовной статье (то ли за драку, то ли за изнасилование). Однако он оказался способным политическим самоучкой и митинговым оратором. В Чечне Сосламбеков считался серьезным соперником Дудаеву, что позже привело к ссоре между ними. Еще до первой чеченской войны Сосламбеков добровольно покинул Чечню и обосновался в Москве. Там в 2001 г. он был убит при, как обычно, загадочных обстоятельствах.

секретаршу вместо него подписать грозный приказ – чтобы, в случае чего, отказаться от него. Оценим шанибовскую откровенность. Он сильно, наверное, боялся – но и бездействовать не мог. Его бы смели собственные бунтари. Надежда была на то, что война в Абхазии вскоре угаснет. Разумеется, не было ни батальонов, ни оружия, однако, решил Шанибов, «серьезный блеф следует доводить до конца». Но кто в разгаре революционной ситуации, включая тех, кто стоит вроде бы во главе, может с уверенностью сказать, что является блефом, а что нет?

Несколькими днями позже в районе Пятигорска российские гаишники остановили на транскавказской автомагистрали колонну из двух грузовиков и нескольких легковушек без номерных знаков. Выскочившие из них молодые люди потребовали права проезда на том основании, что являются ... передовым отрядом миротворческого батальона Конфедерации горских народов! Когда милиционеры в сомнении запросили по телефону начальство из города, командир добровольцев вынул листок бумаги и, указывая на него, с мрачной решимостью заявил, что на основании приказа президента Конфедерации Мусы Шанибова милиционеры и спешно прибывший из города руководитель горсовета берутся в заложники и при попытке бегства будет применено оружие. Молодым вожаком добровольцев был дотоле неизвестный чеченский тракторист Руслан Гелаяев, позже ставший одним наиболее известных лидеров чеченских боевиков. А тогда он вынудил взятых в заложники милиционеров и местных руководителей сопровождать его колонну до горного перевала на границе с Абхазией.

Подобное самоуправство происходило во многих северокавказских республиках, особенно в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, где этническое черкесское родство с абхазами ощущалось особенно сильно. Повсюду возникали группы молодежи, именовавшие себя добровольческими батальонами Конфедерации горских народов. Наиболее решительные демонстрировали чудеса выносливости, спешно переходя горные перевалы пешком, другие ехали к абхазской границе автобусами, чтобы на свой страх и риск пересечь пограничную реку Псоу вброд или добраться до абхазских зон контроля на катерах. Оставшиеся бушевали на площадях столиц своих республик, требуя от местных властей оружия и транспорта для выезда на защиту абхазских братьев от грузинских агрессоров. Северокавказская (вернее общечеркесская) революция внезапно вспыхнула от искры, которой стала Абхазия.

В Нальчике Шанибова пригласили в Министерство внутренних дел республики – как он полагал, для обсуждения путей снижения напряженности и предотвращения дальнейших стычек между митингующими, войсками и милицией. Вместо этого Шанибова без обиняков спросили, является ли Конфедерация горских народов общественным движением или же государственным образованием? Если это общественная организация, то должно подать заявление для регистрации соответствующими государственными органами РФ. Но поскольку Конфедерация объявила войну Грузии и начала ставить под ружье ба-

тальоны, то, следовательно, шанибовская организация начала присваивать себе атрибуты и суверенные права независимого государства, что является прямым нарушением российской конституции. Этот увлекательный теоретический диспут завершился арестом Мусы Шанибова, которого усадили в крытый тентом кузов грузовика и под конвоем отделения солдат на бешеной скорости повезли в аэропорт, где его уже дожидался вертолет.

Несколькими днями позже Шанибов бежал из тюрьмы. Московские (и, тем более, грузинские) журналисты сходились в циничной оценке побега как результата некой негласной сделки. Но может, все было проще, хотя и в этом случае едва ли героично. Шанибова не удержали по причине царившего в то время бардака – именно так оценивает приводимую ниже историю один из военных разведчиков. Попробуем разобраться.

Арест Шанибова поставил Москву перед типичной для контрреволюционных сил дилеммой: на свободе его деятельность выглядела раздражающе и достаточно опасной, и в то же время, держать народного трибуна в заключении, означало делать из него героя и мученика режима. Новость об аресте Шанибова действительно вызвала гигантскую вспышку негодования в Кабардино-Балкарии. Правительственное здание в Нальчике оказалось осажденным зло и всерьез. В свою очередь, президент Коков, на сей раз, также отреагировал всерьез, даже, в какой-то момент, раздав своей номенклатуре каски, бронежилеты и стрелковое оружие – вполне в соответствии с горской традицией мужской доблести (правда, в современных доспехах). Впрочем, один из помощников Кокова привел в пример последний бой президента Сальвадора Альенде во время военного переворота 1973 г. в Чили, а именно знакомую всем советским гражданам фотографию Альенде в каске. Каким бы не был источник, решение вооружить бюрократов послужило отчаянным сигналом, адресованным сразу нескольким сторонам: митингующим, президенту Ельцину, находившимся в Нальчике русским военным, и, в не меньшей мере, самим чиновникам, которых в буквальном смысле этого слова поставили под ружье. В не уступающем по символичности ответном послании митингующие пригнали на площадь бензовоз и пригрозили сжечь «логово воров», т.е. бывший республиканский комитет компартии, ныне именуемый домом правительства (то самое элегантное и внушительное здание сталинских времен, на стройке которого некогда едва не погиб отец Шанибова). Находившийся в здании российский генерал милиции Куликов (позднее министр внутренних дел РФ, отвечавший за первую войну в Чечне) вышел к народу и сурово пригрозил, что если к 21:00 митингующие не очистят площадь, то он вышлет бойцов спецподразделения «Альфа» и профессионалы раскидают толпу голыми руками. Недооценка Куликовым местной культуры оказалась вопиющей. На расчищенное для драки место перед зданием стали выстраиваться кабардинские борцы-разрядники, боксеры, каратисты, ветераны-афганцы и просто хулиганы покрепче. Дабы не быть обвиненными в несправедливом численном преимуществе, кабардинские повстанцы благородно

прекратили прием желающих померяться силами с «Альфой», когда их число достигло шестисот; десятки тысяч демонстрантов и сочувствующих в соседних дворах и сквериках ждали исполнения генеральского слова с азартом болельщиков. Об этом эпизоде кабардинские активисты вспоминают с самым большим удовольствием. Смех, конечно, смехом, но с обеих сторон на этот раз чувствовалась готовность применить силу. Если в Грозном чеченская революция обошлась только одной человеческой жертвой – чиновником, который то ли в попытке бегства выпал из окна штурмуемого толпой здания, то ли его подтолкнули – в Нальчике кровопролитие могло быть нешуточным. Но обошлось. Возвращение Шанибова сыграло в этом ключевую роль.

Шанибовская версия побега в кратком пересказе звучит примерно так: сразу после задержания, его вертолетом вывезли за пределы Кабардино-Балкарии и затем несколько дней переводили из одной тюрьмы в другую, не покидая, однако, Северного Кавказа. В одних тюрьмах начальство встречало его едва ли не с почтительным гостеприимством, предлагая принести печенья и кефира из магазина, в других его бездушно помещали в вонючую камеру с уголовниками. Не было ни последовательности в оказываемом приеме, ни допросов вообще. В конце концов, на легковой машине без опознавательных знаков в сопровождении двух офицеров милиции и водителя Шанибова повезли, как он догадался, в Ростов-на-Дону. Переезд оказался нелегким и занял почти весь день, отчасти потому, что на замену спустившего колеса понадобилось время. Пока меняли колесо, рядом притормозила машина с чеченскими номерными знаками. Вмиг побледневшие милиционеры полезли было за пистолетами, однако чеченцы, не знаящие о том, что те конвоируют вождя горских народов, просто остановились предложить свою помощь. В Ростов добрались уже ближе к полуночи, когда тюрьма, как и более нормальные учреждения, была закрыта. Два офицера, сопровождавших Шанибова, прошли с бумагами внутрь и долго не возвращались. Тем временем, усталый водитель начал клевать носом; Шанибов тихонько открыл дверь и выскользнул из машины. Вначале он притворился, что ищет укромного места справить малую нужду, а, отойдя подальше, рванул к ярко освещенным центральным улицам. Район ростовской тюрьмы ему был хорошо знаком с бытности районным прокурором в 1960-х; тот же опыт подсказывал, что искать его будут в темных переулках, а не в самом центре города. Притворившийся пьяным гулякой Шанибов добрался до квартиры друга, одолжил денег, переделся, и на следующий день тайком, запутывая следы, все же отправился из Ростова в Кабардино-Балкарию – вначале на частной автомашине, затем автобусом. Тем временем в Нальчике жене Шанибова звонили из милиции и КГБ, добываясь сведений о местонахождении ее мужа и, сокрушаясь, уверяли, что его и так бы освободили, без всех этих неприятностей с побегом. Бегство нашего революционера не слишком похоже на знаменитый хорошо подготовленный побег главы анархистов князя Кропоткина из лазарета Петропавловской крепости и, тем более, на похождения графа Монте-Кристо. Лично я

склоняюсь к мысли, что можно верить в достоверность этой версии, а не очередной «теории заговора», которая вполне может оказаться и дезой, подброшенной самим милицейским начальством в покрытие их упущения.

Как бы то ни было, история с шанибовским побегом позволяет нам оценить масштаб разброда в российском государстве летом 1992 г., через полгода после роспуска СССР и гиперинфляционного отпуска цен в порядке шоковой терапии в экономике. В политическом плане бежал ли он, или был выпущен на свободу, не имело особого значения. Шанибов вернулся в Нальчик, где ликующая толпа на руках вознесла его на импровизированную трибуну (кажется, козырек над входом в магазин на первом этаже многоэтажки), с которой он с жаром и поведал историю своего ареста и побега, народным пересказом незамедлительно снабженную различными романтическими подробностями. Он вновь повторил призыв к продолжению борьбы за смену правительства «чинуш, воров и московских пешек», за свободу народов Северного Кавказа в выборе их исторического будущего; однако, прежде всего – все силы на оборону братской Абхазии!

Предлагаемая посылка добровольцев на абхазский фронт неожиданно предоставляла сидевшей в осаде номенклатуре своеобразный предохранительный клапан, позволявший выпустить перегревшийся пар в другом направлении. В очередной раз следует упомянуть, что неизвестны или окутаны слухами детали многосторонних закулисных переговоров между Москвой, Тбилиси, абхазским правительством в Гудауте, российским военным командованием, властями северокавказских республик и вожаками горских добровольцев. Но, также в очередной раз, это не имеет особого аналитического значения. Прецедент уже возник весной 1992 г., когда на выручку Приднестровской молдавской республики с Кубани, Дона и Терека отправлялись отряды казачьих добровольцев, которые, как вполне обосновано считается, негласно курировало Главное политуправление Внутренних войск. Руководство северокавказских республик, очевидно, осознало, что в их же интересах было просить у федерального правительства, которое само ежечасно ожидало волны восстаний на кавказской периферии, разрешения на пропуск добровольцев в Абхазию.

Что касается президента Ельцина, то после обретения центральной власти ему в наследство, несомненно, достались и тайные операции конца эры перестройки. Их продолжению он едва ли мог противиться, следуя своему недюжинному политическому инстинкту – и вызывая многочисленные обвинения в вероломстве⁸⁷. Летом 1992 г. Ельцин, очевидно, все еще надеялся на скорый

---

⁸⁷ Заметим, что главой Грузии, хотя пока и довольно номинальным, весной 1992 г. стал Эдуард Шеварнадзе, вернувшийся из Москвы на разоренную и раздираемую гражданской войной родину в ореоле ее спасителя и миротворца. Действительно, вскоре удалось подавить остаточное сопротивление звиадистов в Мегрелии и затем, при российском посредничестве, надолго притушить войну в Южной Осетии. Считается, что Шеварнадзе вернулся к власти не без помощи, если не по прямой просьбе Ельцина – своего давнего и, говорят, доброго знакомого по горбачевскому Политбюро и объективного союзника в период противостояния горбачевскому правому повороту 1990-91 гг. В августе 1992 г. новоформируемые грузинские войска, незадолго до этого получив-

успех рыночных реформ и последующую стабилизацию. Он видел свою историческую миссию в исполнении роли верховного «гаранта», авторитетно (и авторитарно) разруливающего возникавшие со всех сторон конфликты, предоставляя делать свое дело команде молодых и политически неискушенных неолиберальных реформатов. Ельцин не мог допустить вслед за Чечней нового обвала власти в остальных республиках Северного Кавказа. Это грозило ему катастрофической потерей позиций в трудном торге с номенклатурными сепаратистами Татарстана и Башкирии, дало бы козыри оппонентам во все более националистически настроенном Верховном совете России, и, как многие тогда ожидали, могло подтолкнуть генералитет армии и госбезопасности, чья политическая лояльность оставалась неясной, на новую, более решительную попытку переворота во имя спасения отечества. Как всегда в политике, ожидание угроз является сложным комплексом рационального расчета, предрациональной интуиции, общих идеологем и личных габитусных диспозиций. Все московские реформаторы, начиная с Хрущева, неожиданно для себя столкнувшегося осенью 1956 г. с вооруженным восстанием в Венгрии, оказывались в какой-то момент перед острейшей дилеммой между развинчиванием гаек (продолжением реформ) и их поспешным завинчиванием, когда дальнейшие последствия либерализации приводили к неконтролируемым всплескам конфликтов и, по обратной связи, панически растущим опасениям за сами основы власти. Возобновление Ельциным неофициальной (хотя в сумятице не слишком тщательно скрываемой) поддержки абхазского сопротивления войскам госсовета независимой Грузии исходило не столько из империалистических идеологем и не из геополитических планов обеспечения «незащищенного южного фланга», сколько из стихийно возникавшей по ходу неконтролируемого развития событий политической многоходовки.

шие в качестве своей доли советского наследия тяжелое вооружению с ныне российских баз в Грузии, немедленно предприняли марш-бросок в Абхазию под предлогом прекращения грабежей проходящих из России поездов. Фактически это вторжение грозило ликвидацией абхазской автономии/сепаратизма, на что, по распространенному убеждению грузинской стороны конфликта, имелось негласное согласие Ельцина. Вторжение с первых часов сопровождали внесудебные расправы, грабежи и погромы, которые чрезвычайно возбудили не только абхазов и их собратьев на Северном Кавказе, но также проживавших в Абхазии многочисленных армян и русских, немало из которых вскоре встало на сторону абхазского сопротивления. По рассказу одного из советников российского президента, сопровождавшего его в августе 1992 г. во время отпуска в Сочи, он услышал, как в телефонном разговоре с Шеварнадзе Ельцин жестко-иронично бросил: *«Ну, что, подставили нас твои бандиты?»* Тем не менее, считается, что именно российские военные осенью 1993 г. спасли Шеварнадзе из горящего Сухуми после морального и военного поражения грузинского вторжения, и следом десант Черноморского флота пресек очередную попытку звиадистского восстания на западе Грузии, после чего Шеварнадзе согласился на формальное присоединение к СНГ (откуда в 2009 г. выйдет свергнувший Шеварнадзе Михаил Саакашвили). Вот такие хитросплетения к отчаянию ответственных историков и на радость сочинителям легенд и шпионских триллеров.

«Отечественная война народов Абхазии» и горских добровольцев

Именно так официально называется в Абхазии вооруженный конфликт с грузинской стороной, длившийся с августа 1992 по сентябрь 1993 г. Публичные упоминания горских волонтеров, однако, сделались проблематичными уже вскоре после войны по достаточно понятным причинам, в том числе потому, что в Абхазии впервые заявили о себе чеченские командиры Шамиль Басаев и Руслан Гелаев⁸⁸. Участие горских добровольцев было весьма существенным в политико-психологическом и военном плане. В некоторых операциях они составляли до половины и более сил, противостоявших грузинам. Называются различные цифры, обычно порядка трех-четырёх тысяч бойцов, несколько сот из которых погибло, хотя четкой общей статистики, по всей видимости, не существует – добровольцы держались своих этнических отрядов и дружеских групп, составлявших, особенно в неразберихе первых этапов войны, именно конфедерацию, а не единую армию, приезжали без предупреждения и некоторые из них так же внезапно уезжали. У отрядов горцев, по всей видимости, были и резоны политического и военно-стратегического характера, побуждавшие их держаться самостоятельно. Абхазскую армию, особенно в середине войны, негласно консультировали российские военные советники, которые следовали своим, полученным в военных академиях, схемам ведения регулярных и массовых боевых действий, отражавшим советскую стратегию и тактику времен Великой отечественной войны. Предписываемые ею фронтальные атаки с применением всех родов войск не соответствовали составу и вооружению добровольцев, плохо вписывались в горный ландшафт и приводили к чудовищным для малых народов потерям. (Чего стоили попытки форсирования протекающей в глубоком каньоне речки Гумиста весной 1993 г.) Горцы предпочитали скрытные партизанские вылазки, обходные маневры по крутым склонам хребтов, обманные движения и психологические трюки (например, чеченский волчий вой перед атакой), что для профессиональных военных советников, зачастую, звучало дикостью.

Руководители государственных структур Северного Кавказа отправляли добровольцев в Абхазию, снабдив их своим благословением, и не без чувства облегчения. Экспорт революционных смутьянов на другую сторону Кавказского хребта разряжал обстановку и давал надежду на политическую передышку. В свою очередь, Шанибов, добившийся официального согласия на формирование «миротворческих» батальонов Конфедерации при условии их немедленного выдвижения в Абхазию, искренне надеялся, что ценой временного соглашения с политическими противниками его Конфедерация сможет приобрести

---

⁸⁸ Отряд Гелаева, превративший во время второй чеченской войны Панкисское ущелье на территории Грузии в свою тыловую базу, в 2003 г. по многочисленным свидетельствам участвовал уже с грузинской стороны в вылазках на территорию Абхазии. Основным мотивом здесь следует полагать плату грузинским властям за постой в Панкиси и прочие негласные взаимные одолжения, хотя не стоит исключать эмоциональный элемент мести абхазским властям за проявленную неблагодарность и союз с Россией.

стратегический рычаг собственной, оваянной славой и закаленной в боях армии. Если первые добровольцы были вынуждены проходить горными тропами через перевалы в обход пропастей и ледников или пробиваться силой, как чеченский отряд Гелаева, Муса Шанибов и набранные им бойцы прибыли в Абхазию уже в длинной колонне автобусов в сопровождении российских военных вертолетов.

Кабардинцы составляли большинство конфедератов. По подсчетам Шанибова и нальчикской организации ветеранов Абхазии, в совокупности на той войне повоевало от полутора до двух тысяч кабардинцев; на памятнике погибшим в Налчике выбито 56 имен. Точный социальный состав кабардинских добровольцев неизвестен, однако по итогам бесед с участниками тех событий можно с достаточной уверенностью заключить, что, особенно на первом этапе, встречались и романтические молодые интеллигенты, но основную массу все же составляли более простые и сельские парни, в том числе, имевшие боевые навыки и диспозиции: молодые ветераны войны в Афганистане либо борцы и боксеры (эти мужественные виды спорта, не требующие сложного снаряжения и инфраструктуры, давно пользовались исключительной популярностью на Северном Кавказе, особенно в среде суб-пролетариев). В ходе бесед с бывшими добровольцами выяснилось еще одно показательное обстоятельство: среди них оказалось на удивление много сыновей из больших семей, где было четверо и более детей. Подобные семьи стали крайне редки в городских советских условиях, однако остались типичны в сельской и суб-пролетарской среде на Кавказе. Кроме того, повторю высказанное в первой главе предположение, что матери, у которых было несколько сыновей, с большей долей вероятности благословили бы того из них, кто решил пойти на войну.

В Абхазии мне как-то предоставили возможность ознакомиться с канцелярской папкой, содержащей документацию чеченского отряда, которым, вероятно, командовал Шамиль Басаев. Из привлеченных внимание особенностей первой была однородность басаевского подразделения: за редкими исключениями все были рождены в 1967-1973 гг., т.е. в годы абхазской войны им было от 19 до 25 лет. Практически все, за исключением самых младших, прошли срочную службу в советской армии. Все они были уроженцами лишь трех районов Чечни: двух горных (Шатой и Ведено, где родился сам Басаев), и города Грозного. В списке также значились две русские фамилии, плюс одна по звучанию немецкая или еврейская, и еще одна, судя по месту рождения и написанию, волжско-татарская. Об этих вероятных не-чеченцах никто не мог мне сказать ничего определенного. Сомнительно, чтобы они были наемниками, поскольку в басаевском отряде по всем свидетельствам поддерживалась высокая дисциплина и не практиковались грабежи. Хотя было полно бесхозных автомашин и телевизоров из оставленных грузинами домов, чеченцев интересовало только оружие. Возможно, бойцы с русскими, еврейскими и татарскими фамилиями все-таки были чеченцами из смешанных семей или детдома (такие слу-

чай известны), либо могли быть чьими-то друзьями, а может романтиками, знакомыми с Басаевым еще по совместной учебе в Москве. Несколько бойцов значились как имеющие неоконченное высшее образование, и еще у нескольких имелись дипломы техникума. Образование остальных – только средняя школа. Но самое большое впечатление произвели не списки, а бухгалтерская и прочая хозяйственная документация. Она старательно подражала официальному языку советских учреждений и войсковых частей, однако написанные на русском отчеты и расписки пестрели вопиющими и порой забавными ошибками (например, в соответствии с фонетикой кавказского произношения, самолет мог написаться как «самалот», бензин – «биндзин»). Тем более поражало стремление к скрупулезному ведению и хранению боевой документации, совсем как в настоящей Советской Армии⁸⁹.

Абхазия в какой-то мере стала для националистов Северного Кавказа тем, чем послужила Гражданская война в Испании для социалистических и коммунистических партий, или же Афганистан последних десятилетий для радикальных исламистов Ближнего Востока. Это была возможность получить оружие и боевой опыт, выковать политическое мировоззрение, принять непосредственное участие в борьбе против общего идеологического противника, но также и испытать громадный эмоциональный прилив в романтическом повстанчестве, невозможном у себя на родине, под властью консервативных элит, ощутить в экстремальной обстановке узы взаимной поддержки, преодолевающие границы, приобрести уверенность в себе – словом, все то, что в будущем могло помочь распространить борьбу на свои собственные страны⁹⁰.

Важным поворотом событий стало прибытие в Абхазию подкреплений ресурсами и людьми из Турции и некоторых ближневосточных стран (в основном Сирии и Иордании), где внушительные этнические меньшинства вели свой род от легендарной черкесской стражи-мамелюков и мусульманских изгнанников-мухаджиров времен завоевания Кавказа Россией. Ислам, помимо чувства этнического родства, создавал этому межнациональному союзу символическое обрамление. Рост роли ислама среди добровольцев горской Конфедерации в военное время имел и самое практичное значение. С первого дня Шанибов и его командиры пытались наладить строгую дисциплину среди своего воинства – например, запретить употребление спиртного и ввести систему наказаний провинившихся подчиненных. Можно было, конечно, воспользоваться моделью советской армейской дисциплины и пропаганды, что, как видели, также находило применение. Однако нормы шариата казались строже, духовно чище, авторитетнее, более соответствующими духу предков и совершенно уместными

---

⁸⁹ Анатолий Ливен, неоднократно наблюдавший Басаева и в Абхазии, и позднее в Чечне, т.е. на протяжении его эволюции из чегевариста в боевика и затем моджахеда, рассказывает, что во время самых тяжелых боев за Грозный в январе-феврале 1995 г. он наблюдал, как в штабе Басаева дневальный продолжал мыть пол во время бомбежки. Anatol Lieven, *Chechnya, The Tombstone of Russian Power*. Yale University Press, 1998.

⁹⁰ На стороне грузин в боевых действиях принял участие немногочисленный отряд украинских националистов, искавших возможности сразиться с «русским империализмом».

на войне. После первых боевых потерь возникли вопросы относительно ритуалов погребения павших товарищей. (И тут выяснилось, что у абхазов вовсе не было мусульманских кладбищ и мечетей, которые конфедераты начали создавать своими силами под довольно настороженными взорами абхазов.) Начиная с харизматичного Басаева, другие молодые командиры также стали сдвигать идеологию движения в сторону ислама, тем более что он символически противостоял всячески демонстрируемой принадлежности грузинских националистических формирований к христианству. Подобный военный прагматизм не следует считать циничным манипулированием. Законы шариата восходят ко временам Пророка, которому (в отличие от ранних христиан или буддистов), в первую очередь, требовалось воодушевить, дисциплинировать, символически упорядочить повседневную жизнь и посмертное существование своего разноплеменного воинства⁹¹. Именно эти практики раннего ислама впоследствии так помогли дагестанскому имаму Шамилю организационно и идейно структурировать созданное им в 1830-1850-е гг. повстанческое государство. Наконец, еще одним дополнительным объяснением может быть неловкость, испытываемая северокавказскими добровольцами при получении российской поддержки – особенно в присутствии своих ближневосточных собратьев – откуда и желание подчеркнуть исламскую общность. Исламизм, однако, не помог, а скорее способствовал расколу. Во-первых, ближневосточная религиозность культурно и лингвистически удаленных союзников стала сильно беспокоить самих абхазов как по культурно-конфессиональным (большинство абхазов мусульманами никогда не были), так и по политическим причинам (совсем ни к чему было отчуждаться от России). Возникло и все более опасное соперничество между кабардинцами и чеченцами, которое от джигитского азарта и взаимной демонстрации доблестей сдвигалось в религиозную и ритуальную сферу, где братские компромиссы были уже куда менее возможны. Кабардинцев могло, к примеру, глубоко оскорбить надменное отношение чеченцев к их старинному обряду воинского погребения, предписывающему завернуть убитого в бурку, что с точки зрения исламских ортодоксов можно счесть язычеством. Кабардинцев же и прочих горцев не прельщали чеченские «песни-пляски» вокруг могилы – на самом деле зикр, экстатический ритуал кадырийских суфиев. Различия в поведении и мировоззрении отражалось все более отчетливо в конфликте политических проектов. Как воспринимать оборону Абхазии – шагом к воссозданию Великой Черкесии? Мифической Конфедерации всех горцев? Исламским джихадом? (Это в защиту фактически язычников абхазов?!) Или же борьбой вместе с Россией против грузинского антисоветского сепаратизма? Но тогда что тут делают чеченцы? (Некоторые из воюющих чеченцев в разговорах с братьями-добровольцами других национальностей невозмутимо признавали, что судьба абхазов их не слишком волнует, но эта малая война дает хороший

⁹¹ Вероятно, наилучшим описанием раннего ислама является работа Олега Г.Большакова *История халифата*, т.1, Москва: Наука, 2000.

случай попрактиковаться перед будущей большой войной с Россией, что воспринималось собеседниками как «типично чеченское» смертолюбивое сумасшествие.)

Кризис горского конфедеративного проекта и сдвиг от демократизаторского национализма времен перестройки в сторону военизированного ислама ознаменовал начало заката траектории Шанибова-политика. Он оставался совершенно невоенным человеком. На довольно забавном фото, снятом в одном из санаториев Абхазии, у цветника перед входом в курортного вида корпус солидный Шанибов в фетровой шляпе и костюме при галстукке являет разительный контраст молодым бородачам из кабардинского отряда, пестро наряженным в камуфляж, джинсы, головные банданы, разгрузки, лихо перепоясанным пулеметными лентами – типичные Рэмбо-образные боевики начала девяностых. Шанибов также остается слишком узнаваемо советским интеллигентом, чтобы выглядеть вполне естественно при отправлении исламских обрядов. Его риторика, при всем национальном уклоне, была слишком сродни риторике российских демократов Собчака и даже Ельцина, но никак не риторике исламистов.

Война в Абхазии стала тяжелейшим периодом в жизни Шанибова. Его юный сын был подло убит, и что хуже всего, вне поля боя, уже после изгнания грузин. Говорили о сведении счетов. Сам Юрий Мухамедович о мотивах этого преступления и преступниках предпочитает не говорить. Возьмем и мы скорбную паузу.

Сам он был тяжело ранен дурной (уместнее слова не подобрать) пулей: молодой абхазский часовой у входа в кабинет, где шло совещание, играясь, уронил на пол автомат с патроном, досланным в патронник; на предохранитель автомат, разумеется, поставлен не был, и очередь прошла стену, ранив в ноги Шанибова и абхазского генерала. Местные хирурги рану залечить не смогли, и тогда за дело взялся кабардинский доброволец из Сирии, практиковавший народные снадобья на травах – рецепт, унесенный его семьей с Кавказа во времена мухаджирства. Подобный романтический способ лечения помог было Шанибову нарастить плоть, однако проблемы с поврежденной костью заставили его, затем, провести почти два года в российских военных госпиталях. Там он и стал читателем работ Бурдые, только что впервые переведенных на русский.

Фактически, ранение поставило крест на политической карьере Шанибова. Но даже до этой нелепой случайности он уже многим казался анахронизмом. В Москве Шанибов терял политические связи по мере консолидации власти Ельцина в конфронтации и, окончательно, после разгона Верховного совета. Для краткости скажем метафорично, что изобиловавшие водоворотами течения московской политики оказались слишком мутными и бурными для Шанибова, не сумевшего избежать промахов. Его политическая среда исчезла вместе с аналогичными ораторами от оппозиции образца 1990-93 гг. В Абхазии и Чечне молодые и напористые полевые командиры прибирали к рукам как планирование операций, так и поступающие финансы. Роль Шанибова (недаром его называли

тамадой Конфедерации) свелась к провозглашению идеологических лозунгов и участию в публичных мероприятиях в поддержку Абхазии. Но одних символических ресурсов для обеспечения политической позиции уже явно не доставало, да и война в Абхазии подошла к концу.

Война, пусть не самая большая по масштабам, была очень жестокой и сопровождалась мстительными преступлениями с обеих сторон: грабежи, поджоги, убийства, пытки и изнасилования взвинтили спираль взаимной мести до, казалось, массового умопомрачения. (Сразу хочу подчеркнуть, сказанное относится далеко не ко всем участникам войны. Война, однако, будто бы преднамеренно беспощадна к благородству чувств. Идеалистически настроенной молодежи и студентам, первыми поспешившим на помощь Абхазии, достались и самые тяжелые потери. Сказалась, очевидно, готовность рисковать ради высоких целей. Такие же романтики погибали первыми со всех сторон постсоветских этно-гражданских войн.) Но даже в самом чудовищном насилии прослеживается определенная логика. Ощущавшие себя загнанными в угол, перед лицом угрозы полного уничтожения, абхазы дрались сплоченно и отчаянно. По той же причине они выказывали порою параноидальную жестокость в поиске шпионов и предателей, особенно среди оказавшихся не по ту сторону фронта грузинских семей и в селах смешанного этнического состава, каковых было очень много. Грузинские шпионы и диверсанты, в самом деле, случались, как и направленные на превентивное запугивание зверства грузинских боевиков, что порождало в абхазах жажду немедленной мести. Но большинство попавших под руку грузин, несомненно, не имело к вторжению прямого отношения, а многие были сторонниками Звиада Гамсахурдия, свергнутого теми самыми боевиками «Мхедриони» и Национальной гвардии, которые теперь бесчинствовали в Абхазии. Абхазская реакция не вдавалась в детали политических предпочтений численно значительно их превосходивших потенциальных и реальных противников. Срабатывал механизм «наступательной паники» (*forward panic*), когда острое чувство страха, казалось, загнанных в угол людей, вдруг, сменяется возможностью преодолеть страх и минутную слабость нанесением врагу бешеной, крайне эмоционально интенсивной ответной жестокости⁹². Поиски в своем селе предателей и шпионов также скорее сродни архаичной охоте на ведьм – ритуальной борьбе за насильственное очищение социального организма, хорошо знакомой антропологам и историкам средневековой культуры. Это, увы, оборотная сторона крестьянской сельской общины, в силу соседской кооперации и перекрестного родства пронизанной разветвленными отношениями дружбы – что, в периоды кризисов, оборачивается переходом от плюса к минусу, острейшим страхом и насильственным полным отторжением «плохих» соседей⁹³.

⁹² Randall Collins, *Violence: A Sociological Theory*. Princeton University Press, 2008.

⁹³ Литература, рационально исследующая источники крайне жестокого поведения людей, достаточно обширна. На мой взгляд, наиболее полезными работами являются, соответственно, с био-эволюционной, антропологической, и культурно-социологической точек зрения: Jared Diamond, *The Third Chimpanzee: The Evolution of*

Если насилие со стороны абхазов носило более крестьянский характер, выражавшийся, в том числе, в «охоте на ведьм», то грузинские формирования в те дни скорее напоминали феодальный рыцарский поход – не в смысле рыцарского благородства, но поведения реальных крестоносцев при захвате Константинополя и Иерусалима. Свидетели злодеяний с грузинской стороны постоянно упоминают высокомерие и презрительно-отстраненное безразличие, с которым творилось зло. Это, скорее, аристократические комплексы. Люди, вероятно, воюют так же, как работают или играют, что в теоретических понятиях актуализирует роль социального габитуса как постоянного принципа в генерировании самого различного рода деятельности – от работы до досуга и войны. Грузинские националистические добровольцы зачастую вели себя на поле боя подобно феодальной знати, соревнуясь друг с другом в зрелищных до безрассудства актах личной доблести. Храбрецы могли выйти покурить под пулями на передовой, устроить пикник в зоне боя – вспомните завтрак мушкетеров при осаде Ля Рошели. По той же причине в повседневной фронтовой работе царили аристократические лень и расхлябанность. Никто не желал натирать руки в рытье окопов или обслуживании и ремонте доставшихся от советских времен танков. Бойцы грузинских отрядов, с которыми я разговаривал вскоре после окончания войны в Тбилиси, Батуми (однажды даже в самолете во время долгого перелета из Нью-Йорка в Москву), с поразительной откровенностью, смешанной с горечью и негодованием (очевидно в качестве психологической компенсации после позора поражения) описывали воинство, которое, в самом деле, трудно считать армией. Употребление наркотиков было едва ли не повальным. Бойцы корпуса «Мхедриони» («Всадники») под командованием харизматично-колоритного бывшего грабителя банков, доктора искусствovedения и неплохого романиста Джабы Иоселиани, охарактеризованные одним из знающих собеседников как «плохие мальчики из хороших тбилисских семейств», по его же словам отличались более изысканными и дорогими пристрастиями к морфинам, в то время как менее элитарные, в массе своей сельские и суб-пролетарские нац.гвардейцы бывшего скульптора Тенгиза Китовани довольствовались анашой. Значительную часть времени бойцы проводили за вином и яствами, собранными в ближайших домах или отобранными у их обитателей (многие из которых также были грузинами). Приказы оспаривались или не выполнялись из демонстрации собственного достоинства. (Пример: в ответ на приказ отправляться на пост, боец игриво снял с офицера его форменную кепку, нахлобучил ее обратно под общий гогот товарищей, и лишь после того отправился на пост.) В периоды нудного окопного сидения иногда больше половины личного состава подразделений могло попросту уехать отдохнуть домой (по уважительной причине, вроде свадьбы друга), прихватив в подарок «трофейный» ковер, люстру или телевизор.

Но здесь нас в который раз поджидает опасность скатиться к абсолютизации этнической культуры и излишней историзации. Президент Абхазии Владислав Ардзинба, в советской жизни доктор наук и признанный специалист по протохеттской мифологии, вскоре после взятия Сухума фаталистично признал в интервью журналисту, что разграбление захваченных городов является неизбежной традицией войны еще с Бронзового века. Возможно и так – однако это означало также, что иррегулярные отряды боевиков и ополченцев в абхазской и прочих недавних гражданских войнах на территории бывшего СССР не выказали организационной дисциплины, выучки и иерархической сплоченности, отличающих современные вооруженные силы от воинств эпох и стран, не испытывавших рационализующей модернизации. Провал был и моральным, и институциональным; командиры, которые не могли опираться на профессиональную военную идеологию, субординацию и практику карьерного поощрения своих людей, в качестве вознаграждения позволяли им насилия и грабежи.

В последние дни войны абхазские ополченцы и их союзники по Конфедерации изгнали из Абхазии практически всех грузин, т.е. почти половину довоенного населения автономии. Конец войны ознаменовался не меньшими жестокостями, чем начало – со множеством кровавых разборок и вендетт, причем, необязательно национального или политического характера. Убивали друг друга из-за споров по поводу «трофейного» имущества, за старые довоенные обиды, по совершенно необъяснимым «отвязным» поводам. В то же время было бы неверным видеть в насилии последних дней войны лишь месть, опьянение успехом или атавистическую жестокость. Явственно проглядывает наличие целенаправленной стратегии, стремящейся максимизировать воздействие устрашения на противника. Подобно всем стратегиям террора, запугивание есть оружие слабых (в организационном отношении). Маленькая полурегулярная армия не имела возможности осуществления полицейского надзора над грузинским гражданским населением и предпочла изгнать потенциально враждебных жителей (а, следовательно, в долгосрочном отношении изменить демографический баланс). Подобные действия вынудили грузинское население бежать из зон, которые абхазские и добровольческие силы оказались достаточно сильными, чтобы захватить – и слишком слабыми, чтобы контролировать.

Итогом войны в Абхазии стал позиционный тупик. Грузинское воинство потерпело поражение, и вслед за ним было изгнано гражданское население. Затем и само грузинское государство едва не кануло в очередной гражданской войне. Однако на международном уровне Грузия смогла ответить на военную победу Абхазии ее политической и экономической блокадой. Международные нормы признания государств действуют на основе консенсуса и легко могут быть заблокированы наложением вето со стороны государства, столкнувшегося с угрозой отделения его части. На следующие два десятилетия некогда процветавшая Абхазия осталась в изоляции среди сожженных прибрежных кафе, заброшенных вокзалов и многоэтажек, сорняков, забивших сады – как будто ил-

люстрация к ставшему в те годы модным тезису о «демодернизации» как нати-вистской реакции на глобализацию. Нам, однако, теперь должно быть более понятно, какое зло на самом деле посетило эту землю.

Губернаторская реставрация

В конце 1993 г. вернувшиеся из Абхазии кабардинские добровольцы встретили дома совершенно иные политические реалии. Революционная ситуация остыла до такой степени, что о ней стало даже неловко вспоминать. В ходе короткой гражданской войны в октябре 1993 г. президент Ельцин разогнал заседавшую в переходном парламенте России оппозицию и стал единоличным правителем. Кровавые октябрьские события в Москве, за которыми последовало принятие новой конституции, наделявшей президента почти императорскими бонапартистскими полномочиями, положили конец затянувшейся революционной ситуации в России (впрочем, полномочия оказались не так-то легко употребить в крайне ослабленном государстве). Кабардино-Балкария вновь оказалась под руководством Валерия Кокова и сплотившей свои ряды бюрократической патронажной сети. Балкарцы поутихли, разгневанные кабардинцы ушли с улиц, все погрузилось в трудные заботы экономического выживания в неопределенно длительной депрессии, вдвое превзошедшей по глубине знаменитые американские бедствия 1930-х гг. Казалось бы, такие страдания должны были поднять народ против властей. Но произошло ровно наоборот – общественная активность иссякла. Демократия для «простых людей» стала едва не бранным словом. Национализм как движущая сила исчерпал себя. Политика российских провинций, включая Кабардино-Балкарию, стала определяться режимами бюрократической реставрации, вылившейся в коррумпированный олигархический патронаж. Давайте посмотрим, как сложилась подобная конфигурация.

После роспуска СССР в декабре 1991 г. новое и слабое правительство Ельцина находилось под давлением на трех уровнях: извне Запад требовал дальнейших геополитических уступок и большей открытости глобальным капиталистическим потокам в обмен на предоставление займов Всемирного Валютного Фонда; окружавшие Кремль московские неолиберальные технократы и финансисты (будущие олигархи) стремились стать теми, кого венгерский академик Иван Селеньи назвал идеологизированной по западным образцам «компрадорской интеллигенцией»⁹⁴ – фактически посредниками между мировым капитализмом и российской промышленностью и ресурсами; в провинциях же у власти в основном оставались номенклатурные руководители прежнего второго эшелона. В этом треугольнике – Запад, московские чиновники и олигархи, провинциальные губернаторы – теперь будет разворачиваться практически вся политическая интрига.

⁹⁴ Gil Eyal, Ivan Széleányi, and Eleanor Townsley, *Making Capitalism without Capitalists*. London: Verso, 1998.

Важно понять, кто тем временем не смог или перестал быть политической силой. Некогда преобладавшие в советской экономике промышленные пролетарии и специалисты оказались неспособны оформиться в классовую политическую партию. Социал-демократический проект потерял массового носителя. Потрясающе быстро сошла со сцены интеллигенция – ее аудитория стремительно исчезала, а лозунги демократии и национализма были перехвачены и эффективно использованы новыми правителями. Не стали партией и в целом консервативные «красные директора», которых еще недавно так опасались радикальные демократы и неолиберальные рыночники. Так же, как и с интеллигенцией, никто не ожидал, что депрессия так быстро подорвет позиции этого класса. Все еще направляемые своими советскими связями и габитусом, советские управленцы пытались, как и прежде, лоббировать в Москве продолжение ресурсопотока, однако наталкивались даже не столько на идеологическое сопротивление младореформаторов, сколько на грубо осязаемый факт, что объем поступавших в распоряжение российского правительства средств упал до трети предыдущего уровня⁹⁵. Перспектива массовых банкротств в значительной мере лишила управленцев переговорных и перераспределенческих рычагов, как и ослабила решимость пролетариата к действиям. Собственно, на это и рассчитывали неолиберальные реформисты – банкротства и реструктуризация на всех уровнях должны были привлечь иностранных инвесторов. Однако вместо бурных потоков с Уолл-стрит, где как раз начинали постигать баснословные возможности освоения Китая, интернета и новых финансовых схем, потек лишь ручеек. С прекращением плановых капвложений и с несостоявшимся приходом иностранных концессионеров оставалось отложить перевооружение заводов и довольствоваться советским техническим наследием. Кроме природных ископаемых на внешний рынок предложить оказалось почти ничего.

Главы областей и провинций оказались перед лицом непосредственных общественно-политических последствий неолиберальных реформ. Чтобы осознать размеры угрозы и найти способы с нею совладать, им не требовалось быть знакомыми с классической работой Карла Поляни и его теорией «двойного шага» в ответ на рыночное разрушение общества⁹⁶. Главы регионов вернулись к старым политическому габитусу и практикам бюрократического патронажа, на сей раз задействованным против нависшей угрозы уничтожения рынком самих основ провинциального общества и, следовательно, их власти. Человека, знакомого с подлинной политэкономией государственного социализма, подобный поворот событий не удивил бы, однако неолиберальные реформаторы оперировали понятиями непреложных рыночных законов, предположительно свободных от наложенных историческим опытом и географическим местоположением особенностей. В отличие от Латинской Америки, в СССР воплощенное в аппарате коммунистической партии институционное слияние политики

⁹⁵ Vladimir Popov, "Shock Therapy Versus Gradualism: The End of the Debate." *Comparative Economic Studies* Vol. 42, no 1 (2000), pp. 1-57.

⁹⁶ Karl Polanyi, *The Great Transformation*. New York: Farrar & Rinehart, 1944.

и экономики сделало первых секретарей обкомов ключевыми фигурами в обеих областях. Ельцинская конституция 1993 г. фактически признала эту власть губернаторов, автоматически предоставляя им места в верхней палате нового парламента России. Совет Федерации, этот *suī generis* сенат, стал клубом губернаторов и платформой для политического лоббирования. Таким образом, сенат ельцинской эпохи воспроизвел основные черты властных функций и состава прежнего Центрального Комитета, но за исключением декоративного представительства депутатов из рабочих, колхозников и женщин⁹⁷. По ходу дела губернаторы, которые учились действиям в новых условиях и активно перенимали друг у друга опыт, достигли заключения двух соглашений. Первым была номинальная приватизация предприятий с сохранением прежнего руководства, что позволило установить контроль над ресурсами. Во-вторых, губернаторы стали во главе промышленных руководителей в создании сетей бартерного обмена, обеспечивавшего выживание обанкротившихся предприятий, несмотря на замораживание их банковских счетов⁹⁸. В итоге, это не только прочно привязало промышленных руководителей и рабочих к «своим» губернаторам, но и перекрыло поток местных ресурсов к московскому Центру.

К середине 1990-х губернаторы разработали несколько исходивших из местных особенностей, но взаимопересекающихся стратегий для обхода рынка. Здесь нам не стоит задерживаться на рассмотрении частных случаев, поскольку исход в каждом случае был одинаковым: неопатримониальный политический капитализм протекционистского толка⁹⁹. Выходило, что куда центральное правительство в Москве номинально выказывало приверженность выполнению требований МВФ по обузданию инфляции и монетарным ограничениям, губернаторы на местах создали множество заменителей денег (чеки, векселя, налоговые расписки местного обращения, платежные обязательства), которые позволяли проводить постоянную девальвацию де-факто и спасли от передела и реформ стоявшие на грани банкротства предприятия. Таким неожиданным образом распад плановой экономики и коммунистической партии не похоронили, а, напротив, подтвердили центральное значение бывших секретарей обкомов и новых губернаторов в ключевых региональных сетях. Эти социальные сети удерживались лишь тем, что можно назвать доверием отчаяния, поскольку заключаемые неэффективные договоренности выглядели приемлемыми лишь в сравнении с тотальным разрушением хозяйства, позиций местных элит и зависимых от них коллективов работников. Скоропалительно набросанные схемы бартерных обменов нарушались бесчисленными конфликтами, повальной коррупцией и бегством множества прихвативших украденное «политических капи-

⁹⁷ В 2001 г. Совет Федерации был реформирован Путиным с целью замены децентрализованного патернализма централизованным.

⁹⁸ David Woodruff, *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999; Lawrence P. King, «Making Markets: A Comparative Study of Postcommunist Managerial Strategies in Central Europe», *Theory and Society* 30 (2001).

⁹⁹ Valerie Bunce, «The Political Economy of Postsocialism», *Slavic Review* 58: 4 (Winter 1999).

талистов» и «силовых предпринимателей» в оффшоры Кипра, Испании и Эмиратов. Вот откуда постоянно звучавшие в дискурсе Кокова и многих других провинциальных руководителей 1990-х гг. призывы объединиться и помнить о местном патриотизме.

В отсутствие действенных судов и правоохранительных органов повсеместно стало процветать предоставление частного права и защиты. Силовые предприниматели возникали из множества социальных групп, обладавших необходимыми сплоченностью и опытом насильственных действий: бывших заключенных, сообщества профессиональных воров, банд «оборотней в погонах», суб-пролетарских молодежных шаяк, нашедших новое применение своим физическим данным и командной спайке спортсменов, этнических мафий. Все они попытались урвать свой кусок от сверхприбыльного пирога частной защиты. Позднее, в конце девяностых, восстановившиеся власти на местах значительно потеснили криминалитет, позволив лишь некоторым выжившим в годы повсеместной стрельбы везунчикам сохранить свою специфическую нишу на нижних уровнях рынка частного права и защиты. Но это пока вовсе не означает торжества закона – профессиональные корпорации сотрудников госбезопасности, правопорядка и связанные с ними официально зарегистрированные частные охранные агентства просто взяли под свой контроль наиболее прибыльные сектора и заняли над-рыночные охранные ниши, ранее захваченные рэкетирами¹⁰⁰. Какое отношение это имело к политике? Объем откупных и сама доступность защиты от произвола (либо негласная лицензия на произвол) также находились в прямой зависимости от губернаторского либо президентского аппарата.

Теперь мы можем понять, почему после стольких потрясений Валерий Коков остался центральным действующим лицом, в целом, той же самой хозяйственно-политической элиты Кабардино-Балкарии. Подобно многим российским губернаторам, он сумел выстроить мощную сеть патерналистических зависимостей, концы которой сходились у него в кабинете. Еще в 1992 г., когда шанибовские добровольцы уезжали воевать в Абхазию, Коков сумел достичь прочного компромисса с ельцинской администрацией в Москве. Козырной картой в торге с Москвой стала Чечня и угроза дальнейшего сепаратизма на нестабильном Кавказе (с 1998 г. добавится угроза ваххабизма). По мере восстановления множества внутриэлитных договоренностей, Коков преодолевал свой прежний имидж едва не свергнутого коммунистического чиновника, преобразуясь в патриархальную фигуру заслуженного государственного деятеля, воплощение местного патриотизма и консерватизма. Более того, теперь в Москве к нему относились как к надежному партнеру (пусть и склонному к культу своей личности). Новая власть Кокова зиждилась на его исключительном положении сразу в нескольких сетях: он был вхож в московские центральные органы

---

¹⁰⁰ Vadim Volkov, *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in Making of Russian Capitalism*, Ithaca: Cornell University Press, 2002.

власти, откуда добывал политическую и экономическую поддержку (т.е. благосклонность Москвы предоставила Кабардино-Балкарии возможность частично пользоваться доходами России от экспорта сырья и иметь опосредованный доступ к распределению зарубежных кредитов); он имел возможность направлять бартерные и лоббистские выгоды от заключенных с коллегами по Сенату ельцинской эры межрегиональных союзов; он же контролировал чиновников местного аппарата власти, а их посредством и местные потоки ресурсов; наконец, это избирательно-целевой патронаж над группами местного населения в зависимости от их статуса и относительной важности на данный момент. Но и это еще не все. Как и все губернаторы девяностых, Коков тщательно взращивал и опекал нарождавшееся «деловое сообщество» постсоветских предпринимателей. Большинство были все те же хозяйственные номенклатурные кадры либо (и даже скорее) кто-то из числа их близких родственников и подчиненных. Но некоторые в прошлом были студентами и национальными активистами под началом Шанибова. Во время перестройки они стояли у входа в номенклатуру, затем надеялись воспользоваться для следующего взлета энергией волны революционного противостояния 1991-1992 гг., но в итоге соглашались принять сделку с официальным истеблишментом. В девяностые годы стало казаться, что Кокову удалось все, и он закрепился на долгие годы – как правители республик Средней Азии.

Конец пролетариата

К концу советской эры экономика Кабардино-Балкарии основывалась на довольно индустриализированном сельском хозяйстве, здравницах и домах отдыха у источников минеральных вод, цветной металлургии на сырье из местных вольфрамомолибденовых залежей и нескольких предприятиях всесоюзного военно-промышленного комплекса. Все четыре экономические отрасли непосредственно зависели от контроля и капиталовложений союзного Центра (во многом даже дома отдыха, поскольку группы отдыхающих направлялись сюда советскими профсоюзами), и именно поэтому оказались в числе наиболее пострадавших в результате отказа от центрального планирования и перехода к рыночной экономике. Однако кончина центрального планирования вовсе не означала автоматического возникновения рыночных механизмов, поскольку масштаб, характер и специализация советских промышленных объектов вовсе не способствовали легкому проведению приватизации. Что, к примеру, делать с используемым обычно в производстве броневой стали и бронебойных снарядов молибденом, когда российское правительство не могло позволить себе купить ни то, ни другое, а Запад бдительно следил, чтобы ни то, ни другое не стало объектом экспорта в страны Третьего мира?

Обеспечение жизненных потребностей работников теперь почти не работающих производств, даже в сельских областях, оставалось зависимым от

рабочих мест. Зависимость эта имела множество материальных воплощений: заработную плату (пусть даже нерегулярно выплачиваемую), предоставляемые колхозами взамен зарплаты корма и удобрения, детские сады при предприятиях, водоснабжение и отопление от теплоцентралей соседних промышленных предприятий и т.д. Зависимость выходила за рамки чисто материальной и охватывала практически все стороны общественной жизни, включая идентичность, социальный статус и ожидания, семейную жизнь и каждодневное общение¹⁰¹. Профессиональный капитал пролетариев является коллективно зависимым и привязанным к рабочему месту: ценный оператор доменной печи должен стоять близко к печи и находиться среди своих коллег. Со времен сталинской индустриализации советские предприятия задумывались в качестве плавлен для трансформации бывших крестьян в современных советских граждан – ядро новых обществ – и, таким образом, в явственное выражение советской цивилизации в действии¹⁰². Однако, по излюбленному выражению Майкла Манна, каждая цивилизация становится клеткой своих субъектов¹⁰³.

Миллионы бывших советских трудящихся не могли и не желали порвать со своим индустриализированным образом жизни. В 1990-х ВВП России упал более чем наполовину (в Кабардино-Балкарии даже больше), по официальным данным в 1991-2000 гг. уровень реальных зарплат снизился на 60%. Тем не менее, рабочие продолжали ходить на предприятия и в учреждения, где им платили униженно смехотворные зарплаты или не платили месяцами. Забастовки при этом были редки, носили символический характер и, как правило, длились не более трех дней. Старые заводы продолжали работать на четверть или половину своей мощности, причем как без качественного перевооружения технических мощностей, так и без перемен в стиле управления¹⁰⁴.

Чтобы хоть как-то смягчить последствия повсеместно распространенной вопиющей бедности, задействовались три механизма компенсаций (хотя все они толкали пролетариев к суб-пролетарским условиям существования). Первым было подсобное приусадебное хозяйство на маленьких клочках земли вокруг городов и во дворах частных домов – пасущихся коров можно было видеть даже на центральных улицах Нальчика. Вторым была расцветшая буйным цветом «челночная» торговля с границей. Как только стало возможным чартерными рейсами отправляться в Стамбул, города Китая или беспошлинную зону Эмиратов, от тридцати до сорока миллионов (!) российских граждан, преимущественно женщин, стали огромными сумками ввозить дешевые товары для последующей перепродажи на вещевых рынках. Этот вид предпринимательства

¹⁰¹ Подробное рассмотрение постсоветской зависимости работников от их предприятий можно найти у Stephen Crowley, *Hot Coal, Cold Steel: Russian and Ukrainian Workers from the End of the Soviet Union to Postcommunist Transformation*, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997; Также см. А.М.Никулин, “Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду?”, *Социологические исследования*, н.1 (213), январь 2002, стр. 41-52.

¹⁰² Завод как ключевой объект в советском цивилизационном процессе прекрасно рассматривается у Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*, Berkeley: University of California Press, 1995.

¹⁰³ Michael Mann, *The Sources of Social Power*. Vol 1. Cambridge University Press, 1986.

¹⁰⁴ Ростислав Капелюшников, «Ненужный спасательный круг», *Эксперт* N 22 (16 июня) 2003, стр. 64-66.

был ненадежным и зачастую опасным, однако оставался одной из редких возможностей как-то заработать на жизнь. Третьим компенсационным механизмом были разнообразные формы взаимопомощи у родственников, соседей и друзей. Однако необходимые для нее сети могли разрушаться, что отражается в звучащих повсюду жалобах на то, что отношения с друзьями и родственниками (в Нальчике эти категории охватывают крайне широкие круги) ныне не являются столь тесными и прочными, как прежде.

Данные социологических опросов 1990-х гг. регулярно показывали, что в национальных республиках, как и в русских областях и краях Российской Федерации, основной причиной обеспокоенности населения (40-50%) являлся экономический спад¹⁰⁵. Вслед за ним идут, в различной последовательности, обусловленные социальной нестабильностью уличная преступность (хулиганство), ухудшение уровня образования, нестабильность работы и карьерного роста, кражи, распад семьи, плохое здоровье и старость. Примечательно, что озабоченность сохранением национальных культур, а также возрождение религиозных ценностей следуют далеко позади – на уровне около 10% или немногим менее.

Здесь-то мы и сталкиваемся с парадоксом – подавляющее большинство населения озабочено экономическими и социальными проблемами, однако крупные протестные акции случаются редко и, как правило, оказываются не социальными, а националистическими. Неверно сказать (хотя нам часто приходится это слышать), что эти люди апатичны, что им недостает гражданского самосознания, что они провинциальны, вороваты, неспособны к совместным действиям. Это неубедительные стереотипы. Всего лишь несколькими годами ранее те же люди весьма активно участвовали в дебатах и протестных событиях перестройки. Почему же они вдруг утратили веру в политику и интерес к дебатам? Частично, ответ состоит в том, что СССР развалился, а в то же время вроде бы и нет. Многие стало хуже, кое-что улучшилось (доступность импортного ширпотреба и продовольствия), но в целом окружающий мир остался привычно узнаваемым – только как-то подкосился, вынудив людей искать индивидуальные, семейные и частно-коррупционные стратегии выживания и решения возникших проблем. Население в какой-то момент перестало воспринимать себя народом и классами, оно атомизировалось, стало фаталистично покорным либо безразлично разочарованным во всякой политике. Эмоциональных поводов и организационных авангардов для возникновения мобилизующего чувства общности стало меньше. Насколько меньше и почему – задача, которую мы здесь не решим, но ее надо обозначить для будущих исследований. Скажем, вместо идеологических сетований публицистов, стоило бы обратить аналитический взор на то, как социально-психологические комплексы согласуются с изменением или преобладанием структур повседневности. Благодаря бартеру и про-

¹⁰⁵ Дмитрий Фурман и Киммо Каарияйнен, *Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России*, Москва: Летний сад, 2000. См. также данные, регулярно публикуемые в *Мониторинге общественного мнения*, Москва: ВЦИОМ.

чим патерналистско-защитительным действиям губернаторов, массовой открытой безработицы так и не возникло, забастовки или народные протесты оставались минимальными, рутина повседневной жизни истончилась, но сохранилась непрерывной. После обрушения советской власти и шквала рыночных реформ, страна вернулась к повседневности, странным образом напоминая дни брежневизма – что Майкл Буравой окрестил «индустриальной инволюцией» России¹⁰⁶.

Основная же часть объяснения, вероятно, состоит в том, что внутриэлитная политика новой эпохи, ставшая непрозрачной и безыдейной, и притом явно корыстной, оставила у большинства постсоветского населения ощущение обманутых надежд, беспомощности, и, как ответной реакции – цинизма (увы, далеко не безосновательного). В девяностых круг политических соперников резко сузился до нео-номенклатурных чиновников и олигархических предпринимателей. Интеллектуалы и пролетарии более не значили ничего – ни в качестве протестной массы, ни как производители материальных или символических товаров. Прибыль и власть отныне создавались не в областях промышленного производства, а путем связанных с глобальными потоками торговых обменов и финансовых спекуляций. Устраивать революции стало некому, незачем, не из кого. Дискредитированными оказались все масштабные программы мобилизации: социалистическое догоняющее развитие, пролетарская социальная демократизация, борьба за обретение национальной независимости и неолиберальное обещание рынка – все они прошли чередой за прошедшее десятилетие, чтобы каждое из них обернулось жесточайшим разочарованием. Ведущие общественные классы, когда-то бывшие в авангарде социальной мобилизации – капитаны промышленности и реформистская номенклатура, интеллигенция, специалисты, индустриальные рабочие – казалось, исчезли вообще или навсегда погрузились в бессильное, не находящее слов молчание.

Откат на периферию

Оглянемся на то, что мы наблюдали в этой и предыдущей главах. Парадоксальным образом, резкое ослабление деспотического государства ускоренного развития сделало практически невозможным его реформирование – потеря управляемости исключала проведение сложных маневров с заржавевшей, а затем и развалившейся машиной, чьи «винтики» обрели собственные стратегии. Без государства, не менее парадоксально, оказалось невозможным и закрепление гражданских обществ. Составлявшей их интеллигенции и специалистам помимо чтения запоем публицистики и хождения на митинги прежде требовалось где-то получать источники к существованию и статусные позиции для фор-

---

¹⁰⁶ Michael Burawoy, *The Great Involution: Russia's Response to the Market*. University of California, Berkeley. Unpublished paper, 1999.

мирования достойных идентичностей. После 1991 г. все это вдруг сделалось унижительной неопределенностью. В условиях дезорганизации оказалось крайне трудным, если не совершенно невозможным, демократизировать системы государственного управления и перенацелить экономические активы на достижение общественно рациональных целей. Созидательные программы подобного рода потребовали бы сильных институциональных основ и ясного, долгосрочного политического видения¹⁰⁷. Происходил же ровно обратный процесс катастрофически быстрого сжатия горизонтов. В надвигающемся хаосе задачи стали ограничиваться самыми ближними пределами как в смысле резко сжавшегося горизонта времени, так и крайней узости и причудливой нестойкости человеческих групп, вовлеченных в социальное взаимодействие. Иными словами, и старая номенклатура, и питавшие большие надежды интеллигентские оппозиционеры, и зарождающийся слой частных предпринимателей могли преследовать лишь самые непосредственные, сиюминутные задачи, и при этом надеяться лишь на круг знакомых, сослуживцев, родственников, или подчиненных личных клиентов. Доверие стало сильно зависящей от обстоятельств переменной величиной. Вот почему составные части политической мозаики зачастую стали складываться на традиционной основе географической и этнической общности.

В данной главе мы до сих пор фокусировали наш анализ преимущественно на рассмотрении переменчивого и поверхностного уровня политической истории и деяний личностей, который Фернан Бродель снисходительно называл «заурядной историей событий». Бродель, конечно, бравировал историографическим максимализмом, бросая свое знаменитое «События – это пыль!»¹⁰⁸. На уровне индивидуального человеческого бытия успех или провал в войне или попытке овладения властью может означать разницу между жизнью и смертью. Однако в долгосрочном плане Бродель оказался прав, настаивая на устойчивой безличной силе исторических структур. Саморазрушительность рассматриваемых в данной главе различных политических стратегий не была, вопреки распространенному стереотипу, результатом иррациональности неких этнических традиций, древней вражды или криминальных наклонностей. Главный вопрос, сформулированный в структурно-исторических терминах, мог бы звучать примерно так: какие общесистемные и местные процессы, какие силы и ограничители отбросили на периферийные орбиты государственные образования, появившиеся после развала СССР? Вопрос не праздный, учитывая, что всего за несколько лет миллионы людей, прежде живших на уровне, приближавшемся к

¹⁰⁷ О взаимосвязи исторической демократизации на Западе с институциональным расширением горизонтов социального пространства и времени лучше всего говорит обзорная статья Arthur Stinchcombe, "Tilly on the Past as a Sequence of Futures" у Charles Tilly (ed.), *Roads from Past to Future*, Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1977.

¹⁰⁸ Fernand Braudel, *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*, Baltimore: John Hopkins University Press, 1986.

социально-экономическим показателям Европы, оказались вдруг посреди опасностей и невзгод, более свойственных Латинской Америке или даже Африке.

Возникшая в период революционной ситуации 1989 г. историческая развилка, увы, наглядно подтвердила теоретический постулат насчет структурной устойчивости разделения современной миросистемы на ядро, периферийные и полупериферийные зоны¹⁰⁹. Регионы, бывшие полупериферийными и до коммунистического периода – а именно, пояс стран, протянувшийся от Эстонии и далее через Польшу и Венгрию до Словении – после 1989 г. быстро вернулся к своему полупериферийному состоянию, выразившемуся на новом витке в экономически подчиненной интеграции в Евросоюз¹¹⁰. Ни одно из этих государств не достигло мощи и благосостояния развитых капиталистических держав, но, по крайней мере, они оказались напрямую ассоциированы с капиталистическим ядром посредством вхождения в изначально западноевропейские политические учреждения, сети экономических и информационных обменов. Это выглядит достаточно удачным исходом крушения советского геополитического блока особенно на фоне катастрофических траекторий большинства бывших республик СССР и Югославии. В данной главе мы сравнительно-эмпирически проследили варианты траекторий различных областей Кавказа после распада СССР. Однако, при всей ценности этого материала для сравнительно-политологических теорий конфликта, вслед встает другой, куда более масштабный вопрос: почему даже избежавшие военно-революционных разрушений Аджария и Кабардино-Балкария все равно в итоге оказались столь бедными и глубоко периферийными для глобальных рынков?

Теоретическая проблема причин социально-экономической отсталости «незападных» стран и путей ее преодоления уже полвека находится в центре очень активных теоретических и политических дискуссий. В 1960-х быстро нараставшее тогда движение молодых леворадикальных политэкономистов (лидерами которого выступали такие незаурядные личности, как Андре Гундер Франк, Самир Амин или будущий президент Бразилии Энрике Кардозу) подвергло мощной критике дотолем господствовавшие теории культурной модернизации. Взамен леворадикалы попытались аналитически увязать состояние социально-экономической «недоразвитости» со структурной зависимостью Третьего мира (впервые названного ими «периферией») от «развитых» стран Запада, или центра/ядра. Подобный поворот открыл многообещающую теоретическую перспективу, поскольку позволял встроить траектории бывших колоний и полуколоний в целостную и динамическую общемировую модель постоянно развивающихся взаимоотношений, регулярно воспроизводящих отставание большинства и преуспевание немногих.

¹⁰⁹ Giovanni Arrighi, Terence K. Hopkins, and Immanuel Wallerstein, «1989: The Continuation of 1968,» in George Katsiaficas (ed.), *After the Fall*, New York: Routledge, 2001.

¹¹⁰ Варианты возобновленной полупериферийности в Центральной Европе суммирует Lawrence King, «Making Markets: A Comparative Study of Postcommunist Managerial Strategies in Central Europe», *Theory and Society* 30 (2001).

Ранние формулировки теории зависимости, однако, страдали прямолинейным экономическим и политическим детерминизмом. Вместо тонкого анализа они скорее предлагали сильные политические лозунги, которые были тогда востребованы националистическими элитами постколониальных стран. Изначальным объяснением периферийного состояния выступал европейский колониализм – т.е. прямое политическое господство и грабеж ресурсов, подобные имевшим место в испанском Перу и британской Индии. Однако обретение независимости бывшими латиноамериканскими колониями в 1820-х и афро-азиатскими после 1945 г. доказало, что само по себе колониальное господство не является удовлетворительным объяснением. В 1950-1960-х гг. усилия аналитиков были сосредоточены на таких разнообразных факторах, как недостаток современного образования, тяжелой промышленности, транспортной инфраструктуры, или же нео-империалистической политике Запада и неэквивалентном товарообмене с бывшими метрополиями. Однако новейший эмпирический пример бывших социалистических стран Восточной Европы, которые в 1990-х откатились на позиции периферийных, явно противоречит большинству из предпринимавшихся ранее попыток научно объяснить неудачи развития. Выяснилось, что можно быть независимым национальным государством, даже какое-то время геополитической и идеологической сверхдержавой, отстроить города с самым образованным населением и едва ли не переразвитой тяжелой промышленностью, создавать технику передового уровня, обладать мощнейшей современной армией, плюс меркантилистским автаркическим режимом, на протяжении многих лет не жалеющим усилий для достижения силового паритета в отношениях с Западом – и в конце концов вновь оказаться страной с типично периферийными социальными комплексами и практиками, откатившись на позиции Индонезии и Мексики. На сегодня основной неразрешенной проблемой теорий отсталости, требующей трезвого и комплексного аналитического подхода, являются причины многообразия исходов коммунистических стратегий догоняющего развития в бывшем советском блоке – и ничуть не менее в недавно еще отстававшем Китае и Вьетнаме.

Еще в начале 1980-х левый французский экономист Алэн Липец подверг внутренней критике упрощенческие подходы теорий зависимости Третьего мира. Он задался вопросом, отчего на самом деле эмпирически так сложно доказать, будто бы империалистические правительства и транснациональные корпорации Запада всегда и неизменно злонамеренно тормозили развитие остальных стран мира¹¹¹. Вместо постулата об империалистическом диктате Липец предложил сосредоточить внимание на структурном дифференце между капиталистическими метрополиями и периферийными странами в мировой топографии экономических, геополитических и культурных позиций. Подобная ситуация “объективно”, без чьей-либо конкретно определяемой злой воли, предрас-

¹¹¹ Alain Lipietz, *Mirages and Miracles: The Crises of Global Fordism*. London: Verso, 1987.

полагает к ведению властных игр, в рамках которых разрозненные периферийные элиты могут в узко рациональной манере преследовать краткосрочную выгоду за счет общественно иррационального подрыва потенциала развития собственных стран и, следовательно, долгосрочного ослабления своих коллективных позиций в миросистеме. Страны постсоветского пространства дают множество подобных примеров.

Намного глубже событийного уровня политических интриг, идеологической моды и международных финансовых махинаций, где-то вне поля зрения обычных людей (как, впрочем, и комментаторов текущих политических новостей) находится источник причин, невидимый в силу того, что является вневещным, до предела абстрагированным и исторически унаследованным, оттого кажущийся от веку данным, если даже не исторически роковым. Читателя, знакомого с русской литературой, должно, по крайней мере, озадачить, насколько перекликается с давними горькими размышлениями Чаадаева философский роман современного западноафриканского писателя Айе Квеи Армы с горько ироническим названием «Отчего мы так благословенны?». Переводя эту дилемму на социально-аналитический язык, речь здесь идет о структурных ограничителях, заложенных в глубинной морфологии капиталистической мировой экономики. Они действительно возникли и структурировались в ходе военно-коммерческой экспансии Запада на протяжении прошлых столетий. Времена менялись, но *mutatis mutandi* дифферент мирового неравенства, так или иначе, оставался устойчивым условием. Без чьего-либо осознанного воздействия, динамическая «игра за власть» продолжала раз за разом приводить к периферийному «недоразвитию» на каждом новом историческом витке. Даже если феноменальный экономический рост восточной Азии в скором будущем обернется перемещением центров мировой экономики и политики, остается вопросом, даст ли такая эпохальная подвижка шанс прочим районам мира изменить и свое положение в глобальной иерархии. Предположим, как обнадеживают вполне серьезные аналитики, уже в относительно близком будущем такая возможность просматривается¹¹². Чтобы не угодить в ловушку, тем более важно понять, как возникали, воспроизводились и функционировали структуры периферийной зависимости, препятствовавшие развитию.

Теоретический прорыв в понимании причин зависимости начинается с середины 1970-х, и был связан в первую очередь (хотя и не единственно) со школой миросистемного анализа, основанной Иммануилом Валлерстайном и впоследствии развиваемой Кристофером Чейз-Данном и Джованни Арриги. Сила прорыва определялась широким и неортодоксальным синтезом неомарксистской политэкономии господства (в том числе теорий зависимости), культурологической интуиции Грамши, неовеберовского анализа государственной власти с экономическими идеями Шумпетера, Поланьи и Калецкого – объединяемыми

¹¹² Джованни Арриги, *Адам Смит в Пекине. Что получает в наследие двадцать первый век*. Москва: ИнОП, 2008. Ha-Joon Chang, *The East Asian Developmental Experience: The Miracle, the Crisis, and the Future*. London: Zed Press, 2006.

историческим макро-видением Броделя. Разумеется, еще предстоит немало сделать для заполнения лакун, оставленных первопроходческими усилиями Валлерстайна и Арриги. Требуется увязать достижения миросистемной перспективы с теориями, действующими на других, менее глобальных уровнях причинно-следственных связей, прежде всего, микроэтнографии и культурологии повседневности и, на среднем уровне, сравнительного изучения государств и нишевых структур рынков. Это будет основной задачей следующего поколения исследователей. Здесь же давайте попробуем набросать эскиз того, как могут выглядеть подобные мостики от миросистемного уровня до ежедневно наблюдаемой реальности.

На обширном пространстве от Балтики до Тихого океана Советский Союз в ходе своего догоняющего развития насильственно и энергично насаждал совершенно однообразные, как сталинские заводы и хрущевские многоэтажки, изоморфные институты политического и экономического управления, равно как и социальные структуры, порожденные бюрократическо-индустриальной моделью¹¹³. В Белоруссии, Армении или Узбекистане возник стандартный набор номенклатуры и национальной интеллигенции, райкомов партии и государственных университетов. Однако бывалый современник, мало-мальски знакомый с положением дел в союзных республиках, мог вполне обоснованно утверждать, что колхоз или райком в Эстонии весьма своеобразно отличались от своих аналогов где-нибудь в Грузии в смысле внутренних норм, ритуалов общения и социальных функций. Подобные «бытовые» этнографические отличия между советскими учреждениями, очевидно, могут быть объяснены характером и композицией неформальных внутренних бюрократических сетей, видов местных ресурсов и стратегиями перераспределения средств, и, соответственно, в немалой степени спецификой повседневного образа и «стиля» властвования, питаемого местной культурой и социальной структурой.

Следует сознательно сопротивляться соблазну легко выразить и объяснить подобные вариации в абсолютизирующих категориях, восходящих к давним предубеждениям насчет цивилизационной пропасти между (якобы унитарными) Востоком и Западом. Например, распад советской власти в номинально исламском Азербайджане скорее отразил политическую лихорадку в соседних христианских Армении и Грузии, однако к худу ли, к добру ли, отличался от сценариев центральноазиатских республик. Вразрез с предположениями экспертов по региональным цивилизациям и в противоположность политической риторике самих национальных движений времен перестройки, исламское наследие, турецкая этнокультурная общность либо, в противовес ей, персидская имперская традиция сыграли, по трезвому размышлению, не самую главную роль в постсоветской траектории Азербайджана. Что в действительности имело значение, так это нефть, регионально-земляческая патронажная клановость, и исключи-

¹¹³ Истоки и противоречия советского бюрократического изоморфизма проницательно исследуются в первопроходческой монографии бывшего советского социолога: Victor Zaslavsky, *The Neo-Stalinist State*, Armonk, NY: M.E.Sharpe, 1982.

тельное доминирующее положение столицы страны Баку с ее высокой плотностью претендующих на власть элит, но также и со значительными массами этнически различных рабочих промышленности и маргинальных суб-пролетариев. За контроль над столицей и нефтью вели и ведут ожесточенную борьбу различные бюрократические группировки, интеллигентские круги, полукриминальные предприниматели – которые все возникли в последние десятилетия советского периода. После всех кровавых и подчас непонятных перипетий 1990-х, и несмотря – а, скорее, даже благодаря – монополизации власти и привилегий в руках номенклатурно-султанистского семейства Алиевых, Баку остается центром политического активизма, что может еще привести к новым революциям и, возможно, возникновению конкурентной демократической политики. Остальные более традиционные по жизненному укладу районы Азербайджана остаются глубоко в тени Баку и активной роли играть до сих пор не могли. Оттуда лишь появлялись новые волны амбициозных провинциалов, ищущие завоевания почетных мест в столице. Достаточно ясно, что типологически Баку и новое азербайджанское государство остается ближе остальному Кавказу и, шире, Восточной Европе, нежели гипотетическому «Исламскому миру». Но положение это не жестко фиксированное: страна может двигаться в направлении большего либо, напротив, меньшего приобретения периферийных черт. Будущее Азербайджана просматривается в достаточно широком секторе возможностей от закрепления на какой-то период (скажем, еще на поколение) неопатримониального нефтяного «султанизма» до каких-то форм вероятного националистического популизма (наиболее чреватого возобновлением войны за Карабах, в которой Азербайджан, между прочим, отнюдь не поддерживается исламским Ираном) и более устойчивой капиталистической демократии, скорее всего, в той или иной стабилизирующей ассоциации с объединенной Европой. В любом случае, сектор возможностей Азербайджана не определяется кардинальной дихотомией Восток/Запад.

Понятие периферийности в рамках мирового разделения труда, власти и ресурсов дает более надежный и аккуратный аналитический инструмент, нежели любая модель, исходящая из примата экзистенциального «столкновения цивилизаций». Периферия есть системный, взаимоотноносительный и подвижный определитель, который противостоит широко распространенному предрассудку насчет предопределенности культурных традиций. «Национальная» культура является сложным, исторически приобретенным и, в силу этого, изменчивым и изменяемым (пускай нелегко) набором социальных практик. Более того, культура является областью, которая не может существовать в отрыве от измерений власти, экономического производства и социальной иерархии. То, что теоретики модернизации обычно подразумевают как связанные с отсталостью культурные свойства, в более материалистической перспективе предстает в основном как функция трех факторов.

Первым является поверхностное проникновение государства в общество. Иначе говоря, периферийным государствам недостает того, что Майкл Манн назвал «инфраструктурной властью», способности изменять поведение своих граждан, отчего в основном и кажутся незыблемыми традиционные практики самоорганизации. Подобное положение дел американский политолог Джоэл Мигдал охарактеризовал в заголовке влиятельной среди политологов разработки монографии как сосуществование в Третьем мире «Сильных обществ и слабых государств»¹¹⁴. Подобные государства нередко применяют к своим гражданам грубую силу именно потому, что у них в распоряжении нет других, более тонких и нормализованных методов воздействия. Соответственно, слабые государства вынуждены опираться на сложную полуформальную сеть служащих себе на благо функционеров, корыстных чиновников, региональных предводителей и прочих «значительных лиц» на местах. В отсутствие эффективного надзора со стороны центральной власти и, как правило, по негласной договоренности властителей и привилегированных подчиненных, подобные госслужащие имеют тенденцию частично, если не целиком присваивать собранные ими формальные ассигнования, налоги и пошлины и тем более разнообразную мзду. В итоге выбор финансовых возможностей периферийного государства сводится к выпрашиванию зарубежной помощи или банковских кредитов, монополизации легко контролируемых главных отраслей неэластичного спроса (продовольствия, топлива или в наши дни мобильной связи) и, если такая удача дана геологией, экспорта ископаемых богатств, особенно нефти.

Периферия представляет собой зону, где государственные учреждения в большей степени работают на основе личных связей, нежели формального бюрократического продвижения, и являются в основном своекорыстными синеккурами. Находящиеся под влиянием Макса Вебера ученые называют подобные модели правления неопатримониализмом, т.е. частно-семейным владением государственными должностями¹¹⁵. Как мы увидели в предыдущих главах, неопатримониализм подтачивает структуры внешне вполне современного формального государства и, в момент кризиса, может сделать их крайне хрупкими. Сочетание во многом лишь фасадных современных учреждений (формального

¹¹⁴ Michael Mann, *The Sources of Social Power, Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Joel Migdal, *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

¹¹⁵ основополагающей работой по неопатримониалистической модели правления в странах современной постколониальной периферии является статья Гюнтера Рота, известного американского переводчика и комментатора наследия Макса Вебера. См. Guenter Roth, «Personal Rulership, Patrimonialism, and Empirebuilding in the New States,» *World Politics*, vol. 20, no. 2 (1968), pp. 194-206. Дальнейшие теоретические и эмпирические последствия были вскрыты израильским социологом Шмуэлем Айзенштадтом S.N.Eisenstadt, *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*, London: Sage, 1973; Jean-Francois Medard, «The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neopatrimonialism,» in Christopher Clapham (ed.), *Private Patronage and Public Power*, New York: St. Martin's Press, 1982, pp 162-192. Относительно неопатримониальных моделей в советской партийно-государственной системе см. Ken Jowitt, *New World Disorder: The Leninist Extinction*, Berkeley: University of California Press, 1992. Ясное и теоретически эрудированное описание концепции неопатримониализма в применении к посткоммунистической Украине находим у Александра Фисуна, «Политико-режимная трансформация Украины: дилеммы неопатримониального развития», *Стілос*, Киев, 2002, стр. 4-14.

правительства, парламента, даже избирательных процедур, что требуется для международного признания) и по сути личной, неопатримониальной модели власти делает периферийные государства дисфункциональными, а их демократии – имитационными. В самом деле, они нередко вопиюще неэффективны в предоставлении общественных благ, которые мы связываем с современным государством – основополагающей безопасности граждан и их собственности, образования, строительства и поддержания дорог, медицины, общественного транспорта и т.д. Но в тоже время, если допустить в наш анализ неизбежную долю сарказма, приходится признать, что подобные государства являются весьма эффективными механизмами, производящими богатых правителей в бедных странах. Околовластная олигархия – типичнейший показатель и родовой признак неопатримониальной модели правления.

Во-вторых, государства, которые не могут обеспечить эффективное управление, координацию и защиту, создают неблагоприятную среду для конкурентного рыночного предпринимательства. В странах, где чиновники склонны к присвоению предназначенных на исполнение госпроектов бюджетных средств, всякое предпринимательство автоматически рассматривается в качестве потенциального объекта вымогательства. В результате местная экономика оказывается поляризованной на два практически несвязанных сегмента. На верхних уровнях мы находим гипертрофированно крупный бизнес, контролируемый зарубежными институциональными инвесторами либо местными олигархами, поскольку только они обладают влиянием и силой, чтобы обеспечить собственную безопасность и действовать в неблагоприятной среде, заискивая перед правителями в закулисных сделках, подкупая или запугивая алчных чиновников, полицейских и просто бандитов. На другом полюсе находится большинство простых граждан, которые пытаются как-то выжить за счет мизерных зарплат, семейной взаимопомощи, подсобного хозяйства, временного трудоустройства, мелкой торговли и случайных приработков вплоть до люмпенской преступности – словом, того, что перуанский социолог Анибал Кихано совокупно называет «простонародная экономика» (*la economía popular*)¹¹⁶.

Третий набор условий относится к социальной структуре периферийной «отсталости» и замыкает причинно-следственный круг. Распределение власти в таких странах крайне неблагоприятно для многочисленных и плохо структурированных маргинальных групп, находящихся в самых низах общественной пирамиды. Они могут постоянно нарушать законы и даже периодически бунтовать, но у них мало навыков и возможностей для последовательной политической мобилизации с целью долгосрочного институционального закрепления своих требований перед правителями, олигархами и чиновниками на местах. В то же время периферийная экономическая структура оставляет недостаточно места для формирования среднего класса и кадрового пролетариата, которые теоретически могут обладать достаточными ресурсами для реального воздей-

¹¹⁶ Aníbal Quijano, *La economía popular y sus caminos en America Latina*, Lima: Mosca Azul Editores, 1998.

ствия на существующий режим и преобразования государства в нечто более приемлемое для общества, управляемое законами и менее хищническое. Образованные средние классы специалистов и индустриальный пролетариат, конечно, эпизодически возникают, поскольку современная экономика не может существовать вовсе без них. Однако они остаются меньшинством, как правило, изолированным в городских центрах либо связанных с мировой экономикой анклавах (шахты и нефтепромыслы, прибрежные экспортные зоны, научные городки, куда транснациональные корпорации все более выносят черновую часть своих производственных процессов). В результате эти классы не могут, а нередко и не желают, реализовать свой гипотетический потенциал проводников рационализации общества и основных требователей законных политических преобразований, поскольку они невелики численно, несвязно разбросаны по социальной иерархии, территориально ограничены анклавами, уязвимы перед лицом репрессий, или же подкуплены зарплатами, которые на фоне местного обнищания выглядят заманчивыми.

Наиболее многочисленным классом периферий современности являются суб-пролетарии, быстрыми темпами сменяющие крестьян по мере того, как традиционные структуры сельского уклада буквально на наших глазах отмирают по всему миру¹¹⁷. Массовое присутствие в трущобных пригородах уже ушедших из села, но так и не влившихся в городскую среду суб-пролетариев сегодня приводит к колоссальному потоку дюркгеймовской социальной аномии со всеми сопутствующими комплексами и патологиями, либо к отчаянному возрождению казалось бы архаичных семейно-соседских практик и религиозных верований. Демографически стесненные в своих хозяйственных нишах и социально уязвимые крестьяне и суб-пролетарии, не контролируемые и чаще всего просто непонимающие внешние для них истоки нестабильности существования, особенно подвержены популистской мифологии светского или религиозного характера и могут время от времени учинить шумные беспорядки. Однако это едва ли приводит к конструктивному преобразованию государства и общества, если восстания не сопряжены с политическими проектами более образованных и дисциплинированных групп, наделенных навыком политического предвидения и закрепления своих политических достижений. Но что вообще остается преобразовывать на более гуманистический лад, если государства безнадежно неэффективны и хронически коррумпированы? Чего остается ждать от социалистических, национальных, или либеральных интеллигентских призывов после того, как все предыдущие попытки авангардного преобразования общества и достижения уровня современного Запада окончились деморализующим провалом и возвращением на круги своя? Жителям (гражданами их назвать можно с натяжкой) периферийных стран остается выбор между повседневным приня-

¹¹⁷ О связи «раскрестьянивания» (de-ruralization) с миграционными, религиозными, и классовыми конфликтами времен нынешней глобализации имеется показательный и в основном крайне мрачный обмен мнениями между звездами мировой макросоциологии и истории: Charles Tilly, Immanuel Wallerstein, Eric Hobsbawm, Aristide Zolberg and Lourdes Beneria in *International Labor and Working-Class History* 47 (Spring 1995).

тием подчиненного положения по отношению к правителям, которые сами являются подчиненными в системе мировой экономики и международной политики, либо эмиграции в государства «ядра», что для многих видится теперь наилучшим выходом даже без всякой визы. Для некоторых, впрочем, остается еще вариант обращения к, казалось, полузабытым религиозным практикам, освященным традицией и дающим, по крайней мере, ощущение коллективной принадлежности, взаимовыручки и моральности земного существования.

Итак, можно подытожить, что периферия является зоной, где вместо идеального типа бюрократа, по Максиму Веберу преданного исключительно учреждению и рациональному правовому кодексу, мы обнаруживаем слишком много «коррупцированных» чиновников, которые, следует признать, совершенно рационально преследуют собственную выгоду в отсутствие публичной морали и надежды на достойную комфортабельную отставку по выслуге лет. Не в силу неких местных традиций (ибо мало в современном мире практик, более распространенных на всех континентах, чем бюрократическая коррупция), и также вполне рационально эти чиновники неизменно состоят в сетях семейного, этнического, служебного и какого угодно личного патронажа – поскольку в нестабильных государственных структурах только личные связи обеспечивают их относительную (и всегда лишь относительную!) безопасность и комфортное существование. Соответственно, чиновники просто обязаны изыскивать способы собирания мзды, поскольку им необходим капитал для достижения и сохранения привилегированных позиций, для дальнейших обменов в своих социальных сетях и «кланах», ну, и конечно для собственного показного потребления, приятно подтверждающего их элитный статус.

Экономика, вернее, хозяйственная деятельность, поскольку об интегрированной экономике говорить здесь неправомерно, в случае полной периферизации оказывается разорвана на неравные сегменты. Господствуют гипертрофированные «белые слоны» показного государственного развития и толстокожие «носороги», крупные бизнес-конгломераты, способные интернализировать за счет своего веса охранные и политические издержки. Их нередко трудно отличить от госсобственности, хотя частное присвоение прибыли более или менее легальными путями указывает на скрытое присутствие реальных бенефициариев. Выходя на мировые рынки, эти гиганты местного масштаба регулярно оказываются в положении заведомо младших партнеров мирового бизнеса. Они недостаточно сильны на этом уровне, чтобы определять условия сделок, и в результате фактически платят ренту старшим партнерам, контролирующим глобальные финансовые потоки, передовые технологии, и, самое важное, доступ на емкие рынки стран «ядра». Из неэквивалентного обмена, в самом деле, возникает значительная часть типично периферийных черт. В таком положении остается снижать издержки за счет собственной рабочей силы, поэтому периферийный капитализм склонен более к явной диктатуре либо к фальшивой, имитационной демократии. Действенная демократия на периферии грозит трудовы-

ми конфликтами и общей непредсказуемостью, особенно в случае прихода к власти перераспределительных популистов социалистического или иного толка. Как правило, периферийный олигархический бизнес вполне способен и желает закулисно договариваться с авторитарной властью. О законности вспоминают, в основном, когда внутриэлитная конкуренция или обрыв связей при смене правителя более не позволяет решать «свои вопросы» полюбовно. В этом случае возможны даже демократические революции при поддержке проигравших олигархических фракций.

Борьба за государственную власть может оказаться также источником важнейших конкурентных преимуществ на мировом уровне, поэтому неверно говорить, что олигархия всегда противится и саботирует укрепление власти. С одной стороны, достаточно сильное государство может оградить внутренние рынки протекционистскими барьерами и создать монопольные заповедники для своего крупного бизнеса. В недавнем прошлом это обычно именовалось стратегией замещения импорта и поощрения национального производства. Вполне предсказуемо, как верно указывают неолиберальные экономисты, признанный своим бизнес теряет стимулы к инновациям и пускает прибыли на роскошное потребление и подкуп чиновников, поскольку государственные преференции и монополии дают куда больший, предсказуемый и «ленивый» доход¹¹⁸. Страну со временем постигает хозяйственный застой и непроизводительная коррупция.

В намного более редком варианте, бизнес выстраивается за государством (или его выстраивают) с тем, чтобы единой силой пробиться на мировые рынки. Эта стратегия, более всего известная на примере Восточной Азии, именуется экспортной ориентацией. Она, кстати, не менее предрасполагает к коррупции, поскольку место в строю дорого стоит. Отличие в том, что в перспективе оказывается выгоднее вкладывать коррупционные доходы в общее дело, поскольку оно сулит новые и, в основном, легальные доходы. Так Япония некогда выходила с полупериферии в ядро капиталистической мироэкономики, так Южная Корея, Тайвань и Сингапур выбивались из периферийного положения, тем же путем теперь, похоже, двинулся и все еще коммунистический Китай. Возможно, данный анализ применим и к полупериферийной Финляндии, изобретательно и успешно преодолевшей кризис, вызванный распадом своего гигантского соседа. Но у этой успешной стратегии при внимательном и трезвом исследовании обнаруживается такая масса своеобразных структурных и чисто случайных «деталей», что восточноазиатский феномен, в самом деле, начинает выглядеть чудом – а чудо по определению уникально¹¹⁹. Теоретики пока не сходятся во мнении, как и насколько возможен перенос экспортно-ориентированной стратегии в другие страны. В любом случае, для целей нашего исследования может иметь значение только сама теоретическая возможность альтерна-

¹¹⁸ Vivek Chibber, *Locked in Place. State and Markets in India*. Princeton University Press, 2002.

¹¹⁹ Bruce Cumings, *Korea's Place in the Sun*. New York: Norton, 2005.

тивных стратегий повышения статуса страны в миросистеме и тот факт, что государственная организация всегда играет в этом ключевую роль¹²⁰.

Самостоятельные предприятия крепкого среднего уровня в условиях периферии, как правило, не выживают. Прочая же хозяйственная деятельность протекает на уровне кустарей, отходников-мигрантов, извозчиков-таксистов, микро-мастерских и лавочек, крестьянских и семейных приусадебных участков. Слишком многочисленный и неустойчивый слой оторванных от села людей обращается в неуправляемые массы суб-пролетариев. При этом условия типично периферийной концентрации власти и использования ее для монополизации автономных от общества экспортно-импортных потоков (тех же минеральных ресурсов) либо экстенсивного понижения издержек за счет применения дешевого труда оставляют слишком мало пространства для возникновения внутренне организованных классов индустриального пролетариата и специалистов с высшим образованием. Эти классы, которым на самом деле уже есть, что терять, и которые могут эффективно отстаивать свои интересы перед лицом государства и привластного бизнеса только выработав классовую культуру и организации, кумулятивно, в течение девятнадцатого и двадцатого веков, оказались главными двигателями возникновения современных демократий Западной Европы¹²¹. Вопреки Марксу, западный пролетариат не стал могильщиком капитализма, поскольку по мере институционализации своих достижений именно наемным работникам, массовой интеллигенции, специалистам и малым предпринимателям, оказалось, более целесообразно настаивать на последовательном применении правовых и долгосрочных методов разрешения конфликтов. Шаг за шагом, они институционализировали свои совокупные достижения в структуру политического гражданства и современного государства благосостояния. В этом направлении в 1960-80-х годах двигался и СССР вплоть до катастрофического развала, как минимум на поколение отбросившего его осколки в периферийное состояние деиндустриализации, распада наиболее организованных социальных групп, и «султанистского» правления.

Данное описание неминуемо отмечено импрессионистским упрощением, которое в целях обобщения жертвует реальной исторической многогранностью. Однако берусь утверждать, что оно выводит нас на правильное направление при анализе тяжких, но не настолько уникальных последствий развала СССР. Усложняющим является то обстоятельство, что в XX веке существовало множество самых разнообразных государств ускоренного развития. Советский Союз был среди них одним из ранних, крупнейших и хронологически длительных примеров диктатуры развития, достаточно долго выглядевшей успешной. Однако сегодня диктатуры развития видятся уделом прошлого. (Но, опять-таки, невероятные темпы и масштабы развития коммунистического Китая ставят исследователей перед исключительно серьезным затруднением). Сегодня, когда

¹²⁰ Alice Amsden, *The Rise of the Rest*. Cambridge: MIT Press, 1998.

¹²¹ Charles Tilly, *Roads from Past to Future*. Rowman and Littlefield, 1997.

вновь встает задача анализа отсталости и меркнет идеологический оптимизм глобализации, насущным становится критический пересмотр и новая операционализация концепций периферии и стратегий догоняющего развития.

Несмотря на риск впасть в еще одно упрощенческое обобщение и вызвать критику ортодоксальных левых либо державных оборонцев, берусь заявить, что миросистемная периферия уже давно не является зоной империалистического господства. В своей основе периферия представляет собой зону различных структурных слабостей, а слабость привлекает несчастья самого различного рода. Даже если нельзя полностью сбрасывать со счетов уязвимость перед лицом иностранной экономической и геополитической экспансии – не это главное. Двадцатый век дал нам массу различных впечатляющих примеров успешно организованного сопротивления, чей опыт в той или иной мере применим и сегодня. Наиболее распространенной угрозой для периферийных обществ является их незащищенность перед хищническим поведением собственных элит, которые могут посчитать выгодным осуществление стратегий, в итоге приводящих к коррупционному размыванию государственной власти и деиндустриализации. И в то же время эти элиты не являются ни самоубийцами, ни безумцами – по крайней мере, на индивидуальном уровне. Эти люди определенно знают, что на самом деле означает политическая власть в их уголке мира. Однако на коллективном уровне сами властвующие субъекты все время останавливаются перед неразрешимой задачей собственной организации в качестве сплоченного, представляющего свои интересы господствующего класса – что и является их главной слабостью. Плохи элиты? Допустим, плохи, но куда важнее понять, почему настолько плохи?

Если мы захотим охарактеризовать периферийную государственность эпохи глобализации одним словом, то им может быть безответственность. Причем это вовсе не обязательно личная безответственность, а структурная – правители и элиты не отвечают на главные вызовы государственной власти. На уровне внешней политики периферийные государства наших дней на самом деле не особенно озабочены проблемами своего военного выживания, поскольку вполне защищены от угрозы полной аннексии более сильными иностранными хищниками. В противоположность прошлому, с 1945 года право на территориальное завоевание было достаточно эффективно исключено из кодекса поведения на международной арене. Даже тот грубо властный факт, что Соединенные Штаты и Европа оставили за собой право военного вмешательства для противостояния тому, что считают угрозой коллективной безопасности и правам человека, в целом, служит обеспечению существования большинства слабых государств, выражающих готовность хотя бы в порядке имитации следовать нормам, предписываемым «международным сообществом» – т.е. государствами капиталистического центра/ядра¹²².

¹²² Hendrik Spruyt, «The Origins, Development, and Possible Decline of the Modern State,» *Annual Review of Political Science* 5 (2002).

Во внутреннем отношении, современные периферийные государства могут позволить себе различную степень безответственности по отношению к собственным гражданам. Пресловутая «институциональная неэффективность» (lack of institutional capacity) является скорее предлогом, нежели причиной крайне неудовлетворительного уровня предоставляемых образования, здравоохранения, правоохранения или дорог. Проблема заключается в отстраненности и автономности периферийного государства от собственных граждан, которые в глазах властей не имеют значимости ни как призывники (поскольку такие государства массовых войн не ведут), ни как налогоплательщики (поскольку источником поступлений является помощь, кредиты из-за рубежа или монополия на опять же зарубежную торговлю)¹²³.

Преобладающие версии анализа глобализации лишь походя, скорее как обнадеживающее новшество на пути к космополитической гармонии, замечают, в самом деле, удивительную по историческим меркам действительность, в которой большинство мира теперь получает из-за рубежа самые традиционные основы государственности – оборонный потенциал и финансовую систему. Однако это наблюдение влечет за собой масштабные аналитические и политические последствия.

Начиная с теоретических прорывов Баррингтона Мура, Перри Андерсона, Стайна Роккана, Чарльза Тилли и Майкла Манна, специалисты в области исторической социологии и сравнительной политологии достигли сегодня убедительной и детализированной теории, объясняющей реальный ход развития современных государств в Европе¹²⁴. Новая теория выделила два взаимосвязанных фактора, сыгравших основную роль в формировании современного государства. Во-первых, это продолжительные войны, попросту убравшие с геополитической арены Европы большинство некогда многочисленных феодальных владений, которые не успели или не сумели создать постоянные армии и развитую бюрократию, требуемые для выживания в условиях постоянной эскалации масштабов, технической вооруженности и элементарной стоимости военной активности. Во-вторых, это было неуклонное на протяжении последних четырех веков увеличение налогообложения, поставившего ресурсы для последовательного наращивания государственных армий и флотов, связанных с ними отраслей промышленности, и самих гражданских бюрократий. Процесс европейского государствообразования был далеко не мирным не только на уровне геополитического соперничества, но также и внутри нарождающихся государств современности.

Восстания и революции, вызванные ростом королевской власти в ущерб всевозможным местным привилегиям и традициям, в долгосрочном плане и без чьего-либо сознательного плана послужили делу рационализации современных государств. Сам Тилли и его многочисленные последователи (прежде всего

¹²³ William Reno, *Warlord Politics and African States*, Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.

¹²⁴ Randall Collins, «Maturation of the State-Centered Theory of Revolution and Ideology,» in his *Macrohistory*, Stanford: Stanford University Press, 1999.

Джон Маркофф, автор виртуозно аргументированной, колоссальной по массе статистически обработанных материалов, и, судя по всему, во многом уже окончательной интерпретации Французской революции), равно как и разнообразные их конкуренты (Джек Голдстоун, Хендрик Спрайт, Ричард Лахманн, Фил Горски, Брюс Карратерс и Джулия Адамс) на впечатляющем архивном материале показывают, каким причудливым образом в европейской истории циклы анти-налоговых восстаний, их показательного подавления королевскими войсками, за которым обычно следовала некая торговля между комиссарами из центра с местными нотаблями по поводу менее конфликтного изъятия будущих налогов, в итоге раз за разом, хотя и без особого плана, выстраивали все более устойчивую и глубоко укорененную структуру государственной власти. Демократизация возникла не столько из абстрактных идеалов свободы и деяний легендарных трибунов (относящихся к самому драматичному, но и поверхностному уровню истории), сколько из того же цикла роста государственной власти – бурного сопротивления – нового уровня договоренностей о предотвращении гражданских конфликтов. Демократия на Западе, пройдя за последние столетия через несколько исторических взлетов и падений, в конечном счете, закрепилась, поскольку оказалась сопряжена с вековой тенденцией рационализации государственной власти. Парламенты, свободная от цензуры конкурентная пресса, партии и профсоюзы превратились в институциональные механизмы сложных переговоров по поводу отчуждения определенной части жизненных ресурсов населения в виде налогов и военного призыва молодых мужчин.

Теория Тилли не применима к миру наших дней. Запад в 1945 г. наконец прервал длительную череду своих внутренних войн и создал на сегодня весьма прочные механизмы их предотвращения, что также подразумевало де-факто коллективный протекторат над периферией. В подобном миропорядке периферийные государства могут черпать военную безопасность и финансовые средства извне – тем самым, избавляясь от хлопот и рисков эффективного управлением внутри. Их траектория ни в коей мере не повторяет путь, создавший Запад таким, какой он есть сегодня¹²⁵. Если взять метафору из зоологии, периферийные государства вовсе не являются растущими хищниками с активным метаболизмом и усложняющейся анатомией, подобно былым европейским государствам. Мы скорее наблюдаем здесь элементарное строение паразитарных организмов или поведенческую стратегию падальщиков.

Прежние государства ускоренного развития, особенно в фазе подъема, зачастую преследовали свои экономические и политические цели посредством тотальной пропаганды и насилия вплоть до массового террора. Однако и крушение модели государственного девелопментализма приводит к иным, пусть более мелким, но оттого не менее отталкивающим явлениям и

¹²⁵ Чарльз Тилли прямо, хотя без деталей указывает на разницу в развитии между странами Запада и современными периферийными государствами в заключении к своей работе *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992*, Oxford: Blackwell, 1992.

жестокостям. Наличие эффективного современного государства, как показывает пример Восточной Азии, особенно важно там, где рынки и капиталистические институты могут оказаться слишком слабыми и неустойчивыми к спекулятивным колебаниям, недопустимо хищническими, или настроенными на компрадорское обслуживание иностранных интересов и собственных традиционалистских олигархий. Однако, исчерпав потенциал диктаторской модели ускоренного развития еще в 1960-х гг. и затем, исчерпав также и стабилизационные ресурсы 1970-х гг., советский геополитический блок к 1989 г. утратил не только официальное единство, но и управляемость. Неуправляемый откат тянул его бывшие составляющие назад, на периферию, хотя и в разной степени, определявшейся относительной степенью сохранения/восстановления управляемости на уровне бывших стран-сателлитов и союзных республик. В свою очередь, степень разрушения государства зависела в основном от двух взаимопересекающихся процессов. Во-первых, «пожарное» бегство номенклатуры, вместе с СССР терявшей свои позиции, вело к неопатримониальному и к уже практически явному подкреплению командных цепочек личными назначенцами и захвату административных активов, которые превращались в новые базы власти и привилегий. Девизом тут служила знаменитая строка из сицилианского романа-эпопеи графа Томазо ди Лампедузы: «Все теперь должно измениться, чтобы остаться по-прежнему»¹²⁶. Вторым определяющим фактором была интенсивность и классовая составляющая протестных мобилизаций. Одни результаты были возможны там, где западнически настроенные национальные средние классы быстро (и можно сказать отрететировано) идеологически подавили или привлекли на свою сторону оппортунистическую часть номенклатуры. Это открывало путь ко вхождению в европейские структуры. Иные результаты возникли там, где уже номенклатура вовлекла в свои неопатримониальные сети отношений оппортунистически настроенных вождей протестующей или потенциально протестной массы. Самые разрушительные примеры дают и прежде менее индустриализованные республики, где основу протестных блоков в какой-то момент составил суб-пролетариат, способный сломать государство и выживать без государства – но не построить его заново.

---

¹²⁶ Giuseppe di Lampedusa, *The Leopard*. New York: The Limited Editions Club, 1988.